
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

3

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

3
МАЙ — ИЮНЬ

Москва

2023

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Стокгольмский университет, Швеция

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

© Российская академия наук, 2023

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

3
MAY — JUNE

Moscow
2023

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitrij O. DOBROVOL'SKIY Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
 Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
 Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
 Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
 Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

Е. В. УРЫСОН. К уточнению границ класса производных предлогов: грамматика и семантика единиц <i>исключая (присутствующих)</i> , <i>включая (присутствующих)</i> , <i>считая (женщин и детей)</i>	7
А. Б. ЛЕТУЧИЙ. Особенности разговорного употребления союза <i>что</i> : цитативность и другие нестандартные свойства	27
Н. В. БЕРНИЦКАЯ, Р. РУДЕ. Выражение неопределенности в высказываниях с настоящим-будущим совершенного вида типа <i>Они брали всё, что найдут</i>	60
Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ. О роли живого материала при верификации этимологических решений: случай <i>чепухи</i>	77
Z. M. KHALILOVA. Causative constructions in Bezhta	99
J. OLGUÍN MARTÍNEZ. Areality of clause-linkage: The consecutive construction in languages of Veracruz	122

Из истории науки

И. В. КУЗНЕЦОВ. К лингвистическим воззрениям Франца Боаса	143
---	-----

Рецензии

Е. В. ГОЛОВКО, А. Ю. УРМАНЧИЕВА. [Рец. на:] А. П. Володин (гл. сост.), Ч. Оно (ред.). <i>Полный ительменско-русский словарь</i> . Санкт-Петербург; Fürstenberg / Havel: Институт лингвистических исследований РАН; Verlag der Kulturstiftung Sibirien, SEC Publications, 2021	158
---	-----

Contents

Elena V. URYSON. Delimiting the class of derived prepositions in Russian: Grammatical and semantic features of <i>isključaja</i> ‘excluding’ and <i>vključaja, sčitaja</i> ‘including’	7
Alexander B. LETUCHIY. Russian colloquial complement clauses with <i>čto</i> : Quotative use and other special properties	27
Natalia BERNITSKAĬA, Robert ROUDET. Indefiniteness in Russian expressions like <i>Oni brali vsě, čto najdut</i>	60
Elena L. BEREZOVICH. The role of live material in verification of etymological hypotheses: The case of Russian <i>čepuxa</i> ‘nonsense’	77
Zaira M. KHALILOVA. Causative constructions in Bezhta	99
Jesús OLGUÍN MARTÍNEZ. Areality of clause-linkage: The consecutive construction in languages of Veracruz	122

Heritage

Igor V. KUZNETSOV. Towards Franz Boas’s linguistic views	143
--	-----

Reviews

Evgeny V. GOLOVKO, Anna Yu. URMANCHIEVA. [Review of:] A. P. Volodin (comp.), Ch. Ono (ed.). <i>Polnyi itel'mensko-russkii slovar'</i> [A comprehensive Itelmen–Russian dictionary]. St. Petersburg; Fürstenberg / Havel: Institute of Linguistic Studies; Verlag der Kulturstiftung Sibirien, SEC Publications, 2021	158
--	-----

К уточнению границ класса производных предлогов: грамматика и семантика единиц *исключая* (присутствующих), *включая* (присутствующих), *считая* (женщин и детей)

© 2023

Елена Владимировна Урысон

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; uryson@gmail.com

Аннотация: Объект работы — единицы *исключая* (присутствующих), *включая* (присутствующих) и *считая* (женщин и детей), традиционно относимые к производным предлогам. В работе показано, что эти единицы совмещают черты разных частей речи — глагола (деепричастия) и предлога. Поэтому частеречная принадлежность данных единиц неочевидна. Демонстрируется, что для отнесения этих единиц к определенной части речи требуется, во-первых, выявить, какие свойства описываемой единицы сближают ее с той или иной частью речи, и, во-вторых, на основании определенных критериев установить, к какой же части речи отнести данную единицу. В основу критерия определения частеречной принадлежности слова предлагается положить принцип экономности описания: из двух (или более) грамматических трактовок единицы выбирается та, при которой описание этой единицы в грамматике и словаре будет более экономным. Показано, что в соответствии с предлагаемым подходом данные единицы следует считать деепричастиями в функции предлога. Предложены аналитические толкования выбранных единиц. Обсуждаются причины несовместимости единицы *исключая* с квантором существования.

Ключевые слова: валентность, деепричастия, предлоги, русский язык, семантика, управление, части речи

Благодарности: Автор благодарит рецензентов за полезные замечания.

Для цитирования: Урысон Е. В. К уточнению границ класса производных предлогов: грамматика и семантика единиц *исключая* (присутствующих), *включая* (присутствующих), *считая* (женщин и детей). Вопросы языкознания, 2023, 3: 7–26.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.7-26

Delimiting the class of derived prepositions in Russian: Grammatical and semantic features of *isključaja* ‘excluding’ and *vključaja*, *sčitaja* ‘including’

Elena V. Uryson

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
uryson@gmail.com

Abstract: The object of the article are Russian forms *isključaja* ‘excluding, except’, and *vključaja*, *sčitaja*, both meaning ‘including’, which are traditionally classified as derived prepositions. I demonstrate that these items have properties of both verbs (more precisely, adverbial participles) and prepositions. Still, it is necessary to attribute each item to a certain part of speech. To solve this problem, I use the principle of economy of linguistic description. I show that the description of the items under discussion is shorter and more adequate if we agree to regard them as adverbial participles (gerunds) used in the function of a preposition. I propose an analytic explication of meaning for each item and, besides that, explain why *isključaja* does not combine with an existential quantifier.

Keywords: converbs, government, parts of speech, prepositions, Russian, semantics, valency

Acknowledgements: I am grateful to the reviewers for their useful comments.

For citation: Uryson E. V. Delimiting the class of derived prepositions in Russian: Grammatical and semantic features of *isključaja* ‘excluding’, and *vključaja*, *sčitaja* ‘including’. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 7–26.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.7-26

1. Введение: объект исследования и постановка задачи

Объект работы — единицы *исключая* и *включая* в контекстах типа *Пришли все, исключая <включая> Еву*, а также *считая* в контекстах типа *В крепости оставалось двести защитников, считая женщин и подростков*. Эти единицы трактуются академической грамматикой [Грамматика-70; РГ 1980] и словарями [МАС; СУШ] как предлоги, точнее — как производные отглагольные предлоги, управляющие определенным падежом.

Список русских отглагольных предлогов невелик. В него входят прежде всего единицы *несмотря на* (*дождь*) и *благодаря* (*хорошей погоде*), рассматриваемые единицы, а также единицы *начиная* и *кончая* (ср. *Все дети, начиная Евой и кончая Ваней, занимаются танцами*), единица *не доходя* в контекстах типа *Не доходя до станции будет большой супермаркет, спустя (год)* и некоторые другие (например, *судя*, ср. *судя по всему, смотря, ср. смотря по обстоятельствам*). Было бы логично рассматривать сразу всю эту группу. Однако каждая данная единица обладает своими, иногда достаточно тонкими особенностями, поэтому подробное описание всех отглагольных предлогов выходит за рамки одной статьи. Мы пока сосредоточились на близких по смыслу и потому естественно объединяемых в группу единицах *исключая* и *включая* (антонимы) и примыкающей к ним *считая* (*женщин и детей*).

Цель работы — показать, что данные единицы относятся к грамматической периферии, т. е. совмещают свойства разных частей речи и тем самым имеют особый, промежуточный статус в системе языка. Однако грамматическое описание слова требует отнести его к определенной части речи. Дело в том, что грамматика и словарь как продукты описания языка в идеале представляют собой базу данных. Для записи в ней грамматической информации используется набор четко определенных признаков, каждый из которых принимает свои, тоже четко определенные значения. Та или иная единица может обладать какими-то индивидуальными особенностями, но в идеале и они фиксируются на том же метаязыке описания. В результате установление частеречной принадлежности подобной единицы может оказаться нетривиальной задачей. При решении этой задачи требуется, во-первых, выявить, какие свойства описываемой единицы сближают ее с той или иной частью речи; и во-вторых, на основании определенных критериев установить, к какой же части речи отнести данную единицу.

В основу критерия определения частеречной принадлежности спорного слова мы положили принцип экономности описания: из двух (или более) грамматических трактовок единицы выбирается та, при которой описание этой единицы в грамматике и словаре будет более экономным. Данная статья сближается с работами [Урысон 2014; 2017а], где под аналогичным углом зрения обсуждается другой класс слов, традиционно относимых к производным (а именно наречным) предлогам.

В статье демонстрируется, что грамматическая интерпретация единиц *исключая* (*присутствующих*), *включая* (*присутствующих*) и *считая* (*женщин и детей*) как производных предлогов не соответствует их реальному поведению, и предлагается более адекватная их трактовка.

В дальнейшем в соответствии со словоупотреблением, принятым в московской семантической школе, мы называем лексемой слово, взятое в его отдельном значении. Тем самым, лексема — это лексико-семантический вариант (ЛСВ) А. И. Смирницкого.

2. Проблема определения предлога как части речи

Русская академическая грамматика делит предлоги на два класса: первообразные и производные (непервообразные). Ядерную группу русских предлогов образуют т. н. первообразные, или непроизводные предлоги: *в, на, у, к, из, о, с, до, по* и т. п. Первообразные предлоги представляют собой закрытую немногочисленную группу «простейших слов» [РГ 1980, I: 706]. Эта группа закрыта в том смысле, что она не пополняется. Иными словами, непроизводные предлоги представляются списком¹.

Производные предлоги выделяются в языке по аналогии с первообразными. К классу производных предлогов относят такие единицы, которые связаны словообразовательно с какими-то словами, не являющимися предлогами, но сами ведут себя как предлоги, ср. *ввиду, в течение, благодаря* и т. п. Список производных предлогов открыт — по общепринятому мнению, он имеет тенденцию пополняться. Однако отнести какую-либо единицу к классу предлогов можно лишь располагая определением предлога. Поэтому рассуждение о производном предлоге естественно начать с определения предлога как части речи.

Предлог — это морфологически неизменяемое слово, и данная часть речи определяется прежде всего через ту синтаксическую функцию, которую она выполняет в предложении. [ЛЭС] дает следующее определение предлога: это «разряд служебных, морфологически неизменяемых слов, выражающих различные отношения между зависимыми и главными членами словосочетания и осуществляющих подчинительную синтаксическую связь». Современная академическая грамматика дополняет это определение указанием на семантическую функцию предлога: это служебное слово не только оформляет подчинительную связь, но и выражает определенные отношения между объектом (ситуацией), обозначаемым главным членом словосочетания, и тем объектом (ситуацией), который обозначается зависимым членом словосочетания [РГ 1980].

Такое определение отражает общепринятое представление о предлоге, однако не является операционным и, по-видимому, не поддается формализации: в его основе лежит понятие «служебная часть речи», которое тоже интуитивно ясно, но не определено сколько-нибудь строго.

В традиционной грамматике служебные части речи — к ним относятся предлог, союз и частица — противопоставлены знаменательным (это, прежде всего, глагол, существительное, прилагательное и наречие). Школьная грамматика различает знаменательные и служебные слова по, казалось бы, простому операционному критерию. В словосочетании (предложении) к знаменательному слову можно поставить вопрос от другого слова; ср. *ехать домой медленно*: *ехать* (куда?) *домой*, *ехать* (как?) *медленно*. (В предложении такой вопрос позволяет также определить, каким членом предложения является данное слово. Ср. *Ехали домой медленно*: *домой* — обстоятельство места, *медленно* — обстоятельство образа действия.) Что касается служебного слова, в частности предлога, то к нему поставить вопрос нельзя. Ср. *ехать* (куда?) *в Москву*, *жить* (где?) *в Москве*, *уехать* (откуда?) *из Москвы*. При этом предлог может повторяться в вопросе, ср. *бороться с противником* — *бороться* (с кем?) *с противником*. Эта «неотделимость» предлога от существительного отражается в традиционной терминологии: предложно-падежную группу (ср. *в Москву, из города, с другом*) называют также предложно-падежной формой существительного.

Данный критерий легко усваивается детьми в начальной школе, однако очевидно, что он основан на интуиции, причем она до сих не эксплицирована². Одна из задач теоретической

¹ По поводу состава этого списка есть некоторые разногласия [РГ 1980; Еськова 1996; Сичинава 2018]. Для нашего рассуждения это несущественно.

² Естественно предположить, что служебные слова, в том числе предлоги, отличаются от знаменательных слов коммуникативным статусом в высказывании, однако в настоящее время эта гипотеза не может быть ни верифицирована, ни опровергнута.

лингвистики состоит в экспликации таких интуитивно ясных базовых понятий. Задача определения предлога актуальна и еще по одной причине: в современной русистике считается, что список производных предлогов непрерывно пополняется, причем, по концепции М. В. Всеволодовой и ее коллег [Всеволодова 2010], в разряд предлогов (или предложных единиц) входят тысячи слов и оборотов. Это, однако, противоречит общему представлению о служебных словах: в языке по определению служебных слов гораздо меньше, чем знаменательных, — так же как морфем-аффиксов гораздо меньше, чем корневых морфем. Ясно, что не имея определения предлога, невозможно ни отнести какую-либо единицу к классу предлогов, ни даже говорить о ее близости к этому разряду.

Попытаемся выявить свойства предлога, формулируя их в достаточно четко определенных терминах.

Очевидно, что предлог имеет две синтаксические валентности — пассивную (по этой валентности он синтаксически подчиняется другому предикату, ср. *ехать* → *в Москву*, *поездка* → *в Москву*, *полный* → *до краев*) и активную, по которой он управляет зависимым от него существительным, требуя его определенной падежной формы, ср. *в* → *Москву*, *до* → *краев*. При этом активная синтаксическая валентность предлога практически обязательно должна быть заполнена. Известное исключение представляют собой противопоставительные (часто экспрессивные) контексты, ср.: — *Вам кофе с лимоном или без?* — *Лучше без*; *Сумка не НА кровати, а ПОД, ПОД!*

Существенная особенность предлога состоит в том, что он, как правило, не может иметь никаких других синтаксических зависимых, кроме этого единственного управляемого им синтаксического актанта. (На предикаты — знаменательные слова подобное ограничение не накладывается; ср. *втридорога продать шубу приятельнице*: *втридорога* ← *продать*, *продать* → *шубу*, *продать* → *приятельнице*; *незаметно вытирать слезы платком*: *незаметно* ← *вытирать*, *вытирать* → *слезы*, *вытирать* → *платком* и т. п.) Однако исключения есть и здесь: некоторые предлоги могут подчинять себе наречие со значением ‘без существенного пространственного или временного промежутка’, ср. *Детскую площадку устроили непосредственно* ← *перед домом*, *Взрыв был зафиксирован непосредственно* ← *после вспышки*, *Веник стоит сразу* ← *за дверью*³.

ЗАМЕЧАНИЕ. Что касается семантических актантов, то у большинства предлогов их два: одному актанту соответствует пассивная синтаксическая валентность, а другому — активная. Ср. *идти (A2) с приятелем (A1)*: выражение актанта A1 («второе действующее лицо» ситуации) заполняет активную синтаксическую валентность предлога, а обозначение актанта A2, т. е. самой ситуации, реализует пассивную валентность предлога.

Но некоторые предлоги имеют три семантических актанта. Таков, например, предлог *через* во временном значении, ср. *встретиться (A2) через год (A1) после развода (A3)*. Предлог *через* указывает здесь на временной интервал A1 (год), разделяющий события A2 (встретиться) и A3 (развод). Однако на синтаксическом уровне у этого предлога всего две валентности. Активную валентность заполняет выражение актанта A1, т. е. временного интервала (*через* → *год*), а пассивную валентность — выражение актанта A2, т. е. более позднего события (*встретиться* → *через*). Что касается предшествующего события A3, то его выражение (*развод*) синтаксически подчиняется слову *после*, а не *через*. При этом вся группа *после A3* синтаксически подчиняется тому же предикату, что и группа *через год*, т. е. предикату *встретиться*: *встретиться* → *после* → *развода*. Тем самым, на синтаксическом уровне обозначение более раннего события A3 подчиняется не предлогу *через*, а другому слову.

Аналогичным образом устроен и предлог *за* во временном значении, ср. *встретиться (A2) за год (A1) до войны (A3)*. Этот предлог также указывает на временной интервал между двумя событиями (A2 — встретиться, A3 — война). При этом *за*, подобно *через*, управляет обозначением временного интервала (*за* → *год*), но, в отличие от *через*, подчиняется

³ Грамматике наречия *сразу* в этом значении посвящена статья [Урысон 2017б].

обозначению более раннего, а не более позднего события: *встретиться* → *за* → *год*. (Тем самым, предлоги *через* и *за* во временном значении являются конверсивами.) Что касается обозначения более позднего события (*война*), то оно подчиняется не самому предлогу *за*, а предлогу *до*. Таким образом, обозначение актанта А1 (временного интервала) этого предлога и обозначение его актанта А3 (более позднего события) оказываются синтаксически соподчиненными — они оба синтаксически зависят от предиката *встретиться* (через предлоги: *встретиться* → *до* → *войны*, *встретиться* → *за* → *год*). При этом предлог *за*, в отличие от *через*, накладывает еще и определенные ограничения на выражение актанта А3 — этот актант должен быть выражен обязательно: неприемлемо **Они встретились за год* (ср. нормальное *Они встретились через год*).

Аналогичную структуру с соподчинением глаголу двух предлогов мы усматриваем в случаях типа *остановиться в трех метрах от дерева*. Предлог *в* (в данном значении) имеет три семантических актанта: А1 — расстояние (*три метра*), А3 — ориентир, относительно которого оценивается расстояние (*дерево*), А2 — описываемая ситуация (*остановиться*). На синтаксическом уровне предлоги *в* и *от* (со своими именными группами) соподчиняются предикату *остановиться*.

Допускаем, что по три семантических актанта имеют и некоторые другие предлоги, однако сейчас нам достаточно приведенных примеров.

Следующее свойство предлога отражено в его названии: предлог линейно располагается перед управляемым существительным, точнее — непосредственно перед именной группой, в вершине которой стоит данное существительное, ср. *у* → (*выстроенного еще (в → прошлом веке) большого каменного дома*). Этим свойством тоже обладают не все единицы, относимые к предлогам: как известно, некоторые предлоги могут располагаться как перед, так и после зависимого слова, ср. *ради Христа* — *Христа ради*.

Итак, предлог обладает следующими синтаксическими свойствами.

- (А) Он имеет две синтаксические валентности — пассивную (по этой валентности он синтаксически подчиняется другому предикату, ср. *ехать* → *в Москву*, *поездка* → *в Москву*, *полный* → *до краев*) и активную, по которой он управляет зависимым от него существительным, требуя его определенной падежной формы (в языке со словоизменением существительного), ср. *в* → *Москву*, *до* → *краев*.
- (Б) Активная синтаксическая валентность предлога практически обязательно должна быть заполнена.
- (В) Предлог, за редкими исключениями, не может иметь никаких других синтаксических зависимых, кроме этого единственного управляемого им синтаксического актанта.
- (Г) Предлог линейно располагается перед управляемым существительным, точнее — непосредственно перед именной группой, в вершине которой стоит данное существительное (исключения составляют короткий список).

Теоретически свойствами (А)–(Г) может обладать не только предлог, но и какое-нибудь другое неизменяемое слово, например деепричастие. Тем самым, определение предлога как таковое пока не выработано. Однако список свойств предлога полезен при анализе «кандидатов» в производные предлоги, т. к. позволяет сразу отсеять некоторые спорные единицы, относимые к производным предлогам. Некоторые из таких единиц рассматриваются ниже.

Кроме перечисленных свойств, которые присущи, по-видимому, всем предлогам (исключения для русского языка оговорены выше), русские первообразные предлоги обладают еще тремя формальными особенностями [Еськова 1996]. Эти особенности таковы.

- (i) После первообразного предлога употребляются «особые формы местоимений-существительных *он, она, оно, они* с начальным *н*: *него, неё, них* и т. п. (так

- и именуемых — «припредложными формами»)» [Там же: 458]. Ср. у него, из нее, к нему, к ней, о ней, в них и т. п.
- (ii) Для первообразного предлога обязательна интерпозиция между компонентами местоимений с начальным *ни-* или *не-*: *никто, ничто, никакой, ничей; некого, нечего*. Ср. *ни у кого, ни о ком, ни в чем, ни из чьего, не о ком, не в чем* и т. п. Кроме того, для первообразного предлога допустима интерпозиция между компонентами местоимений с начальным *кое (кой-)*: *кое-кто, кое-что, кое-какой, кое-чей*. Ср. *кое у кого, кое над чем, кое с каким, кое о чьем* и т. п., причем «строго нормативной считается интерпозиция предлога (...), но эта норма достаточно часто нарушается, причем конструкции с препозицией предлога употребляются и хорошими авторами (...). Например: *на кое-кого* (В. Набоков), *для кое-кого* (В. Кардин), *на кое-какие вопросы* (Ю. Домбровский), (...)*к кое-каким новинкам* (В. Шаламов), *с кое-какими средствами* (Е. Носов)» [Там же: 460–461]. Наконец, интерпозиция первообразного предлога обязательна при сочетании его с *друг друга*, ср. *друг без друга, друг о друге, друг у друга, друг за другом, друг к другу* и т. п.
- (iii) Между первообразным предлогом и управляемой им группой невозможна вставка частиц, ср. **в же доме*, **до ли войны*, **из-то Москвы*; нормально *в доме же, до войны ли, из Москвы-то*⁴.

Эти формальные особенности русского первообразного предлога не вытекают из основных свойств предлога (А)–(Г) и логически никак с ними не связаны. Поэтому теоретически не исключено, что та или иная единица может обладать одной или более из особенностей (i)–(iii), но при этом не иметь свойств предлога (А)–(Г). Очевидно, что свойства (А)–(Г) являются основными — хотя бы потому, что ими обладает предлог в любом славянском языке. Поэтому естественно считать, что если единица не обладает хотя бы одним из свойств (А)–(Г), то она и не входит в разряд предлогов. Что касается свойств (i)–(iii), то требуется выяснить, как они коррелируют с основными свойствами предлога (А)–(Г).

Однако в современной русистике свойства (А)–(Г) предлога не рассматриваются, но считается, что критерием для отнесения «спорной» единицы к разряду предлогов могут служить свойства (i)–(iii)⁵. С этой точки зрения особый интерес представляет свойство (i) — употребление «п-форм» при данной единице: этим свойством действительно могут обладать не только первообразные предлоги. (Свойства (ii) и (iii) присущи только первообразным предлогам, поэтому мы их рассматривать не будем.)

Утвердилось мнение, что «надежный формальный признак предлога — употребление после него п-форм местоименных слов» [Еськова 1996: 460]. Этот признак положен в основу первого критерия определения предлога в работе [Сичинава 2018]. Однако этот подход при всей своей привлекательности не верен.

Во-первых, п-формы местоимений употребляются не только после предлогов, но и после некоторых компаративов, ср. *лучше нее, хуже него, больше него, меньше нее* и т. п. [ОС].

⁴ При этом допустима вставка вводного слова (оборота). Ср. примеры из статьи [Еськова 1996: 463–464]: *Не только в этих произведениях, но и в, так сказать, чистой лирике Пастернака, в книге «Сестра моя — жизнь», своеобразно выражена тема революции, тема времени* (А. Якобсон, «Лекции о Пастернаке»); *...он в ответ на, в общем-то, несмертельные подозрения межведомственной комиссии повел себя крайне неадекватно* («Известия», 1993); *...при, я бы сказал, недоступности Ахматовой...* (А. Найман, «Книжное обозрение», 1995). Свойство (iii) впервые описано Н. А. Еськовой.

⁵ Заметим, что свойство (ii), если мы хотим использовать его в подобном операционном критерии, требуется переформулировать: первообразный предлог обязательно вклинивается в сочетание *друг друга* и в местоимения на *ни-* (*никто, никакой* и т. п.) или *не-* (*некому, нечего* и т. п.). Местоимения с *кое-* в таком критерии не учитываются, поскольку сочетаясь с предлогом, ведут себя не вполне последовательно.

Следовательно, употребление *n*-формы местоимения после какого-нибудь слова в общем случае не может свидетельствовать, что это слово является предлогом.

Во-вторых, в некоторых случаях этот признак вступает в конфликт с основным признаком (Б) предлога — обязательностью заполнения его активной синтаксической валентности. Значит, признак (i) в целом неинформативен для определения предлога.

Возьмем, например, слово *позади* в контекстах типа *Полиция шла позади колонны демонстрантов* — *Колонна демонстрантов приближалась к мэрии, полиция шла позади*. Слово *позади* требует *n*-формы местоимения, ср. *позади него, позади нее, позади них*. Является ли слово *позади* предлогом?

Очевидно, что слово *позади* в приведенных контекстах выступает в одном и том же значении. Очевидно также, что эта лексема имеет семантический актанта 'ориентир', а на синтаксическом уровне — синтаксическую валентность, заполняемую обозначением этого актанта. В обоих примерах семантический актанта 'ориентир' данной лексемы *позади* выражен словом *колонна*. Основное различие между контекстами — синтаксическое. В случае *позади колонны* данная синтаксическая валентность реализуется формой родительного падежа существительного *колонна*, т. е. слово *позади* управляет словом *колонна*. Во втором случае та же синтаксическая валентность остается нереализованной — слово *колонна*, выражающее семантический актанта 'ориентир' слова *позади*, находится в предтексте и синтаксически от него не зависит.

Как видим, данная лексема *позади* имеет активную синтаксическую валентность, реализуемую падежной формой существительного, и следовательно, обладает свойством (А) предлога. Однако эта синтаксическая валентность реализуется необязательно (причем безотносительно к эллипсису), т. е. эта лексема не обладает свойством (Б) предлога. Тем самым, данную лексему *позади* некорректно относить к разряду предлогов. Эту лексему естественно считать наречием, имеющим активную синтаксическую валентность, которая реализуется факультативно.

Аналогичным образом устроена достаточно большая группа русских наречий. Ср. *Она шла впереди* — *Она шла впереди группы*; *Вокруг костра сидели рабочие* — *Горел костер, вокруг сидели рабочие*; *На фото она сидит в кресле, он стоит рядом* — *На фото она сидит в кресле, он стоит рядом с ней*. Все эти наречия требуют *n*-форм местоимений, ср. *вперед него <нее, них>*, *вокруг него <нее, них>*.

В академической грамматике и лексикографии наречия, подобные *впереди*, *вокруг*, *позади*, принято «раздваивать» на две единицы — собственно наречие и производный (наречный) предлог. Неэкономность такого подхода очевидна: данные единицы семантически тождественны и различаются лишь способом выражения семантического актанта. В современной лексикографии подобные различия не являются основанием для выделения у слова двух разных значений (двух разных лексем). Такие различия фиксируются в зоне описания синтаксиса лексемы.

С нашей точки зрения, т. н. наречные предлоги — это наречия, которые способны, но, в отличие от предлога, не обязаны управлять падежной формой (или предложно-падежной группой, ср. *рядом с кем / чем-л.*)⁶. Такие наречия мы выделяем в особый класс — предлогообразные наречия [Урысон 2014; 2017а].

Мы убедились, что формальную особенность (i) первообразного предлога, т. е. употребление после него *n*-форм местоимений, некорректно считать критерием определения предлога (две другие особенности присущи только первообразным предлогам и поэтому не рассматривались). Употребление после *позади*, *впереди* и подобных наречий *n*-форм местоимений свидетельствует лишь о том, что *n*-формы требуются не только предлогом, но и другими группами слов. Заметим, что компаративы, требующие *n*-форм местоимений (*лучше нее, больше него* и т. п.), до сих пор не предлагалось считать производными предлогами.

⁶ Тем самым, мы развиваем подход, впервые намеченный Д. Н. Овсяннико-Куликовским [1902] и затем поддержанный Е. Т. Черкасовой [1967].

В заключение отметим, что употребление *n*-форм местоимений обязательно лишь в пределах современной литературной нормы. В массе русских говоров эти формы неизвестны или факультативны [ДАРЯ, 2: 166]⁷. Тем самым, свойство (i) предлога не является универсальным даже в пределах русского языка.

3. Грамматика и семантика выбранных единиц

Перейдем к нашему материалу. Он интересен тем, что демонстрирует недостаточность основных признаков предлога для описания грамматической периферии — для адекватного представления выбранных единиц требуется более тонкий и детальный анализ.

Единицы *исключая* (*присутствующих*) и *включая* (*присутствующих*), несмотря на кажущееся формальное сходство, обладают разными свойствами, причем единица *исключая* оказалась более сложной. Поэтому мы начнем с нее. Единица *считая* (*детей и стариков*) рассматривается в последнюю очередь.

3.1. *Исключая* (*присутствующих*): странности поведения и их интерпретация

Первое, что обращает на себя внимание, — это свободная сочетаемость *исключая* с отрицательной частицей *не*. Ср. *Пришли все, не исключая Еву*. Другие предлоги тоже могут сочетаться с отрицанием, но только в противопоставительном контексте, ср. *Сумка не на кровати, а под стулом; Веник не на кухне, а в ванной*. При определенных условиях противопоставительный контекст требует контрастного ударения на предлоге: *Сумка не НА кровати, а ПОД кроватью; Веник не ПЕРЕД шкафом, а ЗА шкафом*. Однако *исключая*, сочетаясь с *не*, не требует противопоставления. Это сближает единицу *исключая* с глаголом.

Второй удивительный факт состоит в том, что *исключая* особым образом ведет себя под отрицанием. Без отрицания *исключая* управляет винительным падежом, ср.:

- (1) *Кошку любили все, исключая Еву.*

Но под отрицанием эта единица свободно управляет как винительным, так и родительным падежом, ср.:

- (2) *Кошку любили все, не исключая Еву/Евы.*

Способность такой мены управления под отрицанием — это хорошо известное свойство русского глагола⁸.

Есть еще одна черта, отличающая *исключая* от обычного предлога: группа *исключая кого-л. / что-л.* обособляется запятыми⁹. Но русские предложные группы, вообще говоря,

⁷ Благодарим за это указание О. Е. Кармакову.

⁸ Заметим, что по [МАС; СУш] единица *исключая* управляет родительным падежом, причем [СУш] указывает, что *исключая* может управлять также и винительным. Управление родительным падежом без отрицания теперь воспринимается как устаревшее, ср. примеры из [МАС]: *Надобно вам сказать, что у меня в целой Москве не было ни одного родственника, исключая старого дяди* (И. С. Тургенев).

⁹ По [АП] группа *исключая* «выделяется или не выделяется запятыми по условиям контекста» [АП: 249]. Однако сплошной просмотр репрезентативной выборки из НКРЯ показал, что в современном языке обособление этой группы практически обязательно.

не обособляются. Данная черта сближает рассматриваемую единицу с деепричастием: деепричастный оборот тоже в норме выделяется запятыми.

ЗАМЕЧАНИЕ. Можно возразить, что выделяются запятыми группы, вводимые и другими производными предлогами. Так, обособляются группы, вводимые единицами *начиная, кончая, считая, не считая*, причисляемыми академической грамматикой к производным предлогам. Однако эти единицы формально совпадают с деепричастиями и, возможно, тоже сближаются с деепричастием по ряду признаков, включая обособление на письме (напомним, что единица *считая* будет рассмотрена ниже).

Обычно обособляются также группы, вводимые *кроме* и *за исключением*, ср. *Пригласили всех, кроме <за исключением> Иванова*. Обе эти единицы принято считать предлогами: действительно, они обе имеют активную и пассивную синтаксические валентности, причем активная валентность и у *кроме*, и у *за исключением* может реализоваться падежной формой существительного. Однако это необязательно. Активная синтаксическая валентность *кроме* может заполняться не только падежной формой, но и словом *как*, ср. *Нигде кроме как в Моссельпроме; Такого нет ни у кого, кроме как у нас*. Тем самым, *кроме* не обладает свойством (А) предлога. У единицы *за исключением* активная синтаксическая валентность реализуется необязательно, и в этих случаях слово *исключение* имеет определение, т. е. такое синтаксическое зависимое, которое не заполняет его синтаксическую валентность; ср. *Приглашали всех за единственным исключением — никогда не звали Иванова, Елку устраивали всегда, за редкими исключениями*. Следовательно, *за исключением* не имеет сразу двух свойств предлога — (А) и (Б). В соответствии с нашим подходом, *кроме* и *за исключением* некорректно относить к предлогам. Подробное рассмотрение этих единиц выходит за рамки предлагаемой работы.

Наконец, обособляются запятыми группы, вводимые единицами *в том числе, в частности, в особенности, особенно, главным образом, например* и т. п. Эти единицы, однако, не управляют падежной формой, а вводят обособленное приложение или определение, т. е. обладают совершенно особым грамматическим статусом. Правда, данные единицы сближаются с выбранными нами единицами семантически: и те и другие выделяют объект из множества однотипных объектов. Однако правила русской пунктуации базируются не на семантике, а на грамматическом (иногда коммуникативном) основании. Поиск ее возможной семантической базы представляет собой отдельную задачу.

Исключая по форме совпадает с деепричастием НЕСОВ от глагола *исключать*, ср. *Исключая лекарство из списка, он старался найти препарату недорогую замену*. Точно так же совпадают с формой деепричастия глагола другие русские единицы, относимые к отглагольным предлогам, ср. *благодаря (хорошей погоде)*. Ниже будет продемонстрировано, что *исключая* обладает признаками предлога (А)–(Г). Но при этом *исключая* имеет и отмеченные выше глагольные черты, и ясно, что рассматриваемая единица наследует их от глагола. Строго говоря, *исключая* совмещает в себе черты предлога и деепричастия. Подобные единицы относятся к грамматической периферии языка, и описание их представляет собой особую задачу. Попытаемся продемонстрировать пути ее решения. Начнем с семантического анализа данной единицы.

Наша единица *исключая* обычна в контексте квантора всеобщности, ср.:

- (3) *Он подозревает каждого, исключая одного человека — мать.*
- (4) *У Мити не было обыкновения брать билеты на все виды общественного транспорта, исключая метро* (А. Ким)
- (4а) *У Мити не было обыкновения брать билет ни на один вид общественного транспорта, исключая метро.*
- (5) *— Да ты кто у нас — слесарь, электрик, водопроводчик? — Всего понемножку, исключая канализацию и теплофикацию* (Л. Карелин).

Отрицание при *исключая* не меняет дела:

- (6) *Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы* (Б. Окуджава).

Квантор всеобщности может подразумеваться по умолчанию, ср.:

- (7) *Вокруг елки танцевали девочки с девочками, парни отсиживались на скамейках, исключая трех студентов, приехавших в деревню на каникулы* (В. Липатов) [‘все присутствовавшие парни’].
- (8) *На своих подданных, не исключая самых бедных, он наложил подати* (М. Анчаров) [имеются в виду все подданные].
- (9) *Ведь к профессии, не исключая [профессии] тюремщика, надо привыкнуть* (В. Конецкий) [‘к любой профессии’].

При этом может подразумеваться и само множество, находящееся в сфере действия квантора всеобщности, в частности, если оно было названо в предтексте, ср.:

- (10) *В свете зарева еще дерутся на кулаках и ножах, но уже без прежнего напора, исключая разве что спортсменов* (Митьки) [‘все те, кто дерется, дерутся без прежнего напора, исключая спортсменов’].
- (11) *Люди работают для людей. (Исключая те случаи, когда они уныло творят для денег)* (Ю. Визбор) [‘Во всех случаях люди работают для людей’].

Толкование *исключая*:

- (12) *A2 P, исключая A1* [*Пришли (P) все (A2), исключая Еву (A1)*]
- (i) ‘A1 входит в множество A2 рассматриваемых объектов’;
 - (ii) ‘в A2 входят все объекты, однотипные с данными’;
 - (iii) ‘A1 не P’;
 - (iv) ‘все другие элементы множества A2 P’.

Итак, *исключая* — семантический двухактантный (двухместный) предикат.

Актант A1 выражается формой ВИН, которая синтаксически, очевидно, подчиняется самому слову *исключая*, ср. *исключая → Еву*.

Актант A2 выражается именной группой (существительным или кванторным словом *все*), которая синтаксически подчиняется глаголу, ср. *Пришли → все*. Значит, на синтаксическом уровне предикат *исключая* не подчиняет себе выражение своего актанта A2 — оно синтаксически подчиняется предикату P.

А чему подчиняется сам предикат *исключая*? Логически здесь есть две возможности:

- а) *исключая* подчиняется предикату P, т. е.: *A2 [все] ← P [пришли] → исключая*;
- б) *исключая* подчиняется именной группе A2 (кванторному слову), т. е. *A2 [все] → исключая*.

На первый взгляд, для слова *исключая* можно постулировать любую из этих структур, т. е. перед нами ситуация неединственности лингвистического описания. Как известно, при ближайшем рассмотрении одно из таких описаний оказывается предпочтительнее другого — оно экономнее, лучше отражает факты языка, лучше соответствует истории и т. п. В нашем случае тоже находятся аргументы в пользу структуры (б).

Оказалось, что группа *исключая A1* в нейтральном случае располагается непосредственно после группы A2, ср.:

- (13а) *Зверей испугались все [A2], исключая Еву [A1]*.

- (13б) *Все [A2], исключая Еву [A1], испугались зверей*.

- (14) *Дневника не принес никто [A2], исключая Петю [A1].*
 (15) *Мои дети [A2], исключая двухлетнюю дочь [A1], занимаются верховой ездой.*

Другой порядок слов неправилен или как минимум не является нейтральным, ср.:

- (16) **Испугались зверей, исключая Еву, все.*
 (17) ???*Исключая Петю, дневника не принес никто.*
 (18) **Мои дети занимаются верховой ездой, исключая двухлетнюю дочь.*

Такую линейную позицию группы *исключая* относительно группы *A2* естественно интерпретировать как отражение синтаксической зависимости *исключая* от группы *A2*. То есть: $A2 \rightarrow \text{исключая}$. В целом:

- (19) $P \rightarrow A2 \rightarrow \text{исключая} \rightarrow A1^{10}$.

Таким образом, слово *исключая* имеет две синтаксические валентности — активную и пассивную. Активная валентность заполняется выражением семантического актанта *A1* этого слова, а по пассивной валентности слово *исключая* само подчиняется обозначению своего семантического актанта *A2*. Тем самым, *исключая* обладает свойством (А) предлога. Активная синтаксическая валентность *исключая* должна быть обязательно реализована, причем определенной падежной формой, — значит, это слово обладает и свойством (Б) предлога. *Исключая* всегда располагается в препозиции к управляемому им существительному (т. е. к выражению своего семантического актанта *A1*), а это предложная черта (Г). Не вполне понятно, обладает ли единица *исключая* свойством (В). Как мы помним, это слово свободно сочетается с отрицанием, ср. *Пришли все, не исключая Еву*, а в некоторых моделях принимается, что частица *не* синтаксически подчиняется предикату, ср. *не ← любить*. Однако такой ограниченной способностью подчинять себе другое слово (кроме собственного синтаксического актанта) можно пренебречь. Итак, *исключая* обладает признаками предлога (А)–(Г) и, казалось бы, является производным предлогом.

Однако, как уже отмечено выше, эти признаки необходимы, но не достаточны для определения предлога. Поэтому для определения членоречивой принадлежности данной единицы требуется привлечь новые данные.

Единица *исключая* обладает следующими чертами, отличающими ее от «классического» предлога: (а) она свободно сочетается с отрицанием; (б) под отрицанием она допускает двойное управление — винительным или родительным падежом; (в) группа, вводимая *исключая*, обязательно обособляется; (г) *исключая* синтаксически зависит от существительного (кванторного слова), обозначающего множество.

Свободная сочетаемость с отрицанием и мена управления под отрицанием свойственны глаголу вообще, а значит, и деепричастию. Обязательное обособление данной группы — это деепричастная черта. Что касается черты (г), то она хотя и отличает единицу *исключая* от «классического» предлога, но не сближает ее с глаголом. Действительно, предлог в норме может синтаксически зависеть как от существительного, так и от глагола; ср. *вход в метро — входит в метро, всадник без головы — вернуться без денег* и т. п. Однако русские отглагольные предлоги могут зависеть только от глагола, т. е. тоже обладают достаточно узкой сочетаемостью, ср. *пойти несмотря на дождь, поступить в университет благодаря хорошей подготовке*. Как бы то ни было, все эти черты единицы *исключая* должны быть указаны в ее лексикографическом описании.

Если отнести наше *исключая* к предлогам, то в зоне индивидуальных особенностей этой единицы придется указать все ее четыре свойства, отличающие ее от предлога. При этом потребуются ввести в словарь новую вокабулу.

¹⁰ Синтаксические структуры со словами типа *исключая* и *включая* (точнее их английскими эквивалентами) обсуждаются в работе [Hoeksema 1995].

Гораздо экономнее подавать данную единицу в статье глагола *исключать*: тогда нет необходимости указывать ее деепричастные (глагольные) черты, и в зону индивидуальных особенностей единицы помещается лишь информация о ее синтаксически главном слове. При этом не потребуются и вводить в словарь новую вокабулу. Остается понять, каким образом единица *исключая* связана с глаголом *исключать*. Считать ее деепричастием нельзя, т. к. субъект деепричастия и субъект сказуемого (подлежащее) должны совпадать, а в нашем случае такого совпадения нет; ср. *Тренер очень сожалел, исключая Клаву из секции* [деепричастие; субъект обеих ситуаций — тренер], но *Первый разряд получили все девушки, исключая Клаву* [субъект ситуации ‘получить первый разряд’ — это ‘все девушки’, но у *исключая* такого субъекта нет].

На наш взгляд, *исключая* — это деепричастие от глагола *исключать*, употребляющееся в функции предлога. При этом *исключая* не является деепричастием ни от какой лексемы этого глагола, но само является отдельной его лексемой. Частеречная принадлежность этой лексемы описывается формулировкой «деепричастие в функции предлога». Подобные формулировки приняты в русской лексикографии. В словарях (например, [МАС; СУШ]) подобным образом подаются субстантивированные прилагательные (причастия). Так, слово *дежурный* (или *пожарный*) в случаях типа *Дежурный обязан вызвать пожарных* подается в вокабуле слова *дежурный* (или *пожарный*) с пометой «в знач. сущ.». В [АС] в подобных случаях используется формулировка «в функции сущ.». Тем самым, предлагаемое описание единицы *исключая* вполне в русле русской лингвистической традиции.

Предлагаемое описание *исключая* не только экономнее, но и системнее по сравнению с подачей данной единицы как производного предлога. Во-первых, *исключая*, в отличие от таких отглагольных предлогов как *благодаря* (*хорошей погоде*) или *несмотря* (*на дождь*), недостаточно «оторвалось» от глагола и сохраняет ряд глагольных черт, т. е. по существу является промежуточной единицей. Если считать единицу *исключая* производным (отглагольным) предлогом, то эта ее специфика остается неучтенной.

Во-вторых, данная лексема *исключая* семантически близка некоторым другим лексемам глагола *исключать* — они тоже указывают на то, что объект не входит в определенное множество, ср. *исключить из повседневного рациона мучное*, *исключить Иванова из списка кандидатур*, *исключить из партии за поддержку правозащитника*. Но данные лексемы обозначают целенаправленное действие субъекта. Глагол *исключать* может вызывать также на ментальное состояние ‘считать, что ситуация невозможна’, но оно тоже является результатом осознанного ментального акта: *Она не исключала, что он уехал из Москвы*; *Врачи исключили у него диабет*¹¹. В выбранной единице *исключая* эти указания сняты, см. (12). Помещая единицу *исключая* в вокабуле глагола *исключать*, мы демонстрируем связь этой единицы с другими лексемами глагола и показываем логические «шаги» ее грамматикализации. Такие задачи находятся в центре внимания современных семантических исследований, и словарное описание слова в идеале должно отражать пути их решения.

3.2. Включая (присутствующих): почему не говорят

**Пришли все, не включая Еву*

Включая по форме совпадает с деепричастием НЕСОВ от глагола *включать* и, на первый взгляд, является точным антонимом *исключая*. Однако это не так.

Первое различие в поведении *включая* и *исключая* состоит в том, что *включая* свободно употребляется как в контексте квантора всеобщности, так и в контексте квантора существования.

¹¹ Подробное описание глагола *исключать* содержится в работе [Урысон 2021].

Примеры с квантором всеобщности:

- (20) *Он, по своему обыкновению, зашел в первый попавшийся магазин и закупил все, включая чемодан* (Л. Улицкая).
- (21) *Вот на диаграмме тиражи всех изданий, включая научные, включая библиотечку военных приключений, включая так называемую художественную литературу!* (И. Грекова).
- (22) *Еще вперед пропускают старших, включая директора школы, учителей и завучей* (Н. Ермильченко) [квантор всеобщности подразумевается].

Примеры с квантором существования:

- (23) *Некоторые страны, включая нашу многострадальную родину, отказались от участия в войне.*
- (24) *Входили в нее [подпольную группу] рядовые, сержанты, офицеры и штатские лица, включая даже нескольких девушек* (В. Войнович).
- (25) *Другие, включая Дашу, любили, обманывая себя, не до конца понимая* (И. Грекова).

При этом *включая* нормально употребляется и в контексте количественной группы, ср.:

- (26) *Сегодня на борту находились (...) все три члена экипажа, включая бортового техника* (А. Троицкий).
- (27) *К собственно ядовитым отнесено лишь семь видов грибов, включая и строчок* (В. Солоухин).

Вторая специфичная черта *включая* состоит в том, что *включая* не сочетается с отрицанием, ср.:

- (28) **Пришли все, не включая Еву* [при нормальности *Пришли все, включая Еву*].
- (29) **Некоторые дети, не включая Еву, любят кашу* [при нормальности *Некоторые дети, включая Еву, любят кашу*].

Первое различие между *включая* и *исключая* будет рассмотрено в «Заключении». Сейчас сосредоточимся на втором различии, поскольку оно важно для определения частеречной принадлежности *включая*.

Действительно, *включая* не обладает сразу двумя глагольными чертами, свойственными единице *исключая*, — способностью сочетаться с отрицанием и, как следствие, меной под отрицанием управления. Однако невозможность отрицания при единице *включая* объясняется семантическими, а не грамматическими причинами.

Возьмем высказывание:

- (30) *Пришли все, включая Еву.*

В нем выражено ожидание ‘Ева не пришла’. Действительно, если сказано, что все пришли, то дополнительная информация о том, что Ева тоже пришла, уместна лишь как опровержение ожидания, что она не пришла. Аналогичное ожидание выражено в (20)–(22). На наш взгляд, такое ожидание выражено и в высказываниях с квантором существования, ср. (23)–(25), а также

- (31) *Пришли некоторые дети, включая Еву.*

Рассмотрим теперь неправильные высказывания (28)–(29). Хорошо известно, что в высказывании с отрицанием ‘не Р’ (или ‘Р не имеет места’), ср. *Дождя нет*, выражено ожидание ‘Р имеет место’. Действительно, высказывание *Дождя нет* уместно только в ситуации, если кто-то считает, что дождь идет, — иначе нечего отрицать. Тогда

в семантику неправильного сочетания **не включая* входит ожидание ‘включая’. Получаем, что в неправильном высказывании **Пришли все, не включая Еву* выражено два ожидания: ‘Ева не пришла’ (это семантика единицы *включая*) и ‘множество тех, кто пришел, включает Еву’, т. е. ‘Ева пришла’ — это семантика, индуцируемая отрицанием (*не включая*). Как показано Ю. Д. Апресяном [1995], такое противоречие пресуппозиций порождает языковую аномальность (в отличие от противоречия ассерций, порождающего абсурдное высказывание, ср. *Свирепы спят зеленые идеи*). Итак, аномальность случаев типа (28)–(29) вызвана семантическими причинами. Следовательно, несочетаемость *включая* с отрицанием не может служить аргументом при описании ее частеречной принадлежности.

ЗАМЕЧАНИЕ. Уместен вопрос, выражается ли ожидание единицей *исключая*, ср. *Пришли все, исключая Еву*. Действительно, можно было бы думать, что *исключая* выражает ожидание ‘A1 P’, т. е. ‘Ева пришла’. Однако никаких подтверждений этому не находится. Причина в том, что кванторы всеобщности в естественном языке, в отличие от логики, вполне допускают исключения. Ср. непротиворечивость высказываний типа *Да, все пришли, кроме только Клавы; Все были в восторге, только Клава как всегда дулась*. Благодаря этому свойству языкового квантора всеобщности единица *исключая* не выражает ожидания, а просто вводит некоторую, возможно дополнительную информацию.

Толкование единицы *включая*:

(32) *A2 P, включая A1* [*Пришли (P) все/некоторые (A2), включая Еву (A1)*]

- (i) ‘A1 входит в множество A2 рассматриваемых однотипных объектов’;
- (ii) ‘возможно, A2 является частью какого-то большего множества’;
- (iii) ‘A1 P’;
- (iv) ‘все другие элементы множества A2 P’;
- (v) ‘ожидалось, что A1 не P’.

Подобно *исключая*, предикат *включая* синтаксически подчиняется выражению своего семантического актанта A1, т. е. именной группе: *все / некоторые* → *включая* → A1. Действительно, группа *включая A1* в нейтральном случае располагается непосредственно после группы A2; ср. *Некоторые дети, включая Еву, любят кашу; Компот любят все, включая Еву* при отмеченности другого порядка слов: **Включая Еву, некоторые дети любят кашу; ???Компот любят, включая Еву, все* и т. п.

Напомним, что такой порядок слов мы интерпретируем как синтаксическую зависимость *включая* от квантифицированной именной группы. В целом:

(33) $P \rightarrow A2 \rightarrow \text{включая} \rightarrow A1$.

Легко убедиться, что *включая*, подобно *исключая*, имеет необходимые признаки предлога. Это синтаксически (и семантически) двухместный предикат с активной и пассивной валентностями (свойство (А) предлога). Его активная валентность реализуется обязательно, существительным в форме ВИН, ср. *включая* → *Еву* (свойство (Б) предлога). Единица *включая* не может иметь никаких синтаксических зависимых, кроме управляемого им существительного (свойство (В) предлога). Наконец, *включая* всегда располагается непосредственно перед управляемой им группой (свойство (Г)). Тем не менее, мы не считаем единицу *включая* отглагольным предлогом, а предлагаем описывать ее как деепричастие в функции предлога.

Данная единица обладает двумя индивидуальными особенностями: (а) группа, вводящая *включая*, обязательно обособляется; (б) *включая* синтаксически зависит от существительного (кванторного слова), обозначающего множество. Обе эти черты должны быть учтены в описании единицы *включая*. Обязательное обособление данной группы — это деепричастная черта. Значит, описывая *включая* как деепричастие в функции предлога,

эту черту можно специально не отмечать — *включая* подчиняется общим, т. е. не словарным, правилам пунктуации. Описание *включая* как предлога менее экономно: в нем придется специально указать пунктуацию при данной единице. Кроме того, для такого предлога придется вводить в словарь новую вокабулу. (Что касается свойства (б), то эту индивидуальную черту нужно указывать при любой грамматической интерпретации *включая*.)

Интерпретация единицы *включая* как деепричастия в функции предлога (от глагола *включать*) позволяет отразить и некоторые семантические переходы между разными значениями слова.

Глагол *включать* — *включить* многозначен, ср. *включить компьютер*, *включить в состав делегации*, *включить в программу*. Одна из лексем этого глагола представлена в случаях типа *Множество М включает (в себя) элемент а*. (Заметим, что эта лексема не имеет коррелята СОВ.) Наша единица *включая* семантически очень близка этой лексеме. Правда, глагол *включать* во всех значениях нормально сочетается с отрицанием, ср. *Множество М не включает (в себя) элемент а*, в то время как наша единица *включая* в силу своей семантической специфики с отрицанием не сочетается. Подавая единицы *включая* в вокабуле глагола *включать*, мы показываем связь *включая* с семантически ближайшей глагольной лексемой, а также «ступени» отрыва этой единицы от данной лексемы.

3.3. Единица *считая* (женщин и детей)

Единица *считая* (женщин и детей) обычна в контексте указания на количество, ср.:

- (34) *Суханов сказал, что в лучшем случае можно поднять сотни две военных, считая моряков и артиллеристов* (Ю. Трифонов).
- (35) *Меня командировали в Одессу на пять суток, считая время проезда по железной дороге* (В. Катаев).

Эта единица чаще употребляется с отрицанием, чем без него (по предварительному просмотру сплошной выборки из [НКРЯ] — как минимум на порядок чаще), причем взаимодействует с отрицанием достаточно сложным образом. Причина в том, что *считая*, в отличие от *исключая* и *включая*, задает достаточно сложную «операцию над множеством». Сравним примеры:

- (36) *В крепости оставалось сто защитников, считая женщин и подростков.*
- (37) *В крепости оставалось сто защитников, не считая женщин и подростков.*

В обоих примерах в фокусе внимания — множество ‘защитники крепости’. В обоих примерах указывается количество его членов. Кроме того, сообщается, что в множество защитников входит некоторое количество женщин и подростков, причем говорящий выделяет эти члены множества. Однако в (36) эти выделенные члены множества включены в подсчеты, так что в (36) указано точное количество членов множества.

В (37) те же выделенные члены множества в подсчеты не включены, и тем самым данные члены множества подаются как неосновная, дополнительная, возможно маргинальная часть множества. Точное количество членов множества в (37) не указывается.

Предварительное толкование единицы *считая*:

- (38) *А2 Р, считая А1 [Пришли (Р) десять (А3) человек (А2), считая детей (А1)]*
 (i) ‘А2 Р’;
 (ii) ‘в множество А2 рассматриваемых объектов входит А1’;

- (iii) 'говорящий выделяет A1 в множестве A2';
- (iv) 'количество A2 равно A3';
- (v) 'количество объектов A1 учитывается при подсчете объектов, входящих в множество A2'.

Легко видеть, что отрицание при *считая* взаимодействует с последним компонентом значения (v). При этом в семантическую структуру *считая* вносится дополнительный оценочный компонент 'A1 является неосновной частью множества A2'.

Толкование этой единицы *считая* под отрицанием:

- (39) *A2 P, не считая A1 [Пришли (P) десять (A3) человек (A2), не считая детей (A1)]*
- (i) 'A2 P';
 - (ii) 'в множество A2 рассматриваемых объектов входит A1';
 - (iii) 'говорящий выделяет A1 в множестве A2';
 - (iv) 'количество A2 равно A3';
 - (v) 'количество объектов A1 не учитывается при подсчете объектов, входящих в множество A2';
 - (vi) 'A1 является неосновной частью множества A2'.

Единица *считая* под отрицанием имеет еще одно значение, ср.:

- (40) *У нас было три автомобиля, не считая конных выездов* (А. Кузнецов).

Конные выезды (A1), разумеется, не входят в множество 'три автомобиля' (A2). Речь идет о том, что данные объекты объединяются с автомобилями в единое множество по своей функции. Аналогичные примеры:

- (41) *Семьсот жен было у царя и триста наложниц, не считая рабынь и танцовщиц* (А. Куприн).
- (42) *Одним словом, время я провожу ярко, красочно и в третьей четверти имею четыре официальные двойки, не считая двух неофициальных, переделанных опытным второгодником Галкиным на тройки* (В. Катаев).
- (43) *Будущий товарищ, гражданин Присыпкин, ведь за эти деньги пятнадцать человек бороды побреют, не считая мелочей — усов и прочего* (В. Маяковский).

Единица *считая*, представленная в данных контекстах, не употребляется без отрицания *не*; неприятие:

- (40a) **У нас было три автомобиля, считая конные выезды.*

Тем самым, данная единица *считая*, обязательно употребляемая с *не*, представляет собой отдельную лексему.

Предварительное толкование данной единицы:

- (44) *A2 P, не считая A1 [Было (P) три (A3) коровы (A2), не считая коз (A1)]*
- (i) 'A2 P';
 - (ii) 'объекты A1 объединяются в множество с объектами A2 по сходству функции';
 - (iii) 'количество A2 равно A3'.

При этом множество A2 может состоять из одного объекта или вообще в реальности не включать ни одного объекта — важно то, что объект A1 объединяется с этим единственным (или представляемым) объектом, ср.:

- (45) *Ей достаточно быть любимой одним, избранным ею человеком, не считая, разумеется, Сергеи Толбузина, но он не идет в счет* (Ю. Нагибин).

- (46) *Более одинокой женщины не было во всей деревне, не считая бабы Дуни* (В. Войнович).
- (47) *А кроме того, строго заметит мама, никакой машины во дворе нет, не считая той мусорной, что стоит у помойки, ты все придумал, никакая машина не ждет тебя* (Саша Соколов).

Итак, единица *считая* имеет два значения. Иначе говоря, она полисемична и состоит из двух лексем: лексемы *считая 1*, которая употребляется как с отрицанием *не*, так и без него (ср. *сто защитников, считая подростков — сто защитников, не считая подростков*), и лексемы *считая 2*, употребляющейся только с *не* (ср. *Написал три книги, не считая мелких журнальных заметок*).

Дальнейшее рассуждение справедливо для обеих лексем *считая*. Определим их частеречную принадлежность.

Естественно считать, что *считая* (и в том и в другом значении) синтаксически подчиняется выражению своего семантического актанта A1, т. е. именной группе: *семь человек → (не) считая → A1*. При этом обе лексемы имеют необходимые признаки предлога. У каждой из них две синтаксические валентности (соответствующие ее двум семантическим актантам) — активная и пассивная, причем активная валентность реализуется обязательно, существительным в форме ВИН, ср. *считая → детей*. Обе лексемы *считая* не могут иметь никаких синтаксических зависимых, кроме управляемого существительного (способностью сочетаться с отрицанием мы сейчас пренебрегаем). Наконец, каждая из этих лексем всегда располагается непосредственно перед управляемой группой. Тем не менее мы предлагаем описывать обе лексемы *считая* не как производные предлоги, а как деепричастия в функции предлога.

Лексема *считая 1* имеет те же глагольные черты, что и *исключая*. Во-первых, *считая 1* свободно употребляется с отрицанием. Во-вторых, под отрицанием эта единица может управлять как винительным, так и родительным падежом; ср.:

- (48) *Она подала три вида восточных сладостей, не считая пахлав / пахлаву.*
- (49) *В Средней Азии ели фрукты и орехи, не считая халвы / халву.*

Лексема *считая 2* употребляется только с отрицанием, т. е. не имеет данных глагольных черт, и в этом отношении сближается с *включая*. Однако группы, вводимые как *считая 1*, так и *считая 2*, обособляются подобно деепричастному обороту.

Если поместить данные лексемы *считая* и *не считая* в вокабулу глагола *считать* — как деепричастия в функции предлога, то нет необходимости отдельно указывать эти их глагольные черты: они вытекают из принадлежности данных лексем глаголу. Нет необходимости и вводить в словарь дополнительную вокабулу. Наконец, при таком описании ясно представляется переход от лексемы *считать* ‘определять количество’ (и, возможно, от лексемы *считать* ‘учитывать’) к данным единицам. Итак, интерпретация лексем *считая* и *не считая* как деепричастий в функции предлога дает более экономное и системное описание по сравнению с подачей этих единиц как производных предлогов.

4. Заключение. Почему не говорят **Пришли некоторые девочки, исключая Еву*

В работе рассмотрены семантика и грамматика единиц *исключая* (присутствующих), *включая* (присутствующих) и двузначной единицы *считая* (стариков и детей), которые по устоявшемуся мнению относятся к производным (отглагольным) предлогам. Мы продемонстрировали, что интерпретация этих единиц как деепричастий в функции предлога

дает более экономное и, как следствие, более системное описание, ясно представляющее, с одной стороны, промежуточный характер этих единиц с точки зрения грамматики, а с другой стороны — «ступени» грамматикализации этих единиц, их отрыва от собственно глагольных лексем. Мы предложили аналитические толкования этих единиц и объяснили, в частности, почему *включая*, в отличие от *исключая*, не сочетается с отрицанием (неправильно **Пришли все <некоторые> дети, не включая Еву*).

Между *исключая* и *включая* существует еще одно семантическое различие: *исключая*, в отличие от *включая*, свободно сочетается с квантором всеобщности, но не сочетается (или с трудом сочетается) с квантором существования: неправильно высказывание **Пришли некоторые дети, исключая Еву*. Существенно, что это не индивидуальная особенность слова *исключая*, а свойство всех слов (выражений) с подобной семантикой, ср., например, *кроме* и *за исключением*: неправильно высказывания **Пришли некоторые дети, кроме Евы*; **Пришли некоторые девочки, за исключением Евы*; *Пришла часть учениц, кроме Евы* и т. п.¹² Для того чтобы запретить подробные высказывания, мы ввели в толкование (12) единицы *исключая* квантор всеобщности (компонент (ii) толкования). Сейчас попытаемся объяснить глубинную причину неправильности приведенных примеров.

Возьмем пример:

(50) **Пришли (P) некоторые девочки (A2), исключая Еву (A1)*.

В его семантическую структуру входят, очевидно, все компоненты толкования (12) за исключением (ii). Ср.:

(51) **A2 P, исключая A1* [**Пришли (P) некоторые девочки (A2), исключая Еву (A1)*]

(i) 'A1 входит в множество A2 рассматриваемых однотипных объектов';

(ii) 'A1 не P';

(iii) 'все другие элементы множества A2 P'.

При этом множество A1 (некоторые девочки), а значит, и Ева (как его элемент), находятся в фокусе внимания говорящего.

Квантор существования 'некоторые' в естественном языке подразумевает существование других объектов, которые однотипны с данными, но в отличие от них не-P. Действительно, высказывание *Пришли некоторые дети* подразумевает, что есть и другие дети, причем они не пришли. Следовательно, языковой квантор 'некоторые' выражает еще и некоторую пресуппозицию, ср. (iv) и (v) в (52):

(52) **A2 P, исключая A1* [**Пришли (P) некоторые девочки (A2), исключая Еву (A1)*]

(i) 'A1 входит в множество A2 рассматриваемых однотипных объектов';

(ii) 'A1 не P';

(iii) 'все другие элементы множества A2 P'.

(iv) [пресуппозиция] 'существует множество A3 объектов, однотипных с рассматриваемыми';

(v) [пресуппозиция] 'элементы множества A3 не P'.

Поскольку A1 не P — подобно объектам из A3, то структура (52) подразумевает:

(53) 'A1 входит в A3'.

¹² В англоязычной литературе слова с семантикой 'кроме' выделяются в особый класс — *exceptives*. («экцептивы»). Сходные наблюдения о сочетаемости соответствующих английских единиц с кванторами всеобщности и существования содержатся в работе [Moltmann 1995]. Сочетаемость английских и русских *exceptives* может различаться в некоторых деталях (указание рецензента). Сравнение русских и английских единиц выходит за рамки предлагаемой работы.

Тем самым, объект А1 (Ева) входит в множество А2, находящееся в фокусе внимания, но при этом входит и в отличное от него подразумеваемое множество А3. В результате пресуппозиция высказывания (А1 входит в множество А3) противоречит его ассерции (А1 входит в множество А2), а это порождает языковую аномальность [Апресян 1995]. Тот факт, что объект А1 ведет себя как объекты из А3, не меняет дела. Итак, необходимость квантора существования в толковании слова *исключая*, как и *кроме*, *за исключением* и т. п., объясняется глубинными закономерностями семантической организации высказывания в естественном языке — в конечном счете, фокусом внимания, коммуникативной организацией семантической структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- АП — *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*. Лопатин В. В. (ред.). М.: ЭКСМО, 2006. [*Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravoch-nik* [Rules of Russian orthography and punctuation. A comprehensive academic handbook]. Moscow: EKSMO, 2006.]
- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие. *Избранные труды*. Т. II: *Интегральное описание языка и системная лексикография*. Апресян Ю. Д. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995, 598–621. [Apresjan Yu. D. Linguistic anomaly and logical contradiction. *Izbrannyye trudy*. Vol. II. Apresjan Yu. D. Moscow: Shkola “Yazyki Russkoi Kul’tury”, 1995, 598–621.]
- АС — *Активный словарь русского языка*. Т. 1–. Апресян Ю. Д. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2014–. [*Aktivnyi slovar’ russkogo yazyka* [The active dictionary of Russian]. Vol. 1–. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2014–.]
- Всеволодова 2010 — Всеволодова М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации. *Вопросы языкознания*, 2010, 4: 3–26. [Vsevolodova M. V. Grammatical properties of the prepositional units in Russian: Typology, structure, syntagmatics, and syntactical modifications. *Voprosy Jazykoznanija*, 2010, 4: 3–26.]
- Грамматика-70 — *Грамматика современного русского литературного языка*. Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука, 1970. [*Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of modern standard Russian]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1970.]
- ДАРЯ, 2 — *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*. Вып. 2: *Морфология*. Бромлей С. В. (ред.). М.: Наука, 1989. [*Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectological atlas of Russian. The center of the European part of the USSR]. No. 2: *Morfologiya* [Morphology]. Bromlei S. V. (ed.). Moscow: Nauka, 1989.]
- Еськова 1996 — Еськова Н. А. Первообразные и непервообразные предлоги: Формальный аспект. *Русистика. Славистика. Индоевропеистика*. Николаева Т. М. (ред.). М.: Индрик, 1996, 458–464. [Es’kova N. A. Primitive and non-primitive prepositions: Formal aspect. *Rusistika. Slavistika. Indoev-ropeistika*. Nikolaeva T. M. (ed.). Moscow: Indrik, 1996, 458–464.]
- ЛЭС — Ярцева В. Н. (гл. ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Yartseva V. N. (ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar’* [The linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- МАС — *Словарь русского языка*: В 4 тт. Евгеньева А. П. (ред.). М., 1981–1984. [*Slovar’ russkogo yazyka* [A dictionary of Russian]: In 4 vols. Evgen’eva A. P. (ed.). Moscow, 1981–1984.]
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Овсяннико-Куликовский 1902 — Овсяннико-Куликовский Д. Н. *Синтаксис русского языка*. СПб.: Издание Д. Е. Жуковского, 1902. [Ovsyaniko-Kulikovskii D. N. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of Russian]. St. Petersburg: D. E. Zhukovsky, 1902.]
- ОС — *Орфографический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы*. Аванесов Р. И. (ред.). М.: Русский язык, 1983. [*Orfograficheskii slovar’ russkogo yazyka. Proizno-shenie. Udarenie. Grammaticheskie formy* [Orthographical dictionary of Russian. Pronunciation. Stress. Grammatical forms]. Avanesov R. I. (ed.). Moscow: Russkii Yazyk, 1983.]
- РГ 1980 — *Русская грамматика*: В 2 т. Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980. [*Russkaya gram-matika* [Russian grammar]: In 2 vols. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]

- Сичинава 2018 — Сичинава Д. В. Предлог. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2018. [Sitchinava D. N. Preposition. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2018.] <http://rusgram.ru/Предлог>
- СУш — *Толковый словарь русского языка*. Т. 1–4. Ушаков Д. Н. (ред.). М., 1935–1940. [*Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. Ushakov D. N. (ed.). Vols. 1–4. Moscow, 1935–1940.]
- Урысон 2014 — Урысон Е. В. О производных предлогах: наречные предлоги. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2014, 13(20), т. 1: 695–707. [Uryson E. V. On derivative prepositions: Adverbial prepositions. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2014, 13(20), vol. 1: 14–28.]
- Урысон 2017a — Урысон Е. В. Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов. *Вопросы языкознания*, 2017, 5: 36–55. [Uryson E. V. Adverbial prepositions as a subclass of adverbs. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 5: 36–55.]
- Урысон 2017b — Урысон Е. В. Наречие *сразу*: семантика и грамматика. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2017, 3: 304–313. [Uryson E. V. Semantics and syntax of Russian adverb *srazu* 'immediately'. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2017, 3: 304–313.]
- Урысон 2021 — Урысон Е. В. О статусе грамматической категории вида в русском языке: взгляд лексикографа. *Вопросы языкознания*, 2021, 6: 99–116. [Uryson E. V. On the status of verbal aspect in Russian: A lexicographer's view. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 99–116.]
- Черкасова 1967 — Черкасова Е. Т. *Переход полнозначных слов в предлоги*. М.: Наука, 1967. [Cherkasova E. T. *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [Shift of content words to prepositions]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Hoeksema 1995 — Hoeksema J. The semantics of exception phrases. *Quantifiers, logic, and language*. Van der Does J., van Eijck J. (eds.). Stanford: Cambridge Univ. Press, 1996, 145–177.
- Moltmann 1995 — Moltmann F. Exception sentences and polyadic quantification. *Linguistics and Philosophy*, 1995, 18: 223–280.

Получено / received 11.10.2022

Принято / accepted 21.03.2023

Особенности разговорного употребления союза *что*: цитативность и другие нестандартные свойства

© 2023

Александр Борисович Летучий

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
alexander.letuchiy@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются разговорные конструкции с союзом *что* — например, *Ты скажи, что я же не знал!*, *Он начал извиняться, что он не хотел* и др. Стандартно центром этих разговорных употреблений считается отсутствие сдвига лиц, характерного для косвенной речи и вообще для придаточных. Однако оказывается, что для разговорных конструкций релевантны и две другие черты: возможность присоединения в качестве придаточных неутвердительных (вопросительных и повелительных) конструкций и присоединение придаточных с семантической ролью содержания к матричным глаголам типа *отказываться* или *извиняться*, с которыми в литературном русском такие придаточные не сочетаются. Все три рассматриваемые черты связаны с одним и тем же процессом — превращением союза в своего рода показатель цитации. Тем не менее они не обязательно коррелируют друг с другом: встречаются примеры, характеризующиеся одним или двумя из данных свойств. При этом некоторые свойства разговорных конструкций со *что* роднят их с бессоюзными конструкциями: в обоих случаях предложение не является стандартным сложноподчиненным, вторая часть в них не имеет всех свойств зависимой клаузы. В этом смысле и конструкции со *что*, и бессоюзные конструкции — это средства присоединить к основному глаголу вторую клаузу, не понижая существенно ее синтаксический статус.

Ключевые слова: бессоюзные конструкции, косвенная речь, лицо, подчинение, придаточное изъяснительное, разговорная речь, русский язык, сентенциальные актанты, синтаксис, союзы, цитатив, цитация

Благодарности: Исследование проводилось в рамках работ, поддержанных грантом РФФИ и ЧНФ № 20-512-26004.

Для цитирования: Летучий А. Б. Особенности разговорного употребления союза *что*: цитативность и другие нестандартные свойства. *Вопросы языкознания*, 2023, 3: 27–59.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.27-59

Russian colloquial complement clauses with *čto*: Quotative use and other special properties

Alexander B. Letuchiy

HSE University, Moscow, Russia; Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; alexander.letuchiy@gmail.com

Abstract: The article addresses Russian colloquial constructions with the complementizer *čto*, such as *Ty skazi, čto ja že ne znal* ‘Say that you didn’t know it (lit. ‘that “I didn’t know that”’) or *On načal izvinjat’sja, čto on ne xotel* ‘He began to apologize that he didn’t mean that’. These constructions are mainly described in respect of person: namely, of indexical shift, meaning that person is marked as in direct, rather than indirect speech. However, it turns out that other features also make this construction special: the two of them we describe here are possibility of interrogative and imperative constructions in the embedded clause and extended use of embedded clauses with the semantic role of content with verbs like *otkazyvat’sja* ‘refuse’ or *izvinjat’sja* ‘apologize’, which normally do not take this type of complement clauses. All these features are parts of the same process: re-analysis of the complementizer as a sort of a citation

marker. At the same time, the three features do not necessarily correlate with each other: some uses are characterized with only one or two colloquial features. The data also show that some properties of constructions under analysis make them similar to unmarked complementation: both types of constructions do not behave as canonical complex sentences, and the second part does not show all properties of embedded clauses. In this sense, both the colloquial constructions with *čto* and unmarked complement clauses allow to unite two clauses, the second part not being significantly demoted in syntactic status.

Keywords: asyndetic complements, citation, complement clauses, conjunctions, indirect speech, person, quotative, reported speech, Russian, spoken discourse, subordination, syntax

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and GACR, project No. 20-512-26004.

For citation: Letuchiy A. B. Russian colloquial complement clauses with *čto*: Quotative use and other special properties. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 27–59.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.27-59

Введение

В русской разговорной речи и ненормированном языке интернета многие показатели получают новые употребления, не входящие или еще не вошедшие в литературную норму. Среди них и союзы, в частности показатели сентенциальных актантов. Наибольшее внимание среди специфически разговорных явлений получило в последнее время «паразитическое» разговорное употребление сложной союзной единицы *то, что*:

(1) Он сказал, *то что* опаздывает.

Этому явлению посвящены работы Н. Г. Коротаева [2013; 2016], Н. В. Сердобольской и А. Д. Егоровой [2019] и др. Если в литературной речи *то, что* — это сложный маркер, довольно сильно ограниченный в употреблении (например, он почти не употребляется при глаголах мнения типа *думать, полагать, считать* и склонен маркировать ситуации, входящие в тему высказывания, см. подробнее [Кобозева 2013]), то в разговорных контекстах *то, что* выступает, по сути, как главный, не маркированный по употреблению союз. Его части утрачивают интонационную автономность: если в литературном употреблении каждая из частей часто несет отдельное ударение, а между ними может стоять небольшая пауза, то в разговорном они имеют единое ударение (как правило, на *то*) и произносятся без пауз.

В этой работе мы рассмотрим другое разговорное явление в сфере союзов, не столь распространенное, как экспансия *то, что*, но тоже интересное. Речь идет о нестандартном употреблении союза *что* — одного из главных подчинительных союзов русского языка.

Нашей задачей будет выявить сочетаемость и особенности поведения *что* в нестандартных употреблениях типа *А он волновался, что как я туда доеду*. Мы постараемся найти ограничения на этот тип употребления союза, показать, как они соотносятся со стандартным употреблением и другими явлениями в области сложного предложения и, конечно, продемонстрировать, что нестандартное употребление не сводится к нестандартному употреблению лиц в зависимой клаузе, а системно описывается как движение *что* к цитативному показателю.

1. Употребление *что* в литературном языке: краткий обзор

Сначала напомним, как союз *что* употребляется в литературном языке. Хотя сфера его использования очень широка, некоторые тенденции и ограничения сформулировать можно.

Подчеркнем, что мы будем рассматривать только случаи, когда *что* присоединяет сентенциальные актанты, например *Я забыл, что нужно приготовить суп*, — только в последних частях работы мы коснемся употреблений, находящихся на стыке сентенциальных

актантов и сирконстантов. Следующие употребления, выступающие вне сентенциальных актантов, нас интересовать не будут:

- (i) *Что* степени и образа действия в сочетании с маркерами степени и образа действия в главном предложении: *так, такой, настолько, столь: Арбуз был такой огромный, что не поместился в холодильник.*
- (ii) Относительное *что* (союз или союзное слово): *Я увидел свой дом, что стоит на берегу моря.*
- (iii) *Что* идентичности, часто в сочетании с маркером *тот (же)*: *Это тот же человек, что приходил вчера?*¹

Ограничения на употребление *что* с сентенциальными актантами в первую очередь касаются модальности. Субъективная модальность и связанные значения (желание, цель, возможность) со *что* сочетаются редко. Предикаты, не содержащие модального значения вовсе или содержащие только эпистемический компонент, способны сочетаться со *что*. Поэтому, в частности, глагол *мочь* со *что* не сочетается, однако предикатив *возможно* и сочетание *может быть*, у которых есть только эпистемическое значение ‘до какой-то степени вероятно, не исключено’, с ним сочетаются (*Вполне может быть, что он просто забыл о встрече*). Глаголы *надеяться* и *бояться* также сочетаются со *что*, поскольку из двух компонентов их значения — эпистемического и оценочного — главным обычно является эпистемический (ср. *Я не надеюсь, что меня услышат* ‘Я считаю желательным, но не считаю вероятным, что меня услышат’).

Имеются и более частные ограничения. Например, стандартно предикаты с отрицательной лексической полярностью (*отрицать, опровергать*) сочетаются со *что* хуже, чем их «положительные» корреляты (*признавать, доказывать*) (см. статистику встречаемости в Национальном корпусе русского языка из [Летучий 2021], приводимую здесь). Не вдаваясь в детали, скажем, что для предикатов отрицательной полярности характерен высокий процент отрицания в конструкции со *что* (для глаголов в целом он ниже) — т. е. со *что* сочетаются прежде всего комбинации типа *не отрицать* или *не оспаривать*, где полярность уже положительная. И наоборот, для предикатов положительной полярности процент отрицания ниже или такой же, как для глагола в целом.

Таблица

Статистика употребления предикатов положительной и отрицательной полярности с отрицанием и без отрицания (в целом и при союзе *что*)

Глагол	<i>Что</i>	<i>Что</i> с отрицанием при глаголе	Глагол (всего)	Глагол с отрицанием (всего)
<i>опровергнуть</i>	2	2	775	107
<i>оспаривать</i>	14	12	695	221
<i>отрицать</i>	389	246	5866	1667
<i>доказать</i>	2188	147	6509	570
<i>утверждать</i>	9152	196	16853	624
<i>согласиться</i>	1356	153	30424	4233

Что способно сочетаться и с фактивными предикатами (*знать, понять, раздражать, радоваться*), и с нефактивными (*думать, предполагать, казаться*). Однако стандартно

¹ Употребления (ii) и (iii) в целом очень близки, и априори представляется возможным считать, что *что* идентичности — это подтип относительного маркера *что*, а отличие появляется в силу употребления маркера *тот (же)*. Здесь мы не касаемся этого вопроса.

для каждого предиката задано ровно одно — фактивное или нефактивное — прочтение. Если же требуется выразить ирреальность описываемых событий при фактивном предикате или преобразовать событие в повторяемое, требуется замена союза, например, на *когда* или *если* (см. подробнее [Сердобольская 2011; Летучий 2021]). В (2) *если* маркирует ирреальность зависимой ситуации при глаголе *удивить* (главная ситуация тоже ирреальна), а в (3) *когда* используется, чтобы подчеркнуть нереперентность зависимой ситуации при *любить* и *нравиться*: ситуация *меня выставляют дураком* может иметь место, однако не происходит актуально в момент речи.

(2) *Меня бы удивило, если бы судья не назначил пенальти.*

(3) *Я не люблю / Мне не нравится, когда меня выставляют дураком.*

Замена на *что* при глаголе *нравиться* в (3) подразумевала бы, что мы имеем в виду единичное референтное событие, в котором говорящего выставляют дураком. Если же речь идет о некотором переменном состоянии, где эта ситуация может то иметь, то не иметь места, используется союз *когда* в актантном употреблении.

Семантические роли актантов, вводимых *что*, тоже различны (подробнее мы рассмотрим их набор в части 2.2). Например, при глаголе *расстроить* актант со *что* имеет роль стимула эмоции, а при *сказать* — содержания высказывания.

Теперь перейдем к рассмотрению разговорных употреблений *что*. Дальнейшая часть статьи построена следующим образом. В части 2 рассматривается соотношение трех связанных со *что* явлений — смещения прямой и косвенной речи, выражения актанта с ролью содержания в нестандартных контекстах и употребления *что* с непостоятельными предложениями. Эта линия рассмотрения продолжается в части 3, где показано, что различные типы разговорных конструкций со *что* не вполне идентичны по поведению. Часть 4 связывает разговорное *что* с другим типом соединения клауз — бессоюзными сложными предложениями. В части 5 обсуждаются случаи употребления *что* в контекстах, стандартно свойственных другим союзам, в особенности *чтобы*. Наконец, часть 6 включает обсуждение примеров, где клауза со *что* либо не подчинена никакому матричному предикату, либо установить зависимость сложнее, чем обычно.

Материалом для исследования послужили тексты из основного, устного и мультимедийного подкорпусов Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и тексты, найденные поиском в системе Google. При этом мы были вынуждены в описании явлений, отсутствующих в разговорной речи, ориентироваться на тот факт, что примеры некоторых типов не встречаются, и отчасти на нашу интроспекцию. Это означает, что некоторые выводы статьи могут быть скорректированы при расширении корпусов устной и нестандартной письменной речи и при проведении опросов носителей.

2. Три признака разговорных конструкций со *что*

Рассмотрим основные свойства *что*. Мы покажем, что у разговорных употреблений данного союза есть три основных типа свойств и что употребление *что* зависит от разных факторов, в частности: (1) от главного предиката и того, какой тип зависимого он вводит, (2) от семантической роли зависимой клаузы и (3) от лица субъекта главной клаузы и его соответствия участнику в зависимой. При этом, как мы продемонстрируем, нестандартное *что* — это не просто смещенное употребление обычного *что* с нарушенным соотношением лиц. По некоторым свойствам *что* в обсуждаемых ниже примерах видно, что в них *что* выступает не как стандартный союз, а скорее как показатель цитатива. В этом смысле разговорные конструкции со *что* отчасти входят в класс ксенопоказателей, описываемых в работах В. А. Плунгяна [2008], Е. В. Падучевой [2011] и И. Б. Левонтиной [2020].

Мы рассмотрим три основных признака конструкций со *что*: употребление без сдвига лиц, нестандартную семантическую роль и подчинение матричному предикату неповествовательных конструкций (вопросительных клауз и клауз с повелительным наклоном). Затем мы поговорим о том, насколько три вышеупомянутых свойства коррелируют друг с другом.

2.1. *Что* без сдвига лиц: ограничение на буквальную передачу высказывания

Первым из интересных свойств *что* в некоторых разговорных употреблениях является отсутствие сдвига лиц, характерного для косвенной речи (это нестандартное явление носит название *indexical shift*). Вместо литературного варианта (5), где первое лицо говорящего зависимой клаузы заменяется в косвенной речи на третье, употребляется (6) без изменения лиц (см. также примеры (7) и (8) из НКРЯ). В этих конструкциях *я* по-прежнему обозначает лицо, произносящее исходное высказывание (здесь включенное в зависимую клаузу), а *ты* — адресата этого исходного высказывания.

- (4) *Я сегодня точно не приду вовремя.*
- (5) *Петя_i сказал, что он_i сегодня точно не придет вовремя.*
- (6) *Петя_i сказал, что я_i сегодня точно не приду вовремя.*
- (7) [Миненкова Ольга (жен, домохозяйка)] Он просто позвонил и сказал/ что «Я в Краснодаре» [Нас спасла любовь (Ставрополь). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2013)].
- (8) [№ 7, муж, 58, 1946, военный] В интервью/ он единственное сказал/ что я ни на шаг теперь ногой/ на государственную службу/ не пойду [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2004)].

Конечно, в рамках русского синтаксиса вариант (6) можно рассматривать как неразличение прямой и косвенной речи. В литературном языке (6) неграмматично, если *я* и *приду* относятся к Пете, а не к говорящему. Однако это не случайная ошибка. Употребление *что* сближает его, помимо союзов, с другими характерными для устной речи во многих языках показателями — **маркерами цитатива**. Согласно [Aikhenvald 2004], цитатив является одним из типов эвиденциальности (см. также [Anderson 1986]), при котором говорящий не просто указывает на то, что пересказывает чужое высказывание, но и буквально передает способ выражения содержания, формальные характеристики высказывания. В частности, как показывает Т. Гюльдeman [Güldemann 2008], одной из характерных черт цитатива (хотя и не универсальной чертой) и является сохранение такого маркирования лиц, которое наблюдалось в исходном высказывании. Этим цитатив отличается от прочих типов эвиденциальности: он является как бы биркой, ярлыком, который прикрепляется к уже оформленной конструкции прямой речи (см. также работу [Spronck, Nikitina 2019], авторы которой показывают, что синтаксически цитативные конструкции формируют совершенно отдельный тип единиц). Вполне возможно, что в ярлык такого типа превращается и союз *что*². Андерсон [Anderson 1986] показывает, что эвиденциальные маркеры очень часто происходят от маркеров, кодирующих значения из других семантических зон, в том числе это касается и цитативных маркеров.

² В примере (7) клауза, введенная *что*, даже маркирована кавычками. Это еще больше усиливает сходство *что* с цитативным маркером: хотя *что* служит для подчинения одной клаузы другой, оно не переключает режим функционирования с прямой речи / цитации на косвенную речь / стандартную вложенную клаузу, зависимая клауза по-прежнему осознается как цитата.

Некоторые свойства разговорного *что* явно роднят его с цитативом. Можно показать, что *что* этого типа склонно буквально пересказывать форму высказывания: то есть мы имеем дело не просто со сдвигом типа маркирования лиц в зависимой клаузе, а со сдвигом, мотивированным употреблением *что* как маркера буквального цитирования. В частности, ограничение касается матричных глаголов: некоторые из них даже в разговорной речи очень ограниченно принимают конструкции без сдвига лиц. Если в главной клаузе употребляется глагол типа *рассказывать* или *сообщать*, при котором в фокусе находится не речевой акт со всеми характеристиками, а лишь его содержание, употребление *что* в нестандартной конструкции маловероятно:

- (9) *Вот как раз он_i нам тогда рассказывал/ что он_i занимается этой историей дипломатии...* [Д. Б. Споров, Д. В. Сарабьянов, Е. Б. Мурина. Беседа Д. Б. Спорова с Е. Б. Муриной и Д. В. Сарабьяновым (2012) // <http://oralhistory.ru/>].
- (10) *??Вот как раз он_i нам тогда рассказывал, что я_i занимаюсь этой историей дипломатии³.*

Еще более сомнительно употребление такого рода *что* с глаголами мнения типа *считать* или *полагать*:

- (11) **Он полагал, что я лучшие всех.*

Поскольку, употребляя данные глаголы, говорящий не стремится симитировать исходный речевой акт, буквально повторить его формальные особенности, уместнее именно третье лицо. Оно показывает, что некоторое содержание вкладывается в содержание главного речевого акта, а его форма нерелевантна.

Еще один довод заключается в том, что ненормативные конструкции со *что* невозможны, если опущено субъектное местоимение, как в примерах (12) и (136). Тем самым, прямая речь в данном случае появляется по аналогии с употреблением лиц в независимом предложении, а не в силу изменения правил контроля местоимений в придаточном предложении. Это и значит, что в этой конструкции буквально цитируется исходное высказывание. В (13в), где зависимое со *что* оформлено, по литературной норме, как косвенная речь, опущение субъекта возможно.

- (12) *Петя_i сказал, что ∅_i точно не придет / *∅_i точно не приду сегодня.*
- (13) а. *...а когда я напомнил о договоре, начал орать, что — Я же тебе деньги плачу* (<https://pikabu.ru/story/.../6510312>).

б. **...а когда я напомнил о договоре, начал орать, что плачу тебе деньги.*

в. *А когда я напомнил о договоре, начал орать, что платит мне деньги.*

В исходном высказывании мы наверняка бы ожидали с большей вероятностью варианта с выраженным местоимением (*Я точно не приду сегодня*), чем с невыраженным (*Точно не приду сегодня*).

При этом, если в зависимой клаузе имитируется интонация, порядок слов и дискурсивные маркеры, характерные для независимого предложения, и даже в независимом предложении возможно употребление без местоимения, конструкция без сдвига лиц возможна.

³ В примерах (10) и (11) звездочка (*) и вопросительные знаки (??) имеют нестандартное прочтение. Обычно эти знаки обозначают, что автор или его информанты считают пример неграмматичным либо крайне сомнительным. Однако в силу того, что наш материал частично лежит на границе разговорной и нормированной литературной речи, а частично относится только к разговорной, неграмматичными по требованиям нормы были бы многие примеры. В (10)–(11) звездочка и знаки вопроса подразумевают, что данный пример кажется нестандартным даже с точки зрения разговорного регистра.

- (14) ...но одним днем он_i сказал что все больше $\emptyset_i$ не прииду, я не хочу приходить туда где мне не рады (<https://www.all-psy.com/konsultacii/otvet/243837/>).

Ср. независимое предложение *Все, больше не прииду*, которое также возможно. Приводимый анонимным рецензентом пример: 17 % ответили «точно не прииду» принадлежит к тому же типу: при ответе на вопрос в независимом предложении возможна фраза *Точно не прииду* (причем в ответ на вопрос *Придете ли Вы на выборы?* она более естественна, чем альтернатива *Я точно не прииду* с выраженным субъектом).

Из характерной для разговорного *что* ориентации на субъекта, говорящего при исходном речевом акте, вытекает несколько других свойств. Ниже, например, мы показываем, что в зависимой клаузе разговорных конструкций могут использоваться такие маркеры главной клаузы, как частица *же* в некоторых употреблениях.

В силу привилегированного положения исходного субъекта он — а точнее, ситуация, в которой он произносит свою реплику или выдвигает мнение — становится точкой отсчета для некоторых сугубо грамматических маркеров. В частности, из-за этого в разговорных конструкциях не употребляется абсолютное время — временные формы, ориентированные на момент речи, на внешнего говорящего (в (16) форма *не разрешали* возможна только в значении предшествования, но не одновременности). В литературных конструкциях они возможны, хотя и используются несколько реже, чем относительное (таксисное) время, см. [Khomitsevich 2007; Шнитке 2020]:

- (15) *Подозревая ловушку, он обычно ссылаясь на частичную потерю памяти, вызванную психотропными препаратами ЦРУ. Но на вопросы, представлявшие ему безобидными, ответы давал вполне определенные. К примеру, жаловался, что работники ЦРУ не разрешали ему говорить по-русски* [Юрий Кобяков. Юродивый (2003) // «Совершенно секретно», 10.07.2003].

- (16) *Он жаловался, что мне же сотрудники ЦРУ не разрешали говорить по-русски!*

Как и в прямой речи, возможно относительное время:

- (17) а. *Он жаловался, что мне же сотрудники ЦРУ не разрешают говорить по-русски!*
б. *Он жаловался: «Мне сотрудники ЦРУ не разрешают говорить по-русски!»*

Аналогичным образом, в примере (18) относительное время *понимаю* (в тот момент, когда это сказал) не допускает замены на *понимал*.

- (18) [10, муж, 55, 1946, предприниматель] *Он очень хорошую мысль высказал/ что я/ конечно/ понимаю/ что сына я не верну/ но я бы не хотел/ чтобы сыновья других родителей страдали как мой* [Беседа в Воронеже (2001)].
- (19) *...что я, конечно, понимал, что я сына не верну

2.2. Что и семантическая роль содержания

Еще один признак, релевантный для нестандартного употребления *что*, — это семантическая роль, которую имеет сентенциальный актант с этим союзом. Хотя разделение сентенциальных актантов по семантическим ролям часто менее четкое, чем у именных групп, для матричных глаголов задано то, какую семантическую роль может иметь сентенциальный актант. Однако разговорное употребление *что* нередко нарушает эти ограничения — более того, при изменении семантической роли клаузы со *что* становятся возможны даже при глаголах, которые в литературном языке со *что* не сочетаются.

В целом см., например, [Bondarenko 2021; Князев 2022; Летучий 2021] и др., сентенциальные актанты склонны иметь, в частности, следующие типы ролей:

- содержание (матричный предикат выражает некоторый акт речи, мысли или эмоции, в котором содержится — и делает его наполненным — смысл, выраженный в зависимой клаузе);
- логическое соответствие (матричный предикат выражает логическое отношение, например, идентичность или следствие, которое объединяет ситуацию и объект или две ситуации, например, *То, что он отвлекся, не означает, что ему не интересно*);
- стимул (матричный предикат выражает некоторый акт, речи, мысли или эмоции экспериментера, который испытывает на себе воздействие ситуации, выраженной в зависимой клаузе);
- причина, каузатор (матричный предикат выражает некоторое воздействие на участника — одушевленного или неодушевленного, например, *Дому сильно повредило, что его каждый раз перестраивали, Он извинился, что сначала меня не узнал, Его здоровье подкосило то, что диссертацию не приняли к защите*).

Однако в нашем типе употреблений данные роли не симметричны: в разговорном языке нередко наблюдается экспансия роли содержания. Даже матричные глаголы, в норме не способные принимать *что*, способны их принимать, когда употребляются с нестандартной конструкцией содержания.

Действительно, можно показать, что не все глаголы допускают зависимые со значением содержания. Некоторые матричные предикаты не предполагают раскрытия формы или логической последовательности, содержащейся в акте речи, мысли или эмоции. Примером может служить глагол *отказываться*. Его второй актант в нормативном языке имеет роль объекта отношения, как при глаголах *недолюбливать*, *допускать* и др. *Отказываться* — это предикат, который может фиксировать содержание только в свернутом виде (по сути, *отказываться* = ‘говорить «нет», сообщать, что ответ отрицательный’, это отрицание и есть содержание высказывания).

При этом данная лексема фиксирует отношение к потенциальной ситуации, которая только может возникнуть, поэтому из типов сентенциальных актантов выбирается инфинитив (*Он отказался мне звонить*). Дополнительно инфинитив поддерживается тем фактом, что *отказываться* — глагол строгого контроля в терминах [Stiebels 2007], а этот класс глаголов в норме сочетается только с инфинитивом. Союз *чтобы* при *отказаться* выглядит хуже, чем глагол положительного отношения *согласиться*. Союз *что* в норме недопустим даже по двум причинам: из-за отрицательного отношения (см. таблицу, показывающую, что *что* легче употребляется при глаголах положительного отношения) и из-за ирреальности: в отличие от *согласиться*, *отказаться* не может обозначать ситуацию, где оценивается уже введенное в рассмотрение утверждение.

В разговорном языке *отказаться* сочетается с СА, имеющим роль содержания, которая в литературном языке либо остается невыраженной, либо выражается описательно оборотами типа *отказался в силу того, что*; *отказался, сказав, что*; *отказался, мотивируя это тем, что*. При этой смене роли становится возможным и нестандартный союз.

- (20) *Мне магазин не понравился 1.5 месяца прождал и ничего не получил продавец отказался **что типа отправил товар** на самом деле он ничего не отправлял...* (<https://aliexpress.ru/item/32843950391.html>).
- (21) *МАТЬ. Да она отречется. Она от тебя откажется, **что не твой**. СЫН. Нет, нет, это они ее натравливали, как зайца, она-то меня любила. Они ей уши прожужжали, этого вояку где-то выкопали* [Людмила Петрушевская. Свидание (1997)].
- (22) *Сегодня уже по сути как правило в политической полемике оказывается так, что называть либерала либералом значит политически «обидеть» его. Он во многих случаях*

тут же начнет отказываться, **что он «не либерал»** (<https://abcdefgh.livejournal.com/831301.html>).

Похожим образом устроен глагол *извиниться / извиняться*. В стандартном языке он принимает дополнения со *что* с ролью причины, основания для извинения (*Он извинился, что сначала меня не узнал*). Однако в разговорной речи возможны дополнения с ролью содержания.

- (23) *Водитель, мужчина лет пятидесяти пяти, выскочил из машины и на плохом польском языке начал извиняться, что он не хотел, что он очень сожалеет, он просто не заметил этой ужасной лужи* (<https://inna-korogid.me/articles/moe-pervoe-beloe-palto/>).
- (24) а. *А потом Гуф опять начнет извиняться, что он не знал, что это его двойник, что его собака заставила.*
- б. *Потом извинялся, что он лично против нас ничего не имеет, только против настоящих англичан* (<https://www.valiki.com/2009/07/>).

Вероятно, одной из причин развития данной группы употреблений и служит склонность разговорной речи к точной передаче, часто — к буквальному цитированию речевого акта (В. И. Подлесская [2017] отмечает, что в разговорной речи широко распространены «гипердиалогические» способы передачи чужой речи, включающие интонацию и маркирования лиц). Говорящий в разговорном регистре при пересказе чужой речи стремится не описать цель или обстоятельства речевого акта, а передать его прямо, чтобы адресат его понял и лучше представил себе высказывание, о котором идет речь. С этим же, по-видимому, связана частотность в разговорном языке цитативных маркеров типа *грит*, *гыл* и др. — они пронизывают весь текст и время от времени напоминают слушающему о том, что перед ним пересказ.

Широкая сочетаемость разговорного *что*, присоединяющего содержания, напоминает сочетаемость прямой речи⁴. Действительно, не только речевые глаголы, но и предикаты других классов сочетаются с прямой речью (25), даже если неспособны присоединять неразговорные придаточные предложения с ролью содержания: пример (27) допустим только в разговорной речи.

- (25) *Он махнул рукой: «Забудь об этом!»*
- (26) **Он махнул рукой, что забудь об этом* (в неразговорной речи).
- (27) *Я бросил взгляд на солнце и понял что подзадержался. Нужно было отправляться на уик-энд еще час тому назад. Поэтому махнул рукой, что я сейчас по быстрому, и бегом вернулся на Базу, где забрал лук и малый колчан с охотничьими и боевыми стрелами.*

В свою очередь, различным может быть и синтаксический статус самих оборотов прямой речи. Конечно, есть случаи (например, *Он сказал: «Я позвоню»*; *Он подумал: «Какой позор!»*), где оборот прямой речи занимает актантную позицию. Без выражения содержания предложение *Он сказал* или *Он подумал* в рассматриваемом значении либо неграмматично, либо предполагает обращение к предшествующему контексту (— *Кто тебе это сказал? — Брат сказал*). Часто в таких случаях, кроме прямой речи, допустимы зависимые со *что* или бессоюзные конструкции типа *Он подумал: а чем я рискую?* Однако актантная структура типа *махнуть (рукой)*, *кивнуть* и др. не включает содержания. Можно считать, что и разговорная конструкция со *что*, и оборот прямой речи в таких ситуациях являются сирконстантами или пояснительными конструкциями типа (28):

⁴ За эту идею мы благодарны анонимному рецензенту.

(28) *Мне одно непонятно: куда могли пропасть ключи?*

Отличие *что* от оборотов прямой речи в данном контексте скорее функциональное. Разговорное *что* способно употребляться в тех случаях, когда говорящий хочет продемонстрировать большую дистанцию между внешним говорящим и субъектом вложенного речевого или мыслительного акта, чем это бывает при прямой речи. В частности, конструкция со *что* в большей мере проницаема для элементов, привнесенных внешним говорящим, — например, с целью дискредитировать исходного субъекта высказывания. В примере (29б) говорящий вводит в исходную реплику, которая, видимо, выглядела примерно как (29а), собственные (скорее негативно оцениваемые) номинации (*всезнайка*) и цитативный элемент *такой*⁵:

(29) а. *Я много об этом знаю.*

б. *...удачи тебе и дальше понтоваться и хвастаться что я такой всезнайка с такими грамотными россия и катится не понятно куда а то Незнание русского языка — позор, ни к чему этим бравировать* (<https://out-club.ru/board/showthread.php?t=59684&page=3>).

2.3. Что с неопределенными предложениями

Итак, мы показали, что *что* в разговорном употреблении расширяет свою сочетаемость с глаголами и позволяет «незаконно» выразить актант с ролью содержания при глаголах, изначально этого не предполагающих. В то же время меняется тип выражения участников — несмотря на наличие союза *что*, возможен тип маркирования без сдвига лиц. Однако нестандартное употребление приводит и к более драматичным изменениям: *что* способно употребляться в тех случаях, когда зависимая клауза не содержит повествовательного предложения с формой индикатива. Мы рассмотрим два таких случая: с вопросительными конструкциями и с императивом в зависимой клаузе.

2.3.1. Что и императив

В императивных конструкциях *что* употребляется для буквальной передачи речи говорящего, однако с подчинением этой речи матричному предикату:

(30) *...даже западные коллеги и друзья Владимир-Владимировича ... стали намекать ему на то, что ты уже давай что-то сделай, или что-то сделает другой* (<https://thomas-cranmer.livejournal.com/215872.html>).

(31) *Стали намекать ему (на то), чтобы он что-то уже сделал.*

(32) *Стали намекать ему: «Ты уже давай, что-то сделай».*

Последний пример (32) наиболее прямо передает чужую речь, однако при этой стратегии оборот прямой речи не может встроиться в матричную клаузу как придаточное.

⁵ Отметим здесь замечание анонимного рецензента (со ссылкой на [Fox Tree, Tomlinson 2008]) о том, что использование прямой речи не обязательно предполагает наиболее прямую и буквальную передачу исходного высказывания — возможна трактовка, при которой прямая речь скорее наиболее выпукло и наглядно демонстрирует (возможно, с искажениями), как выглядело исходное высказывание. Пример (29б) как раз показывает, что некоторые изобразительные средства, привнесенные говорящим, возможны в разговорных конструкциях со *что*, но вряд ли допустимы в прямой речи.

Пример (31), напротив, содержит сложное предложение, но без буквальной передачи чужой речи — вероятно, такой способ передачи меньше соответствует коммуникативному намерению говорящего, который пытается в разговорном регистре симитировать ситуацию общения политиков. Только первый пример, (30), может совмещать две стратегии. Ср. также другие конструкции такого рода:

- (33) *Может в грязных джинсах или футболке гулять пойти, я ей говорю, что грязно же, переоденься, а она — ой, а я и не заметила* [Наши дети: Подростки (2004)].
- (34) [*№ 2, жен, депутат*] *И государство ослабило свои объятия/ сказали/ что/ пожалуйста/ выходите* [Круглый стол «Взаимодействие бизнеса и государства в ходе реализации проекта «Электронная Россия» (2003) // Интернет].

Употребление *что* в императиве связано и с проблемой различения прямой и косвенной речи: ведь в косвенной речи императивная конструкция должна преобразовываться в конструкцию с союзом *чтобы* или частицей *пусть*. Именно поэтому, по крайней мере, по нашей языковой интуиции, в сочинительных конструкциях сочетаться с императивом могут только повествовательные конструкции без сдвига лиц (на наш взгляд, (35) явно лучше (36), хотя некоторые носители не разделяют этого нашего ощущения):

- (35) *Никто не орет, что я пришел и пустьте как есть* (А. Кураев. Фрагмент статьи).
- (36) **Никто не орет, что он пришел и пустьте как есть.*
- (37) *...и даже напугали типа зачем вам это надо и вдруг глюканет? Мозги в кирпич превратятся и мы не виноваты. Я их заверил что я бесстрашный и давайте делайте быстрее* (<https://www.drive2.ru/l/596574669339886522/>).

В связи с примерами типа (35) и (37) нужно сказать несколько слов о сочинении в разговорных конструкциях. В (35) и (37) союз *и* не соответствует союзу в исходном высказывании: едва ли изначально высказывание звучало как (35').

- (35') *Я пришел и пустьте как есть.*

По-видимому, такое несоответствие связано с дискурсивными различиями между употреблением *и* в литературном языке и в устной разговорной речи. Стандартно в литературном языке *и* маркирует соединение двух утверждений, каждое из которых верно (*Я знаю, что Земля круглая и что Волга впадает в Каспийское море*). При этом стандартно *и* соединяет утверждения, у которых есть общий аргумент или логическая связь. Поэтому предложения типа *Стул стоит у окна, и дверь открыта* нормальны только в случае, когда между этими фактами усматривается логическая связь, например *Наверняка Паша здесь уже был, сидел тут, пил чай. Стул стоит у окна, где я его не ставил, и дверь открыта*.

Напротив, при цитации *и* используется, чтобы соединить несколько утверждений — и связаны друг с другом они просто тем, что встретились в речи одного субъекта. Поэтому ни логическая связь, ни даже совпадение форм для них не обязательны.

Несмотря на то, что цитация очень характерна для разговорных конструкций, такое употребление *и* встречается в речи без явных признаков разговорности. В частности, оно может использоваться при желании продемонстрировать, что все реплики персонажа были направлены на одну цель и, возможно, были излишне длинными и подробными.

- (38) *А до этого, как я ни утверждала, что со мной все хорошо и это нормально — терять после родов столько крови, потому что мой организм просто очищается, и что я чувствую себя лучше всех, и они уже достали меня своей заботой и запретами, из постели меня так и не выпустили* (Г. Нигматулина. Цветок змеиного дома).

В этой ситуации конструкция косвенной речи с *и* также не повторяет исходную: *и* соединяет как бы два разных речевых акта, которые в оригинале не соединены *и*. Различие заключается в том, что в литературной речи разные типы предложений вряд ли склонны (даже при использовании прямой речи) соединяться союзом *и* без повтора *что*: конструкция (39) лучше бы выглядела без союза *и*:

(39) *Учитель кричал: «Вы ничего не знаете» и «Выйдите из класса!».*

По-видимому, это связано с тем, что в разговорных конструкциях со *что* вторая клауза сильно маркирована как цитативная конструкция. Этот признак цитативности иерархически (по своей сфере действия *и*, вероятно, по положению в структуре) находится выше, чем другой признак — тип предложения (повествовательное vs. императивное). Поэтому различие по типу предложения нейтрализуется общим значением признака цитативности, а значит, становится допустимым сочинение различных элементов, как в (35). Как кажется, и предложение типа (40) возможно, если сильно (например, интонационно) маркировано как «чужая речь», цитативная конструкция — например, растянуто произносятся ударные слоги последних слов:

(40) *Ну, учитель там начал кричать: «Вы ничего не зна-а-а-аете» и «Выйдите из кла-а-а-асса!».*

2.3.2. Что с вопросительными конструкциями

Так же свободно *что* в разговорной речи способно присоединять вопросительные конструкции. Несмотря на то, что такие конструкции содержат специальный маркер вопроса и одновременно подчинения — вопросительно-относительное местоимение, оно может дополняться показателем *что*:

(41) *Она начала говорить, что как я смею ей указывать.*

(42) *Прибегает продавец и начинает орать, что кто теперь купит эту книгу, что у них книги очень дорогие.*

Во втором примере *что* позволяет соединить как однородные придаточные два зависимых, которые различаются способностью к подчинению: первое в норме подчиняется только в виде прямой речи, а второе может быть косвенной речью, при этом сдвиг лиц уже произведен. Без участия *что* такое однородное подчинение было бы невозможно:

(42') **Прибегает продавец и начинает орать, кто теперь купит эту книгу, (что) у них книги очень дорогие.*

При ближайшем рассмотрении оказывается, что многие контексты, в которых выступает *что*, на самом деле не являются собственно вопросительными: как правило, это контексты косвенного речевого акта или просто восклицательные придаточные (см. о них [Зевахина 2020]). Однако для императивных контекстов это неверно: в них выступает императив в стандартном прочтении. То же верно для индикативных зависимых. Тем самым *что* сохраняет минимальные ограничения на тип матричного предиката: этот союз выступает только в случае, когда говорящий передает слушающему либо информацию, либо каузацию действий. Это же с некоторыми изменениями видно для контекстов типа (40)–(41): в восклицательных конструкциях слушающему передается информация об эмоциях говорящего. Напротив, в настоящих вопросительных контекстах содержания, сообщаемого слушающему, как такового нет — как раз наоборот, говорящий запрашивает у слушающего информацию. Для этого контекста *что*, даже с поправкой на разговорное употребление, не характерно.

В то же время некоторые контексты с собственно вопросами также встречаются. Часто это контексты, где *что* является управляемым элементом в конструкциях типа *вроде того, что; в плане того, что; речь (идет) о том, что*:

- (43) ...*речь идет о том, что нельзя ли с помощью электронного охлаждения достигнуть предельных чувствительностей и тогда можно обходиться без рефрижераторов растворения, что для космоса исключительно важно.*
- (44) *Там очень много вариантов, я пыталась задавать какие-то глупые вопросы, вроде того, что, не можете ли вы забрать нас от корабля, а не от отеля.*

В этих случаях нестандартно употребляется скорее не *что*, а сама вопросительная клауза. Стандартно сочетания типа *вроде того, что, речь идет о том, что* присоединяют утвердительные предложения.

- (45) *Речь идет о том, что с помощью электронного охлаждения можно достигнуть предельных чувствительностей.*
- (46) *Происходили странные вещи, вроде того, что мой друг однажды со мной не поздоровался.*

Однако может оказаться, что говорящий стремится связать этими отношениями вопросы — при этом избежать выражения *что* не получается.

Тем самым, нестандартное *что* имеет три диагностических свойства: каждое из них позволяет отличить этот тип *что* от стандартного литературного. При этом сочетание всех трех свойств вполне частотно, но не обязательно:

- семантическая роль (содержание);
- функция (буквальная цитация, в том числе для повествовательных речевых актов);
- соотношение лиц (без сдвига по сравнению с исходным высказыванием).

Ниже мы покажем, что лишь в двух случаях мы можем говорить не о корреляции, а о строгом правиле: если клауза не имеет роли содержания, то невозможно употребление без сдвига лица и вне повествовательных речевых актов. В этом смысле обо всех подтипах рассматриваемой конструкции можно говорить как о цитативных: без роли содержания, которая и является основой цитативного употребления, все остальные признаки тоже ведут к неграмматичности.

2.4. Итог: три признака разговорных употреблений и их взаимосвязь

Как мы показали в предыдущих частях, разговорные употребления *что* характеризуются тремя признаками, каждый из которых резко отличает их от литературных:

- употребление без сдвига лиц (с сохранением маркирования лиц из прямой речи);
- способность подчинения повествовательных конструкций (императивов и вопросов);
- расширительное употребление клауз с семантической ролью содержания при матричных предикатах, в нормативном языке не присоединяющих такие клаузы.

Отметим, что мы не претендуем на полное исчисление признаков разговорных конструкций со *что*. В частности, ниже мы упоминаем о примерах, где во второй части конструкции со *что* сохраняются другие признаки, характерные для независимых предложений или прямой речи. Скорее мы показали способность сохраняться в описываемых

конструкциях самых ярких черт независимого предложения. Это уже показывает, насколько прямо разговорные конструкции передают свойства исходного речевого акта.

Действительно, можно показать, что все эти признаки роднит то, что они предполагают буквальную передачу речи, цитацию в большей мере, чем признаки, стандартные для литературной речи. Эта ориентация на буквальную передачу соответствует выводам работы [Подлесская 2017], где показано, что разговорную речь отличает большая диалогичность, чем литературную. Даже пересказывая чужую речь, говорящий стремится передать ее либо буквально, либо наиболее выпукло и наглядно (см. сноску 5 выше) и тем самым не просто описывает содержание чужого высказывания, а как бы сталкивает между собой два высказывания: чужое и свое, изображает, как на сцене, человека, речь которого пересказывает. По сути дела, говорящий действует как актер, становясь на место автора исходной реплики и сохраняя расстановку участников (в частности, автор исходной реплики выступает как говорящий, *я*, а его адресат — как *ты*), его прагматические акценты, эмфазу и эмоциональные значения (отсюда возможность употреблять частицы и другие маркеры главной клаузы), его стремление воздействовать на собеседника и запрашивать у него информацию (ср. возможность употребления в данных конструкциях вопросов и императивных актов) и само содержание высказывания (вследствие этого расширяется употребление зависимых с ролью содержания). При этом синтаксические ограничения на подчинение некоторых речевых актов (в частности, вопросительных и побудительных) могут игнорироваться. В этом смысле русские процессы попадают в круг явлений, описанных в работе [Wiltschko 2021]: автор показывает, что речевые акты не только должны быть описаны с учетом характерных для них синтаксических средств, но и могут менять свое оформление и синтаксические свойства в определенных синтаксических контекстах.

Повышенная диалогичность во многом служит не только для выразительности собственной речи, но и для дистанцирования от чужой речи. И. Б. Левонтина [2020] отмечает тип конструкций с показателями пересказа, где говорящий, в гипертрофированной форме имитируя интонацию и другие формальные признаки пересказываемого речевого акта, тем самым особенно сильно дистанцируется от него (*Ах, скучно, ах, пыль!*). То же возможно и для употреблений *что*.

Как же соотносятся между собой три признака *что* в конкретных примерах? В качестве нулевой гипотезы можно было бы предположить, что при разговорных употреблениях тип речи меняется как целое, в разных аспектах. Например, можно было бы предположить, что поскольку *что* находится на пути от союза к цитативному показателю, в процессе этих изменений тип речи тоже меняется. Это предсказание основывалось бы на том, что *что* в нестандартном употреблении буквально передает содержание исходного речевого акта, а значит, и сдвига лиц происходить не должно. В этом смысле можно было бы считать, что разговорная конструкция сближается с бессоюзными конструкциями прямой речи.

В действительности это предсказание не сбывается. Три основных признака коррелируют друг с другом, однако корреляция не стопроцентна. Например, для конструкций с нестандартным *что*, маркирующим содержание, соотношение лиц, как в прямой речи (без сдвига при подчинении главному предикату), возможно. Однако оно не является единственным вариантом: в (47), (49)–(50) нестандартное зависимое с ролью содержания содержит стандартное маркирование участников со сдвигом лиц (при этом, возможно, существует и вариант типа (48) без сдвига лиц, однако в интернете с глаголом *отказываться* он практически не обнаруживается).

(47) *Он во многих случаях тут же начнет отказываться, что он «не либерал»* (<https://abcdefghijklmnopqrstuvwxyz.livejournal.com/831301.html>).

(48) *Он начал отказываться, что я же не либерал.*

(49) *Всю страну разворовали! Совсем совести нет!! Сейчас будут отказываться, что они не виноваты и прощения просить!* (Кун.уз — Новости Узбекистана).

(50) ...он начал отказываться, что он там в ментов стрелял, хотя дуэль была у нас с ним, а менты вообще в другой стороне стояли.

Тем самым, два признака — тип маркирования лица и функция буквальной передачи (цитации) — не обязательно коррелируют друг с другом. По всей видимости, показатель *что* даже в таких употреблении не полностью утратил союзные свойства. Точно так же не стопроцентно вытекают друг из друга подчинение неповествовательных конструкций и маркирование лица: в (51)–(52) при подчинении вопросительной конструкции, нестандартном для литературного языка, наблюдается стандартный сдвиг лиц, например с *я* на *он* в (51) и с *ты* на *он* в (52):

(51) *Начал орать, что куда он все выставит* (rubrikator.org/tula/kalinka).

(52) *На него начинают орать, что куда он едет.*

В то же время некоторая связь между признаками есть: среди восьми теоретически мыслимых комбинаций ($2 \times 2 \times 2$) есть невозможные. Например, при стандартной семантической роли клаузы (например, основания, как при *извиняться*) невозможно маркирование лиц, характерное для прямой речи. Именно поэтому маркирование зависимого субъекта местоимением *я* допустимо в (53), но невозможно в (54):

(53) *Сын побежал сразу в машину, ревел, потом начал извиняться, что я такого не говорил, не хотел, не буду...* (<https://www.eti-deti.ru/voprvospit/448.html>)

(54) **Он начал извиняться, что я тебя так обидел* (при возможном *что он меня так обидел*).

Поскольку *что* передает содержание речевого акта, логично, что маркирование участников без сдвига лиц становится возможно. Напротив, если исходная клауза имеет роль причины / основания для извинения, то она не соответствует фрагменту исходного высказывания. Иначе говоря, (53) можно представить в виде (53'), используя конструкцию прямой речи, а (54) не представимо в виде (54'):

(53') *Он, конечно, начал извиняться, говоря: «Я такого не говорил».*

(54') **Он начал извиняться, говоря: «Я тебя так обидел».*

По-видимому, если роль зависимой клаузы — это не роль содержания, невозможен и другой нестандартный признак зависимых — неповествовательные клаузы.

(55) *Меня беспокоило, кто же теперь закроет дверь.*

(55') *Он беспокоился, кто же теперь закроет дверь.*

(56) ??*Меня беспокоило, что как же мы теперь доберемся.*

(56') *Он беспокоился, что как же мы теперь доберемся.*

(57) *Мой парень сначала волновался, что как это девица и вдруг с мечом* (<https://www.osd.ru/oneresp.asp?rid=211720>).

При глаголе *беспокоить* зависимая клауза со *что* имеет не роль содержания, а роль стимула и/или каузатора. Поэтому ее выражение с помощью разговорного *что* затруднено и, соответственно, невозможно присоединение в данной позиции неутвердительной конструкции (в (55) это вопросительная клауза). Напротив, при некаузативных глаголах *беспокоиться* и *волноваться* клауза со *что* может выполнять роль содержания. Соответственно, возможно образование в (56') и (57) разговорной конструкции, где зависимая клауза — вопросительная или восклицательная.

Еще одно характерное свойство конструкций с разговорным *что* состоит в том, что часто *что* присоединяет длинные актанты с ролью содержания или конструкции, где

сочиняются несколько клауз со *что*, как в (58). Видимо, *что* употребляется с содержанием тогда, когда говорящий хочет полностью, ничего не упуская, передать содержание речевого акта. Однако и в таких конструкциях возможно разное маркирование лиц.

- (58) *А потом Гуф опять начнет извиняться, что он не знал, что это его двойник, что его собака заставила.*

Напротив, при выражении основания при *извиняться* менее вероятны настолько длинные сочиненные структуры: основание — это не содержание акта извинения, а участник, логически связанный с самим извинением. А логическая связь стандартно устанавливается между двумя утверждениями или ситуациями, а не между семействами ситуаций.

- (59) *А потом Гуф опять начнет извиняться, что он меня обидел, что он поступил плохо, что я из-за него долго ждал.*

2.5. Нестандартное *что* и номинализации

В русском языке зависимые клаузы возможны не только при глаголах, но и при вершинах других частей речи. И если предикативы принимают такие клаузы так же свободно, как глаголы (*хорошо, что ты пришел*), то при именах их присоединение ограничено и в части случаев запрещено (ср. *важно, что ты пришел*, но невозможно **важность, что ты пришел*). Немало в то же время и таких имен, при которых клауза часто используется (*ощущение, что мы ошиблись; страх, что мы можем опоздать; уверенность, что все обстоит именно так*). Закономерен вопрос о том, возможно ли в этом случае нестандартное *что*.

В целом конструкции такого рода встречаются. Например, в (60) и (61) *что* сочетается с маркером косвенного вопроса *как*, то есть употребляется нестандартно, как цитатив.

- (60) *В голове появился страх, что как я буду всех Вас искать заново?* (https://vk.com/pedikur_petrozavodsk).

- (61) — *И во сне было беспокойство, что как же она одна...* (<https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=24755&p=4>).

При этом номинализации демонстрируют еще большую зависимость употребления *что* от семантической роли актанта. Как показано в работах [Grimshaw 1990; Letuchiy 2018], сентенциальные актанты номинализаций склонны иметь семантическую роль содержания, но это не обязательно. Например, если номинализация *опасность* присоединяет клаузы со значением содержания (так, (62) значит ‘опасность состоит в том, что’), то при существительном *доказательство* (63) зависимая клауза имеет другую роль — абстрактного объекта, затронутого доказательством, темы. В частности, в отличие от зависимых с ролью содержания, вложенная клауза при имени *доказательство* не встречается в связочных конструкциях (пример (63б) не соответствует по значению (63а)):

- (62) *Главная опасность — оказаться запертым в своем доме.*

- (63) а. *Доказательство, что теорема верна, выводится из предыдущих утверждений.*

б. **Главное доказательство — что теорема действительно верна.*

Как и при глаголах, при именах семантическая роль клаузы влияет на возможность употребления нестандартного разговорного *что*. Например, имя *доказательство* не принимает конструкций с нестандартным *что* в силу того, что клауза при нем не имеет роли содержания:

- (64) **У него не было доказательств, что я невиновен в том, что случилось.*

Это вполне объяснимо, поскольку конструкция без мены лиц обычно выступает именно при актантах с ролью содержания.

Соответствующие глаголы — например *доказывать* — допускают разговорное *что* лишь в ограниченном контексте. Это контексты буквальной передачи доказательства как речевого акта — именно поэтому при добавлении обстоятельств способа, как в (66), соответствующие конструкции становятся неграмматичными или странными:

- (65) *Еще как-то мужчина, проехавший по территории детского сада на красном универсале со стороны Давыдова на парковку со стороны Русской, на мое замечание по этому поводу, с пеной у рта мне доказывал, что «я же не на скорости!»* (<https://vladmama.ru/forum/viewtopic.php?f=743&t=200475&start=1000>).
- (66) **Он разными способами мне доказывал / пытался мне доказать, что я же не на скорости.*

Тем самым, в (65) *я же не на скорости* — это буквальная форма речевого акта, а не пропозиция, верность которой говорящий стремится доказать.

Тем не менее даже номинализации, при которых зависимая клауза выражает содержание, присоединяют актанты с нестандартным *что* довольно редко. Как правило, это происходит при поддержке дискурсивных элементов типа частицы *же*, которые дополнительно маркируют зависимую клаузу как сходную по свойствам с прямой речью.

- (67) *И вот когда, за себя отвечу, прошу прощения, я вспоминаю часто Господа, висящего на Кресте, как Он прощал, через боль, через страдание, через понимание, что я же Бог, я пришел вас спасти, вы Бога своего распинаете* (<https://radiovera.ru/proshhenie-pochemu-ego-trudno-i-pri-jetom-vazhno-prosit-svjashhennik-konstantin-malcev.html>).
- (68) *И еще уверенность, что «я же девочка, мне не всекут, поэтому можно охреневать»...* (<https://ozgun.su/viewtopic.php?t=1492&start=140>)

3. Дифференциальные признаки разговорных конструкций

Хотя мы показали, что у всех нестандартных конструкций со *что* есть общая черта — близость к цитативу, стремление к буквальной передаче речи или мысли, — между ними есть и некоторые различия. Именно они показывают, что разговорные конструкции со *что*, демонстрирующие разные нестандартные черты, — это не одна конструкция, а скорее семейство конструкций.

3.1. Интонация и паузация

Как кажется, разные типы разговорных зависимых со *что* — нестандартные зависимые с ролью содержания, пересказ с сохранением лиц и т. д. — имеют не совсем идентичные интонационные свойства. Заранее скажем, что выводы данной части не совсем надежны: они основаны на нашей произносительной интуиции, на представлении о том, как могли бы быть прочитаны найденные примеры. В дальнейшем требуется подробное исследование просодии и паузации в рассматриваемых разговорных конструкциях.

В целом у разговорных конструкций со *что* есть два интонационных варианта:

1. Вариант, где *что* при устной передаче произносилось бы интонационно слитно с матричной клаузой и было бы отделено паузой или меной интонации от материала зависимой клаузы:

(69) Он говорит, **что** // я же не виноват.

(70) Он говорит, **что** // как я теперь домой-то доберусь?!

2. Вариант, где *что* при устной передаче произносилось бы как интонационно слитное с зависимой клаузой и отделенное паузой или меной интонации от материала матричной клаузы:

(71=23) Водитель, мужчина лет пятидесяти пяти, выскочил из машины и на плохом польском языке начал извиняться, **что он не хотел, что он очень сожалеет**, он просто не заметил этой ужасной лужи (<https://inna-korogid.me/articles/moe-pervoe-beloe-palto/>).

(72) Ну вот я просто один пример приведу/ **что** значит поэтичность этого эпоса/ девушка говорит/ **что я хотела бы вырасти/ любимому своему**/ думая о любимом говорит. Я хотела бы/ чтобы я была березой/ и чтобы ты из меня сделал скрипку. И на этой скрипке играл. То есть вот такие поэтические образы в этом эпосе/ удивительно прекрасные и глубокие [Эрзя в гостях у «Вечерней Москвы». Рубрика «Народы Москвы» на телеканале «Вечерняя Москва» (2014)].

В этом смысле изменение функции *что* в первом случае сильнее, чем во втором. Во-первых, в первом случае размывается связь *что* с клаузой, которую вводит данный союз. Во-вторых, в первом случае, при отрыве от *что*, зависимая клауза может интонироваться и оформляться знаками препинания, как оборот прямой речи. Вспомним пример (7), где такая клауза даже взята в кавычки⁶.

3.2. Повтор союза

Еще один дифференциальный признак тоже убеждает в меньшей, по сравнению с другими, близости *что* к цитативу в том случае, когда клауза выражает содержание, а другие разговорные признаки отсутствуют. Речь о том, что только в случае нестандартной семантической роли (74а), но не при нестандартном употреблении лица (74б), возможен повтор союза, в целом характерный для подчинительных союзов русского языка (см. стандартный пример (73)):

(73) Меня убеждали, чтобы я забрал из милиции заявление и чтобы больше не протестовал против действий депутата.

(74=23) а. Водитель, мужчина лет пятидесяти пяти, выскочил из машины и на плохом польском языке начал извиняться, **что он не хотел, что он очень сожалеет**, он просто не заметил этой ужасной лужи (<https://inna-korogid.me/articles/moe-pervoe-beloe-palto/>).

б. ??Он начал говорить, что я не согласен и что я не могу так поступить.

4. Нестандартное *что* и бессоюзные клаузы

Как мы показали, функция союза в нестандартных конструкциях со *что* отличается от стандартной: *что* здесь в первую очередь маркирует цитацию. Отсюда естественно

⁶ При этом, как справедливо замечает анонимный рецензент, выводы, касающиеся интонации, в дальнейшем должны быть уточнены специальным исследованием устных примеров, содержащих данную конструкцию. Кроме того, есть примеры, где *что* не отделено паузой ни от главной, ни от зависимой клаузы — тем самым их отнесение к тому или иному типу проблематично.

следует вопрос, можно ли говорить для разговорных конструкций о канонической структуре с зависимой клаузой. По-видимому, анализировать их таким образом будет неверным. Некоторые свойства отличают разговорные конструкции со *что* от стандартных подчинительных. Их поведение в некоторых аспектах заставляет вспомнить другой нестандартный тип связывания клауз, а именно: бессоюзные конструкции, некоторые из которых описаны в работах [Ширяев 1986; Сердобольская 2017; Letuchiy 2022]. Два типа явлений роднит и сочетаемость, и некоторые формальные особенности. В первую очередь в глаза бросается близость таксономии конструкций и ограничения на матричные предикаты.

Во-первых, бессоюзные конструкции тоже допускают разные распределения лиц, и в части контекстов возможны сразу несколько вариантов:

(75) а. *Каждый чувствовал: я нужен товарищам, без меня не может быть радость других* [В. Сухомлинский. Семья Несгибаемых // «Юность», 1969].

б. *Савинков чувствовал: — он Гоцу нравится и Гоц ему верит* [Р. Б. Гуль. Азеф (1958)].

Во-вторых, и разговорные конструкции со *что*, и бессоюзные конструкции практически не встречаются или встречаются с предикатами эмоций:

(76) а. **Его пугало: никто почему-то не звонит.*

б. **Его пугало, что мне [= 'ему'] никто не звонит.*

(77) а. **Его раздражало: мама всегда опаздывает.*

б. **Его раздражало, что моя мама / почему его мама всегда опаздывает.*

Недопустимость глаголов эмоций связана с их слишком сильной фактивностью. Стимул эмоции, выраженной в зависимой клаузе, находится в пресуппозиции и существует отдельно от акта эмоции — а значит, не является в полной мере содержанием. А оба обсуждаемых явления — и разговорная конструкция со *что*, и бессоюзные конструкции — чаще всего служат еще и для того, чтобы поместить описываемую ситуацию в ассерцию и повысить степень ее релевантности для главной линии событий.

Еще одна общая черта касается места конструкций в системе. Поскольку расширяет свое употребление сложный маркер *то, что*, показатель *что* становится как бы опустошенным показателем подчинения. Это выражается и в его слабом интонировании. В этом смысле он сближается с бессоюзными конструкциями.

Рассмотрим ниже некоторые другие общие для двух явлений аспекты поведения.

4.1. Выражение аргументов

В области выражения аргументов *что* и бессоюзные конструкции объединяет нестандартная для русского языка черта: оба типа не допускают невыраженных субъектов (о нестандартных конструкциях со *что* это уже было сказано выше, в разделе 2). Это объясняется тем, что вторая часть бессоюзных конструкций не является подчиненной в стандартном смысле слова. Разговорное же *что* просто является показателем цитатива — выражение аргументов в конструкциях с ним такое же, как в исходном высказывании.

(78) *#Он_i всем обещал, что ∅ сегодня приду.*

(79) *#Петя_i знал: ∅_i не успеет.*

(80) *#Он_i думал, ∅_i ошибся.*

4.2. Полярность и отрицание

Бессоюзные конструкции и *что* ведут себя одинаково применительно к отрицанию. Бессоюзные конструкции, как правило, не допускают изменения полярности главного предиката, уменьшающей вероятность зависимого события. На практике это означает, что практически все матричные предикаты не допускают отрицания, тогда как *сомневаться* и *отрицать*, напротив, употребляются только с ним (*не сомневаться* и *не отрицать* предполагают, что зависимая пропозиция верна). Исключением является конструкция без изменения лиц, которая допускает отрицание (первый вариант в (81)) — она как бы занимает промежуточное положение между бессоюзными зависимыми клаузами и прямой речью.

(81) *Он не считал: я лучше всех / *он лучше всех.*

(82) **Он сомневался, что я такой, лучше всех.*

Обе конструкции не демонстрируют еще одной черты сложноподчиненных конструкций — не способны к гнездованию. Это также связано с тем, что вторая часть конструкции не является в полном смысле подчиненной:

(83) *Он знал, что умрет, еще там, на дороге, когда его ранило* (http://samlib.ru/m/mohow_i_w/9.shtml).

(84) **Он знал: он умрет, еще там, на дороге.*

(85) **Он знал, что я умру, еще там, на дороге.*

(86) *Он понимал, что вернётся домой поздно, еще когда ехал в гости.*

(87) *??Он был уверен, он вернётся домой поздно, еще по дороге в гости.*

(88) *??Он возмущался, что кто у него купит эту книгу, когда мы что-то взяли с полки.*

Тем самым, обе конструкции, при незначительных различиях, на самом деле являются средством маркирования цитации. Вторая часть в обоих случаях не является в собственном смысле подчиненной клаузой — она стандартно принадлежит к ассерции и имеет некоторые свойства главной клаузы.

4.3. Вопросительный вынос

Возможности выноса из главной клаузы также роднят разговорные конструкции со *что* и бессоюзные конструкции. Как в одних, так и в других вопросительный вынос выглядит семантически и синтаксически сомнительным — однако вынос относительного местоимения нормален:

(89) *Есть еще те, кто говорит, что я же говорил, но таких тут не было* (<http://ski.spb.ru/conf/index.php?showtopic=54637>).

(90) *Сегодня посетителем оказался Юрий Миронов, который уверен: он видел в торговом центре свою маму* (Д. Донцова. Венки из железных одуванчиков).

(91) **Кто говорит, что я же говорил?*

(92) **Кто уверен: он видел в торговом центре свою маму?*

4.4. Маркеры главной клаузы

Как в бессоюзных зависимых, так и в зависимых со *что* возможны маркеры главной клаузы, например некоторые частицы. В (93) употребляется дискурсивный маркер *же*⁷, а в (94) — *ведь* (впрочем, *ведь* в меньшей мере, чем *же*, ограничено главной клаузой). При этом литературные конструкции, в которых зависимое не имеет семантической роли содержания, как правило, не могут включать таких маркеров, ср. невозможное или сомнительное предложение (95).

(93) *Ко мне стал приходить пьяный на уговоры и просьбы всегда говорил что я же не буянню* (<https://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?t=679425>).

(94) *При зачитывании заявления о подключении смс-информирования по данной карте, они мне ответили, что я ведь не вижу какую вы бумажку читаете.*

(95) *Сережа извинился, что он (*ведь / *же) так всех подвел.*

Бессоюзные зависимые также могут содержать маркеры, которые в стандартных зависимых с союзами невозможны [Сердобольская 2017]:

(96) *Он понимал: это же он сам вел себя как идиот.*

(97) [?]*Он понимал, что это же он сам вел себя как идиот.*

Тем не менее устройство двух типов конструкций не полностью идентично. По-видимому, вторая часть бессоюзных конструкций вообще не подчинена в полном смысле слова главной. Напротив, вторая часть разговорных конструкций со *что* подчинена первой, хотя и имеет существенные свойства отдельного высказывания. Именно с этим связано то, что некоторые маркеры главной клаузы, например конструкции логического следствия с *так*, приемлемы в бессоюзных конструкциях, например (98), и неприемлемы в разговорных конструкциях со *что* (100). Тем самым, маркер *так*, как показывают примеры (98) vs. (99)–(100), различает бессоюзные конструкции (98) и все остальные. Только в бессоюзных конструкциях вторая часть (*так может обо всех вопросы ставить*) обладает достаточными свойствами главной клаузы, чтобы содержать дискурсивный маркер *так*.

(98) — *Ишь ты! — сказал Мишка. — Что это еще такое: не успеешь получить двойку, как уж о тебе вопрос! Думает, он председатель отряда, так может обо всех вопросы ставить!* [Николай Носов. Веселая семейка (1949)].

(99) **Думает, что он председатель отряда, так может обо всех вопросы ставить.*

(100) **Он все говорил, что я председатель отряда, так (я) могу обо всех вопросах ставить.*

Тем не менее, оба типа конструкций выступают как средство сохранить выделенность второй части клаузы, позволить ей даже в составе сложного предложения функционировать и как самостоятельное высказывание, со своими модальными компонентами, выделительными элементами и интонацией. Это ставит конструкции со *что* в особую позицию

⁷ Мы имеем в виду именно усилительное употребление *же*, акцентирующее внимание на том, что ситуация имеет место (например, что говорящий в (93) не буянит). Например, неприемлемы примеры типа **Полина уверена, что она же всех подвела* или **Мама меня упрекала, что я же опоздал*. Для других употреблений, например, эмфатическом вопросительном (*Я так и не знаю, кто же тогда украл деньги*) или кореферентном (*Дети знали, что Деда Мороза играл учитель физкультуры и он же оставил мешок с подарками*) оппозиция главной и зависимой клауз, по-видимому, не играет роли.

в описанной С. Кристофаро [Cristofaro 1998; 2003] оппозицией зависимых конструкций типа *balanced* (содержащих конструкции, способные употребляться и в главной клаузе) vs. типа *deranked* (содержащих специальные конструкции, формы, маркеры, например, инфинитивы или конвербы, не употребляющиеся в главной клаузе). Русские стандартные зависимые со *чтобы* по оформлению принадлежат к типу *balanced*, однако благодаря союзу значительно менее привилегированы синтаксически, чем главная клауза. Напротив, разговорные конструкции со *что* и бессоюзные зависимые являются *balanced* в еще более сильном смысле: они не только не содержат специальных форм, характерных для подчиненной клаузы, но и по синтаксическому поведению не являются по-настоящему подчиненными.

5. Конкуренция разговорного *что* с другими союзами

Еще одна грань нестандартного употребления состоит в том, что *что* может вытеснять другие союзы. В ситуациях, когда некоторая роль может быть выражена при данном глаголе, но с помощью другого союза, в разговорной речи может употребляться *что* (101). Примером может служить случай с глаголом *любить*: этот глагол в литературной речи практически не сочетается со *что*, а в разговорной речи сочетается (впрочем, как показывают примеры (102) и (103), ранее категоричного запрета на *что* при глаголе *любить* не существовало):

- (101) [agd-ardin, nick] *а японцев я не люблю что они во время войны с китайцами делали из последних консервы, таким образом демонстрируя свою извращенность* [Твоя подпись в статусе (ICQ переписка) (2007.11.24)].
- (102) «Я терпеть не могу беспорядков, а паче **не люблю, что** и самая каналья, каковы здешние горские народы, смеют противиться власти государя», — писал Ермолов П. И. Меллеру-Закомельскому 15 декабря 1818 года [Семен Экштут. Алексей Ермолов (1995) // «Родина», 1994].
- (103) *(мужик не любит шляпу интеллигента, я не люблю, что Стахович, член гос. совета, ест простоквашу, играет в футбол — чувство направлено на шляпу, на простоквашу, на красный широкий затылок «лечащегося» Стаховича, но не на лицо)* [М. М. Пришвин. Дневники (1924)].

Ниже мы рассмотрим случаи, когда *что* употребляется в сфере употребления союза *чтобы*. В частности, мы покажем, что на самом деле речь не идет просто об ошибке в выборе союза или смешении двух союзов. Нестандартные употребления *что*, которые иллюстрируются в разделах 5.1 и 5.2 — проявления того же свойства, о котором мы говорили ранее: склонности *что* употребляться в роли показателя цитатива. Нестандартные употребления *что* служат для буквальной передачи просьбы или требования, что в стандартном разговорном языке при глаголах типа *просить* возможно только при употреблении прямой речи.

5.1. Конкуренция *что* и *чтобы*

Кратко скажем об употреблении союза *чтобы* — при этом его употребление в целевых обстоятельственных клаузах ниже не обсуждается. В аргументных придаточных *чтобы* более или менее распадается на два типа (см. подробнее [Добрушина 2016]):

- *чтобы* целевого типа при глаголах, выражающих стремление к совершению ситуации, ср. *Сергея хотел / просил, чтобы ему принесли плов*;

— *чтобы* ирреального типа (как правило, с отрицанием), выражающее малую вероятность совершения ситуации, как в *Не думаю / Сомневаюсь, чтобы Сережа действительно это говорил*.

Ядро первого типа составляют глаголы желания (*хотеть, желать, стремиться*), а также вербальной и невербальной каузации (*требовать, просить, велеть, сказать, приказать*). Второй тип употребления сочетается с некоторыми глаголами, предполагающими малую вероятность совершения зависимой ситуации: с глаголами *знать, думать, верить* и рядом других с отрицанием и глаголом *сомневаться* без отрицания.

Области употребления двух союзов *что* и *чтобы* перекрываются, но общая часть очень небольшая, и даже в этих случаях конструкции с двумя союзами не полностью синонимичны. Например, глаголы речи типа *говорить, предупредить* и др. способны принимать оба союза, однако между контекстами есть очевидные различия. Модель *говорить, что; предупредить, что* используется при сообщении информации. Вариант же со *чтобы* выбирается, когда глаголы употребляются как каузативные. Хотя (104) и (106), (105) и (107) употребляются в похожей ситуации, только (106) и (107) выражают стремление говорящего вызвать некоторые действия слушающего, повлиять на ситуацию. В (104) и (105) просто сообщается релевантная информация о положении дел, а то, какие действия должен совершить адресат, строго говоря, не указывается.

(104) *Сережа сказал, что на улице дождь.*

(105) *Меня предупредили, что дорога там плохая.*

(106) *Сережа сказал, чтобы я взял зонтик.*

(107) *Меня предупредили, чтобы я ехал осторожно.*

В разговорной речи граница между союзами стирается, и *что* может употребляться в тех контекстах, где стандартно ожидалось бы *чтобы*: прежде всего, при глаголах вербальной каузации *требовать, просить, умолять* (примеры (108)–(114), но также, например, и в некоторых контекстах с *мочь* (115).

(108) *Где я требовал **что все мне должны, или русские свиньи**?* (<https://point.md/ru/novosti/politika/shevchuk-gotov-vstretitjsya-s-rukovodstvom-moldovi-no-pri-opredelennih-usloviyah/>).

(109) *Он же сам умолял, **что оставайся, защити меня**.*

(110) *И еще просили, **что его я должен показать только тому, кто спросит об одном человеке, а не о двух или трех*** (<https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%D0%94/docenko-viktor/tridcatogo-unichtozhitj/35>).

(111) *Иногда его просили/ **что вот идет война!** святой отец/ попробуй примирить врагов/ [Николай Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)].*

(112) *И я его честью просил, **что нам невозможно в одной квартире при таком гордом характере и постоянно нетрезвом виде, и вывесил к воротам записку*** [И. С. Шмелев. Человек из ресторана (1911)].

(113) *Но приказ командования неукоснительно требовал, **что рекогносцировщиками могут быть только военные командиры**...* [С. М. Голицын. Записки беспогонника (1946–1976)].

(114) *Один из самых жестких нормативных актов по охране природы требовал, **что фундамент здания должен быть выполнен по технологии с использованием только дерева**.*

- (115) *Я так не могу что где-то отваливается, где-то нет заводской детали...* (<https://www.drive2.ru/experience/mg/g1393?to=132221985700296820>).

В другом варианте конструкций *что* тоже замещает другую стандартную стратегию, но эта стратегия не союзная, а именная. В (116) *что* употреблено при глаголе *начаться*, который в литературной речи вообще не управляет клаузами, а допускает только именные зависимые:

- (116) *И тут началось, что я не имела право его осматривать, что версия о лишае несет оскорбительный характер и т. д.* (<https://pravoved.ru/question/3075040/>).

На самом деле первое впечатление, что в данных примерах имеет место просто смена союза, не совсем верно. Как и в рассмотренных ранее случаях, здесь ключевое значение имеет цитативная природа разговорных употреблений *что*, стремление буквально передать содержание, а иногда также и форму, описанного высказывания. Ведь различие между (111) и нормативным литературным предложением *Иногда его просили пойти и помирить врагов* или *Иногда его просили, чтобы он пошел и помирил врагов* не сводится к выбору союза. При использовании инфинитива или *чтобы* зависимое выражает не содержание в полном смысле слова, а ситуацию, которую стремится реализовать субъект. Если же используется *что*, речь идет о буквальной передаче просьбы, о цитации.

Именно поэтому придаточные в найденных примерах на употребление *что* вместо *чтобы* ((108)–(115)) нередко содержат модальные предикаты (*мочь, должен*) либо конструкции, с особенностями, характерными для прямой речи ((109), (111)), как в (97) и (99). Как и в прочих примерах, здесь *что* в разговорном варианте употребляется как показатель цитации. Содержание же речевого или когнитивного акта, выраженного конструкциями со *чтобы*, и заключается в том, что говорящий хочет совершения ситуации или хочет каузировать адресата выполнить действие. Зависимая ситуация является ирреальной, но желательной, и при ее передаче с помощью *что* эта желательность передается либо прямым обращением к адресату (императивом, как в (109) и (111)), либо модальными глаголами.

5.2. Что вместе со *чтобы*

Особым подтипом конструкций является тот, где *что* не замещает *чтобы*, а употребляется вместе с ним. Набор глаголов, при которых это происходит, примерно тот же, что в предыдущем случае (преимущественно глаголы вербальной каузации), но устройство конструкций различно.

- (117) *...как вдруг получил кн. Трубецкой от него письмо, в котором он уведомляет, что дядя требовал от него письмом, чтоб он пошел в герцогскую службу, женился бы и там остался жить, так он его сделает всего имения наследником, но что он на это не согласился, дядя, осердясь, сделал наследником другого, а его лишил и выданные уже ему голландские вексели, помнится, на 39 000 возвратил, и он остался ни с чем, то просил, что ежели можно какой оборот сделать продажею опять дома, то чтоб его спасли* [Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии] (1784–1792)].

- (118) *Сосед долго ее расспрашивал, где я жить буду, что есть буду, и очень просил, что если я ей не подыду,* чтобы она меня на улицу не выбрасывала.

- (119) *Он причастился за этой Литургией Святых Тайн, потом о чем-то беседовал с игуменом Нифонтом, и известно, что в этой беседе просил, что когда он умрет,* чтобы его положили в тот гроб, который стоял у него в келии... [протоиерей В. П. Свенцицкий. Преподобный Серафим (1925)].

(120) *Я бы тоже хотел, что когда у меня двигатель из-за холода перестал нормально заводиться*, чтобы он мне об этом сказал заранее (www.cossa.ru).

Как мы видим, в этих контекстах *что* не является инновацией: даже в XVIII в. встречается пример такого использования *что*. Устройство примеров одинаково: сначала употребляется *что*, а уже в следующей клаузе *чтобы*. Однако общим является не только это. Понятно, что употребить при одной и той же клаузе *что* и *чтобы* невозможно — из этого естественным образом вытекает, что зависимая часть состоит более чем из одной клаузы. В (117), (118) зависимая клауза, в свою очередь, включает условное зависимое с *если* и *если* соответственно, а в (119) и (120) — временное с *когда*.

Рассмотрим подробно пример (117). Этот пример очень показателен: в нем совмещаются разные средства маркирования зависимой ситуации. Сначала используется союз *чтобы*, естественный при модальном глаголе *требовать*. Этому союзу подчинены формы *пошел*, *женился бы* и *остался* — разные формы выражения сослагательного наклонения (при этом частица *бы* из союза *чтобы* может либо выражаться вторично в подчиненном глаголе, либо оставаться невыраженной). Затем, однако, в части, отделенной частицей *так*, уже используется форма индикатива — будущее время *сделает*. Поскольку *так* не образует собственно сочинительной конструкции, а отделяет вторую часть от первой как логическое следствие, синтаксический параллелизм между ними не обязателен. Наконец, в последней части используется еще одно сложное предложение с матричным глаголом *просить*, от которого зависит и *что*, и *чтобы*. Такое же дублирование союзов, выражение и *что*, и *чтобы*, наблюдается в примерах (118)–(120). При этом каждый из этих примеров становится хуже, если опускается *чтобы*:

(121) *И очень просил, что если я ей не подойду, она бы меня на улицу не выбрасывала.*

Зачем в этих контекстах, для которых существует специальный ирреальный союз, нужно *что*? Представляется, что роль играют и дискурсивные, и синтаксические соображения. С дискурсивной точки зрения вполне вероятно, что говорящий хочет пересказать содержание просьбы или требования дословно, используя *просить* или *требовать* как стандартные глаголы речи. Однако их модель управления не дает такой возможности: эти глаголы требуют *чтобы* или инфинитива, а эти типы зависимых мало подходят для точной передачи речи: они не цитируют речевой акт, а фиксируют содержание просьбы или требования, положение дел, которое является целью этих речевых актов.

Синтаксически же наличие *что* позволяет маркировать все части зависимой конструкции как подчиненные. Это удобно, особенно если зависимая часть синтаксически сложная. Кроме того, *что* позволяет вынести наиболее глубоко вложенную часть вперед, перед ее непосредственным хозяином. Если употреблен только *что*, такой вынос может оказаться сомнительным или затруднить понимание структуры:

(122) *...просил, ежели можно какой оборот сделать продажею опять дома, то чтоб его спасли.*

(123) *...очень просил, если я ей не подойду, чтобы она меня на улицу не выбрасывала.*

(124) *...просил, когда он умрет, чтобы его положили в тот гроб, который у него в келии.*

Ни один из примеров (122)–(124) не является неграмматичным, однако их понимание затруднено тем, что при выносе вперед наиболее глубокого придаточного сразу после матричного глагола начинается зависимая клауза. Однако маркер подчинения *чтобы* появляется только через несколько слов. Такое положение, нестандартное для союза, делает структуру подчинения менее прозрачной. Наличие *что* дополнительно выделяет место прикрепления зависимой (второй) клаузы.

Поскольку большая часть упомянутых ранее примеров новые, старые контексты с каузативными глаголами XVIII и XIX вв. типа (117) выбиваются из общей массы. Именно

поэтому возникает вопрос, тождественно ли употребление *что* в нестандартных контекстах типа (125) и примеров выше комбинациям *чтобы* + *что* в примерах вида (117)–(120):

- (125) *Догоняет меня и начинает упрашивать что мол давай договоримся, говорю либо ты платишь либо нет, ну вот и договорились наконец* (<https://www.drive2.ru/l/484506946678817019/>).

Скорее ответ должен быть отрицательным — даже если эти употребления принадлежат к одному общему типу, полностью свести их к одному нельзя. Например, конструкции с сочетанием *что* и *чтобы* не найдены в прямой речи или смешанных конструкциях, находящихся между прямой и косвенной речью (ср. (125), где маркеры *мол* и *давай* как раз указывают на близость к прямой речи). Тем самым, современное нестандартное *что* сильнее продвинулось в сторону буквальной цитации, чем тот вариант, который употреблялся с XVIII в. в сочетании со *чтобы*. В то же время сочетаемостные свойства современной разговорной конструкции со *что* и конструкции со *что* + *чтобы* близки: и в том и в другом случае *что* употребляется при глаголах вербальной каузации типа *просить* вместо или вместе со *чтобы*.

Задача на будущее могла бы заключаться в том, чтобы проверить способность обсуждаемых здесь употреблений иметь типичные, описанные ранее, признаки разговорных конструкций со *что*: употребление без сдвига лиц, нестандартную семантическую роль и сочетаемость с неповествовательными конструкциями. Однако здесь мы этого не делаем, в частности, в силу ограниченности материала.

5.3. Дублирование именного актанта

В некоторых случаях *что* является плеонастичным — оно дублирует выраженный в том же предложении именной актант. Надо сказать, что похожие случаи встречаются и в литературном языке: при глаголах типа *завидовать*, *обвинять*, *осуждать* выражение сентенциального актанта без именного сомнительно или невозможно:

- (126) *Многие осуждали, ??(меня), что я так с ним поступил.*
(127) *Петя обвинял, *(меня), что я нечестно сдавал экзамен.*

Однако в нестандартном употреблении плеоназм усиливается: выражается не только одушевленный адресат обвинений и имя, выражающее их содержание, к структуре добавляется СА, дублирующий имя:

- (128) *Их или клюют и обзывают, или обвиняют во вранье, что это все сказки* (<https://sovet.kidstaff.com.ua/question-1337055-19>).

5.4. *Что* и фиктивные актанты

Особую роль в контекстах, где *что* употребляется в стандартной сфере употребления *чтобы*, играют контексты типа (129), где глаголу каузации подчинен модальный предикат. Альтернативой этой структуре может быть (130), но никак не (131).

- (129) *Часть радикальных элементов уходит в сторону... А именно они в качестве предусловия требовали, что он должен уйти* (<https://tass.ru/interviews/4579425>).
(130) *А именно они в качестве предусловия требовали, чтобы он ушел.*

(131) *А именно они в качестве предусловия требовали, чтобы он должен был уйти.

(132) *А именно они в качестве предусловия требовали, что он уйдет.

Модальный предикат *должен* не входит в требуемую ситуацию, наступление которой стремится приблизить субъект. Он дублирует часть содержания глагола вербальной каузации *требовать*: смысл 'требовать' включает 'считать / утверждать, что ситуация Р должна наступить'. В этом смысле *должен* является своего рода мостиком между каузативным глаголом и ситуацией, которая должна наступить. Можно сказать, что клауза с *должен* — своего рода фиктивный актант матричного предиката. Это еще одна причина того, что структура (131) с *должен* и союзом *чтобы* недопустима: в (131) дважды выражается модальное значение (*чтобы* и *должен*), что приводит к искажению смысла. Отметим, с другой стороны, что простая замена *чтобы* в структуре типа (130) на *что*, как в (132), тоже недопустима. Во-первых, употребление *что* просто блокирует модель управления предиката *требовать*, во-вторых, (132) не удовлетворительно семантически: субъективная модальность, которую обязательно предполагает значение *требовать*, здесь не выражена ни в союзе, ни в форме глагола.

Такого рода фиктивные актанты — элементы, дублирующие семантику главного предиката и служащие как бы «прокладкой» между вершиной и зависимым — встречаются не только в этой конструкции. Один из них обнаруживается в конструкциях с циркумфиксом *на-...-ся*: даже при вершинах, вроде бы обязательно требующих генитива или инструментала, могут употребляться квантификаторы типа *много*. В норме они встречаются в номинативных и аккумулятивных позициях:

(133) *И вот в этот вечер я наслушался много сказок и прибауток* [И. Е. Репин. Далекое близкое (1912–1917)].

Циркумфикс *на-...-ся* одновременно влияет на синтаксические и семантические свойства предложения. Семантически он фиксирует «насыщение» ситуацией одного из участников (сатуратив). Синтаксически при нем глагол утрачивает переходность и управляет либо генитивом, либо инструментом. Однако единицы типа *много* не являются объектами в стандартном смысле — он фиксирует не множество всех возможных объектов, а их количество. В этом смысле *много* тоже дублирует смысл приставки *на-*. Поэтому логично, что стандартная конструкция *Он наслушался многих / столько советов* при количественном зависимом невозможна.

Точно так же в некоторых контекстах с отрицанием (например, посессивное *нет* и формы глагола *быть* типа *не было* в посессивном употреблении), где стандартные именные объекты и субъекты обязательно меняют свой падеж на генитив, числительные могут выступать в номинативе. Это связано с тем, что они фиксируют не исчисляемое, а само количество — в этом смысле они не подпадают под операцию изменения падежа. Их версии без квантификаторов, но с именительным / винительным падежом недопустимы.

(134) — *А у меня нет столько денег, чтобы с Маней по гостям на такси разъезжать!* [Наринэ Абгарян. Все о Манюне (сборник) (2012)].

(134') *у меня нет деньги

(135) *Вообще зимой я не могла жить спокойно, если у меня дома не было сто грамм крупы* [Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)].

(135') *у меня дома не было крупа

Заметим, что сочетания с фиктивными актантами возможны только для цитативного *что* с меной лиц. Вариант без мены лиц явно не встречается.

(136) ??Он требовал, что я должен получить все деньги.

Это еще одно подтверждение высказанной ранее точки зрения, что нужно говорить о нескольких различных характерных чертах и нескольких разговорных употреблениях союза *что*. Конечно, верно, что все типы разговорного *чтобы* тяготеют к употреблению с актантом-содержанием как маркеры цитатива. Однако в то же время лишь некоторые матричные предикаты и некоторые контексты допускают самую маркированно-разговорную конструкцию с сохранением лиц исходного высказывания.

6. Что без матричного предиката: цитатив или другое значение

Наряду с употреблениями *что* в зависимой клаузе, есть случаи, где похожее употребление *что* наблюдается в независимом предложении. При этом есть случаи, где конструкция со *что* выделена в независимое предложение путем парцелляции, а фактически зависит от предыдущего предложения. В других же случаях главная клауза в близком контексте не обнаруживается.

Первый тип — парцелляцию — иллюстрируют примеры типа (137)–(138), где в предтексте находится предикат, который от которого хотя бы семантически (а в некоторых случаях и синтаксически) зависит вторая часть, например *тебе будет спокойней, о котором говорили в новостях*. Однако в (137) слово *спокойней* отделено от зависимой клаузы точкой, а в (138) зависимая клауза вынесена в отдельное интонационное единство, в частности, благодаря частице *ну*.

(137) *Думал тебе так спокойней будет. Ну что он типа под моим присмотром* (<https://ficbook.net/readfic/9513376/24636366>).

(138) *Все дело в том, что mssecsvc.exe это опасный вирус, тот самый опасный о котором говорили даже в новостях, ну что он типа заразил много компов...* (<http://virt-machine.ru/mssecsvc-exe-cto-eto-i-kak-udalit.html>).

Второй тип показан в примерах (139)–(141).

(139) *Я старший, уже давно сижу с отцом, не работал, ферму продал что были комфортные условия у папы* (https://pikabu.ru/story/vse_skidki_i_promokodyi_v_odnom_meste_8502988).

(140) *А теперь, оказывается — я во всем виноват и во время беременности за ней не ухаживал и все такое.... Меня тогда с работы выгнали что слишком часто отпрашивался с совещаний директоров* (<https://health.mail.ru/consultation/386358/>).

(141) *Можно назвать какие-то волонтерские проекты, типа принимал участие в благотворительном вечере в библиотеке (ну что ты типа не сидишь сиднем, а работаешь даже бесплатно)* (<https://www.from-russia.org/viewtopic.php?t=8512>).

Глаголы *продать*, *выгнать* стандартно не присоединяют зависимых клауз. Тем самым, различие этого употребления *что* и стандартных союзных заключается не в интонационной разделенности клауз, а в более глубоких характеристиках. В частности, стандартный для конструкций с сентенциальными актантами порядок слов и способ произнесения со слитной интонацией невозможен.

(140') ^{??}Его выгнали с работы, что он слишком часто отпрашивался.

Стандартные сентенциальные актанты часто произносятся с интонацией незавершенности (с подъемом на конце главной клаузы), как в (140''):

(140'') Ему сказали, что / будто он только вредит деятельности фирмы.

Для (140') такое интонирование невозможно. Этим данная конструкция напоминает некоторые конструкции с обстоятельственными придаточными, в которых главное предложение может нести интонацию завершенности:

(142) *Его, конечно, уволили, потому что терпение у руководства уже лопнуло.*

Это, казалось бы, указывает на то, что зависимые в этих примерах — это причинные сирконстанты. Однако нужно сказать, что эти примеры обладают общей чертой, которой нет, например, у зависимых с союзами *потому что* или *поскольку* — *что* вводит именно причину, обусловившую возникновение агентивной ситуации. Мы предполагаем, что *что* становится возможным в этих контекстах через посредство компонента цитации: 'Я продал ферму, (рассудив / подумав / сказав), что у папы были комфортные условия'. Не случайно специализированные показатели цитации типа *мол* или *дескать* тоже могут использоваться в такого рода причинных контекстах:

(143) *...но я был готов повышаться но меня просто уволили мол я нарушаю устав* (<https://forum.nextrp.ru/threads/proshu-vostonovit-v-zvanii-ubrat-pometku-v-trudovoj-knizhke-i-uvolit-sotrudnika-dps.85091/>).

Высказывание, которое *мол* цитирует, в данном случае используется для объяснения причин некоторого поступка. Речь снова идет о буквальной передаче слов, к которой смещается употребление *что*: можно было бы передать причину с помощью логических причинных союзов типа *потому что* или *поскольку*, однако в данном случае выбрана другая стратегия — передать речь субъекта, аргументирующую некоторый поступок (несмотря на то, что реального речевого акта, в точности соответствующего этой передаче, могло и не быть). Именно поэтому стандартно в ситуации с причинным *что* или причинным *мол* присутствует агенс (в (139) — сам говорящий, который продал ферму, в (140) — руководство, которое выгнало его с работы).

Заключение

Проанализировав современные разговорные употребления союза *что*, мы можем сделать несколько выводов. Они касаются как свойств всей системы разговорных употреблений как целого, так и отдельных употреблений.

В первую очередь надо сказать, что в современной разговорной речи употребление *что* сильно расширяется по сравнению с литературной нормой. Несмотря на то что, как показано в работах Н. А. Коротаева, Н. В. Сердобольской и А. Д. Егоровой, часть сферы употребления *что* захватывается сложным маркером *то, что*, одновременно *что* иногда употребляется в сфере, где стандартно используется ирреальный союз *чтобы* или вообще не употребляются придаточные (например, при глаголах типа *извиняться* или *отказываться*).

На самом деле два вывода не противоречат друг другу. Они просто означают, что если в сфере употребления *что* с предикатами знания, мнения и др. дефолтный союз уступает позиции сложной единице *то, что*, то за пределами стандартного употребления *что* позиции сдают как раз другие средства выражения (например, *чтобы*, а также просто клаузы с другими семантическими ролями, как при глаголе *отказываться*), а *что* их иногда заменяет.

Отдельный вопрос касается того, правильно ли называть новое, расширенное употребление *что* цитативным. Вероятно, в узком смысле — в значении цитации речи — такие употребления не всегда являются цитативными. Если сравнить *что* с широко употребительными в разговорном языке сокращенными вариантами формы *говорить* (*грит*, *гьт*, *гьт*), различие будет очевидным. Хотя *грит* также претерпел грамматикализацию и уже

не употребляется как главный глагол (например, может повторяться в пределах небольшого отрезка дискурса и сочетаться с другими матричными предикатами, например, *сказать, рассказать, кричать* и др.), он ограничен речевыми контекстами. Напротив, *что* изначально является союзом с очень широкой сочетаемостью, поэтому нельзя сказать, что речевые контексты являются для него основными. Можно сказать, что *что* — показатель цитации в широком смысле: показатель буквальной передачи речевого и мыслительного акта, содержания при глаголах сентенциальных актантов, однако речевые глаголы в рассматриваемом материале встречаются чаще, поскольку часто пересказывается содержание речи. При этом данная стратегия используется именно для того, чтобы, цитируя чужую речь или мыслительный акт, иметь возможность встроить в него собственные оценочные или эмоциональные элементы — тем самым, буквальность передачи речи отчасти является иллюзорной.

Разговорное употребление *что* вписывается в тенденции, связанные с отмеченным смещением в разговорном языке прямой и косвенной речи, хотя им изменение модели не ограничивается. Как отмечено В. И. Подлесской [2017], для разговорной речи характерно частотное использование «гипердиалогических» способов оформления чужой речи, при котором сохраняются все или большая часть характеристик исходного высказывания. Именно такие способы передачи, близкие к прямой речи, позволяют в лицах изобразить диалог, сохраняя интонации, порядок слов и другие свойства речи, многие из которых не допускают переноса в косвенную речь.

При этом важно отметить, что эта близость к цитации, к диалогу, не исчерпывается каким-либо одним свойством *что*, а имеет три измерения. Одно из них — функциональное: цитация (в предельном случае) повторяет все свойства высказывания. Поэтому она, в отличие от стандартных случаев подчинения, не ограничивается повествовательными предложениями: буквальное повторение возможно и для вопроса, и для императивного речевого акта. Другое свойство — синтаксическое и референциальное: поскольку цитация не встраивается в систему участников, включающую участников главного события, смещения лиц может не происходить. Наконец, третье — семантическое: разговорный тип зависимых со *что* может иметь семантическую роль содержания, даже в тех случаях, когда в литературном языке данный предикат не допускает зависимой клаузы с такой ролью. Три свойства коррелируют между собой, но не стопроцентно зависят друг от друга: возможны и цитация вопросов и императивов со смещением лиц, характерным для зависимых клауз, и, наоборот, конструкции без смещения лиц в повествовательных конструкциях. Точно так же роль содержания в нестандартном контексте может сочетаться с цитацией повествовательного предложения со стандартным смещением лиц.

Если *то, что* расширяет свое употребление в разговорном языке, сочетаясь с предикатами типа *сказать* или *подумать*, с которыми в нормативном языке не сочетается, то *что* ведет себя сложнее. Только в редких употреблениях — с ролью содержания при предикатах типа *извиняться* или *отказываться* — *что* расширяет класс матричных предикатов, с которыми сочетается. В остальных случаях класс предикатов не меняется, однако тип зависимого и маркирование лиц отличает разговорную конструкцию от нормативной.

При этом в сценарии развития *что* и *то, что* есть общие черты. В частности, оба союза при расширении области употребления утрачивают просодическую полноценность. Н. А. Коротаев [2013] показывает, что *то, что* произносится в подобных случаях, как одна единица, при этом сильного ударения она не несет (см. стандартные употребления типа *Он знал о том, что я приехал*, где *то* может быть сильно выделено интонацией). Можно сделать предварительный вывод, что то же иногда происходит и в нестандартных употреблениях *что*: перед союзом иногда утрачивается пауза, а сам союз произносится быстрее. В этом смысле процессы, происходящие с обеими единицами, напоминают не просто расширение значения, а грамматикализацию.

В то же время между грамматикализацией двух единиц есть и различия. В частности, *то что* в разговорном языке утрачивает часть компонентов, которые несет в нормативном

языке: фактивность и эпистемическую модальность. Напротив, *что* не слишком существенно меняется семантически: все особенности разговорного употребления: присоединения актанта с семантической ролью содержания, маркирование актанта абстрактного имени, — присутствуют хотя бы в части литературных употреблений. А вот формальные свойства *что* изменяются: в частности, в разговорном языке происходит индексикальный сдвиг (маркирование лица, как в исходном речевом акте), кроме того, *что* приобретает возможность употребляться в одной конструкции со *чтобы*.

Можно говорить о трехчастном различии: 1) представление речевого или мыслительного акта без прямой передачи его содержания (как, например, в конструкциях типа *Он извинился, что заставил всех ждать*) vs. 2) представление содержания речевого или мыслительного акта в форме косвенной речи vs. 3) представление содержания речевого или мыслительного актанта в форме прямой речи или по меньшей мере с сохранением характеристик исходного высказывания. Стратегии 1) и 2) присутствуют в литературной речи, однако 2) в разговорной речи используется гораздо активнее, чем в литературной (ср. сочетаемость *что* с глаголами *извиняться* и др., не предполагающими сентенциального актанта с ролью содержания), а 3) при использовании союза является полностью разговорной стратегией (в литературной речи используется модель с пунктуацией и/или интонацией прямой речи).

Это трехчастное деление можно представить на следующей шкале:

Схема. Шкала прямой / не прямой передачи исходного речевого акта

Что в разговорных употреблениях продвигается к правому полюсу этой шкалы: к глаголам, не способным к выражению содержания, добавляется выражение содержания, а форма представления содержания часто меняется с косвенной речи на прямую. Это движение отражает стремление разговорной речи к буквальной передаче речевых актов.

Мы также обнаружили, что во многих аспектах разговорные употребления *что* близки к другой технике соединения клауз — бессоюзным сложным предложениям. Хотя союзная техника гораздо более стандартна для русского языка, чем бессоюзная, общность поведения не случайна. Как бессоюзные конструкции, так и разговорные конструкции со *что* отражают стремление говорящего повысить статус второй части клаузы: она не является в собственном смысле придаточным, вложенной клаузой. Вторая часть заполняет валентность главного предиката, однако почти столь же привилегирована в дискурсе, как и независимые предложения. В этом смысле разговорные конструкции со *что* занимают специфическую позицию в предложенной С. Кристофаро типологии стратегий подчинения: их вторая часть еще в меньшей степени проявляет свойства подчиненной, чем стандартные финитные придаточные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Добрушина 2016 — Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016. [Dobrushina N. R. *Soslaga-tel'noe naklonenie v russkom yazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoi semantiki* [Subjunctive mood in Russian: Towards the analysis of grammatical semantics]. Prague: Animedia Company, 2016.]
- Зевахина 2020 — Зевахина Н. А. Сложноподчиненные предложения с восклицательной интерпретацией в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2020, 2(36): 199–226. [Zevakhina N. A. Complex sentences with the exclamatory interpretation in Russian. *Russkij jazyk v nauchnom osvesh-chenii*, 2020, 2(36): 199–226.]
- Князев 2022 — Князев М. Ю. К вопросу о DP-анализе пресуппозициональных придаточных и о воз-можной трактовке исключений к нему. Доклад на конференции «Типология морфосинтаксических параметров — 2022» (Москва, 2022). [Knyazev M. Yu. Towards the DP-analysis of presuppositional

- embedded clauses and possible explanations of exceptions. Talk at the conf. "Typology of Morphosyntactic Parameters — 2022" (Moscow, 2022).]
- Кобозева 2013 — Кобозева И. М. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что». [Kobozeva I. M. The conditions of use of the marker *to* before a complement clause with *čto*.] *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Inkova O. (ed.). Bern: Peter Lang, 2013, 129–148.
- Коротаев 2013 — Коротаев Н. А. Полипредикативные конструкции с *то что* в непубличной устной речи. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*, 2013, 12(19): 324–331. [Korotaev N. A. Clause-combining with *to čto* in spoken Russian. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2013, 12(19): 324–331.]
- Коротаев 2016 — Коротаев Н. А. Союз *то что* в устной речи. *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, 1: 101–105. [Korotaev N. A. *To čto* as a new complementizer in Russian spoken discourse. *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, 1: 101–105.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>
- Левонтина 2020 — Левонтина И. Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2020, 3: 52–77. [Levontina I. B. The repertory of xenomarkers in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 3: 52–77.]
- Летучий 2021 — Летучий А. Б. *Русский язык о ситуациях. Конструкции с sententialными актантами*. СПб.: Алетея, 2021. [Letuchiy A. B. *Russkii yazyk o situatsiyakh: Konstruktsii s sententsial'nyimi aktantami* [Situations in Russian: Constructions with complement clauses]. St. Petersburg: Aletheia, 2021.]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие. [Plungian V. A. On Russian markers of reported speech and uncertainty: *mol, jakoby*, and others.] *Lexikalische Evidentialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. Wiemer B., Plungian V. A. (Hrsg.). München: Sagner, 2008, 285–311.
- Падучева 2011 — Падучева Е. В. Показатели чужой речи: МОЛ и ДЕСКАТЬ. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2011, 70(3): 13–19. [Paducheva E. V. The quotative markers MOL and DESKAT'. *Izvestija RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2011, 70(3): 13–19.]
- Подлесская 2017 — Подлесская В. И. «Я скажу тебе с последней прямой»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*, 2017, 16(23), ч. 2: 355–371. [Podlesskaya V. I. "Ja skazhu tebe s poslednej prijamotoj": Direct and indirect speech viewed through the prism of prosodically annotated corpus data. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2017, 16(23), part 2: 355–371.] <https://www.dialog-21.ru/media/3939/podlesskayavi.pdf>
- Сердобольская 2011 — Сердобольская Н. В. К типологии выражения значения генерического события в конструкциях с sententialными актантами. *Acta linguistica Petropolitana*, 2011, 3: 431–437. [Serdobol'skaya N. V. Towards a typology of expression of the generic event in constructions with complement clauses. *Acta linguistica Petropolitana*, 2011, 3: 431–437.]
- Сердобольская 2017 — Сердобольская Н. В. Бессоюзные актантные предложения с глаголом *думать* в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2017, 5: 7–35. [Serdobol'skaya N. V. Asyndetic complement clauses with the Russian verb *dumat'* 'think'. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 5: 7–35.]
- Сердобольская, Егорова 2019 — Сердобольская Н. В., Егорова А. Д. Морфосинтаксические свойства ненормативных конструкций с *то что* в русской разговорной речи. *Вопросы языкознания*, 2019, 5: 41–72. [Serdobolskaya N. V., Egorova A. D. Morphosyntax of non-standard constructions with *to čto* in colloquial Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 5: 41–72.]
- Ширияев 1986 — Ширияев Е. Н. *Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке*. М.: Наука, 1986. [Shiryaev E. N. *Bessoyuznoe slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke* [Asyndetic polypredicative sentence in modern Russian]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Шнитке 2020 — Шнитке Е. Л. К вопросу о согласовании времен в современном русском языке: корпусное исследование дистрибутивных характеристик временных форм в sententialных актантах. *Вопросы языкознания*, 2020, 3: 26–51. [Schnittke E. L. Sequence of tenses in Russian revisited: Corpus study of tense distribution patterns in complement clauses. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 3: 26–51.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Anderson 1986 — Anderson L. Evidentials, paths of change, and mental maps: Typologically regular asymmetries. *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Chafe W., Nichols J. (eds.). Norwood (NJ): Ablex, 1986, 273–312.

- Bondarenko 2021 — Bondarenko T. The dual life of embedded CPs: Evidence from Russian *čto*-clauses. *Proc. of SALT 31*. Dreier N., Kwon Ch., Darnell Th., Starr J. (eds.). E-publication. 2021, 304–323.
- Cristofaro 1998 — Cristofaro S. Deranking and balancing in different subordination relations: A typological study. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 1998, 51: 3–42.
- Cristofaro 2003 — Cristofaro S. *Subordination*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- Fox Tree, Tomlinson 2008 — Fox Tree J. E., Tomlinson J. M., Jr. The rise of *like* in spontaneous quotations. *Discourse Processes*, 2008, 45: 85–102.
- Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.
- Güldemann 2008 — Güldemann T. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Khomitsevich 2007 — Khomitsevich O. *Dependencies across phases: From sequence of tense to restrictions on movement*. Utrecht: LOT Publications, 2007.
- Letuchiy 2018 — Letuchiy A. Complement clauses of nouns in Russian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*, 2018, 2: 46–66.
- Letuchiy 2022 — Letuchiy A. Russian unmarked subordination: Classification and syntactic properties. Talk at the conf. “SLS 2022” (Sapporo, Japan). <https://sites.google.com/elms.hokudai.ac.jp/sls2021/program>
- Spronck, Nikitina 2019 — Spronck S., Nikitina T. Reported speech forms a dedicated syntactic domain. *Linguistic Typology*, 2019, 23.1: 119–159.
- Stiebels 2007 — Stiebels B. Towards a typology of complement control. *ZAS Papers in Linguistics*, 2007, 47: 1–80.
- Wiltschko 2021 — Wiltschko M. The syntacticization of speech acts. *The grammar of interactional language*. Wiltschko M. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2021, 9–37.

Получено / received 30.11.2022

Принято / accepted 24.01.2023

Выражение неопределенности в высказываниях с настоящим-будущим совершенного вида типа *Они брали всё, что найдут*

© 2023

Наталья Валерьевна Берницкая

Университет Сорбонна, Париж, Франция; natalia.bernitskaia@yahoo.fr

Робер Руде

Университет Лион-3 им. Жана Мулена, Лион, Франция; roudet@wanadoo.fr

Аннотация: Целью данной работы является изучение элементов неопределенности в высказываниях типа *Они брали всё, что найдут*. С одной стороны, мы пытаемся дать точное представление о характеристиках референта, с которым соотносится зависимое предложение, и, с другой стороны, мы изучаем роль настоящего-будущего времени совершенного вида (наст.-буд. СВ) в выражении неопределенности. Выявляется, что наст.-буд. СВ выражает особый тип итеративности, которую мы называем алеаторной итеративностью; наст.-буд. СВ употребляется только в дистрибутивных ситуациях и всегда связано с переменным референтом. Кроме того, данное употребление наст.-буд. СВ, как и многие нефутуральные употребления этой формы, несет в себе модальное значение. В статье также защищается гипотеза, согласно которой категория неопределенности является градуальной. Формальными показателями степеней неопределенности являются корреляты *то* в главном предложении и частица *ни* перед формой наст.-буд. СВ.

Ключевые слова: аспект, вид, время, дистрибутив, итератив, модальность, неопределенность, относительные конструкции, презенс, русский язык, синтаксис, совершенный вид, таксис

Благодарности: Авторы благодарят анонимных рецензентов за ряд ценных замечаний.

Для цитирования: Берницкая Н. В., Руде Р. Выражение неопределенности в высказываниях с настоящим-будущим совершенного вида типа *Они брали всё, что найдут*. *Вопросы языкознания*, 2023, 3: 60–76.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.60-76

Indefiniteness in Russian expressions like *Они брали всё, что найдут*

Natalia Bernitskaia

Sorbonne Université, Paris, France; natalia.bernitskaia@yahoo.fr

Robert Roudet

Université Jean Moulin Lyon 3, Lyon, France; roudet@wanadoo.fr

Abstract: The purpose of this work is to study the elements of indefiniteness in Russian complex sentences like *Они брали всё, что найдут* 'They took everything they could find' (lit. '...everything they will find'). On the one hand, we are trying to give an accurate idea of the characteristics of the referent which is relativized, and, on the other hand, we are studying the role of the perfective future tense in the expression of indefiniteness. It turns out that the perfective future expresses a special type of iterativity, which we call aleatoric iterativity; the perfective future is only used in distributive situations and is always

associated with a variable referent. In addition, this use of the perfective future, like many non-futural uses of this form, bears a modal meaning. The article also defends the hypothesis that the category of indefiniteness is gradual. Formal indicators of the degree of indefiniteness are the correlate *to* in the main clause and the particle *ni* before the perfective future-tense verb in the relative clause.

Keywords: aspect, distributive, indefiniteness, iterative, modality, perfective, present, relative constructions, Russian, syntax, taxis, tense

Acknowledgements: The authors are grateful to the anonymous reviewers for their valuable comments.

For citation: Bernitskaia N., Roudet R. Indefiniteness in Russian expressions like *Oni brali vsë, čto najdut*. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 60–76.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.60-76

1. Объект исследования и проблематика

Объектом нашего исследования являются сложноподчиненные предложения, содержащие в зависимой части форму настоящего-будущего совершенного вида (далее наст.-буд. СВ) с нетривиальным, так называемым нефутуральным, значением типа *Они брали всё, что найдут; Он ломает, что под руку попадет*. Действие главного предложения выражено настоящим или прошедшим временем несовершенного вида (далее НСВ), а действие придаточного — формой наст.-буд. СВ, которая не имеет референции к будущему ни по отношению к моменту речи, ни по отношению к действию главного предложения¹. Мы не рассматриваем примеры с будущим временем в главном предложении, так как в таких случаях далеко не всегда ясно, имеет ли наст.-буд. СВ в придаточной части футуральное или нефутуральное значение; к тому же примеров подобного рода немного.

«Русская грамматика» включает эти конструкции в более широкий круг сложноподчиненных предложений с местоименно-относительной неориентированной анафорической связью. Примечательной синтаксической чертой этих предложений является функция местоименного слова, вводящего придаточную часть: местоименное слово не только организует подчинительную связь, но и называет, обозначает лицо, предмет или событие, которые в главном предложении остаются не названными. Таким образом, местоименное слово создает особый вид наименования — описательную номинацию [РГ 1980, II: 530]. Номинативная функция проявляется особенно ярко в тех случаях, когда уже нельзя говорить формально о придаточных предложениях, ср.: *Марья, дай людям на что присесть* (Шукшин); *С ребенком нянчились кто придется*.

Неориентированная анафорическая связь противопоставляется ориентированной, при которой «местоименное слово отсылает к лицу, предмету или событию, названному в предшествующем предложении знаменательным словом», например, *Комната, в которую вступил Иван Иванович, была совершенно пуста* (Гоголь) [Там же: 513]. «Русская грамматика» связывает тип анафорической связи, ориентированной или неориентированной, с типом относительных слов: *кто, что* являются средством неориентированной анафорической связи, а *который* служит для оформления ориентированной анафоры. Главный принцип распределения местоимений *кто* и *который* состоит в том, что *кто* употребляется с нереферентным антецедентом, в отличие от *который*, предполагающего референтный антецедент [Roudet 2009; 2016: 356–361].

Далее «Русская грамматика» признает, что некоторые придаточные с ориентированной анафорической связью, содержащие в зависимой части местоимение *какой*, приобретают «признак неконкретности» [РГ 1980, II: 521], например: *Они покупали книги, какие придется*. Подобного рода предложения во многом разделяют семантические характеристики

¹ Термин «предложение» используется нами в тех случаях, когда анализ языковых единиц не выходит за рамки синтаксиса; если речь идет о референциальном подходе, то мы обращаемся к термину «высказывание».

предложений изучаемого нами типа, в частности, возможность использования формы наст.-буд. СВ в зависимой части.

Назовем для краткости интересующие нас конструкции с местоименно-относительной связью «МО-конструкции». Базовая синтаксическая модель МО-конструкций строится следующим образом: **зависимое предложение**, содержащее форму наст.-буд. СВ, связано с главным при помощи относительных местоимений (главным образом *что*, *кто*) и местоименных наречий (*куда*, *где*, *сколько*...); **субъект действия** в главной и зависимой части может быть один и тот же (*Они брали (всё), что найдут*) или же быть различным (*Он ломает, что под руку попадет*). Данная модель может включать следующие дополнительные элементы: коррелирующее указательное местоимение или наречие в главном предложении (*тот, каждый, всякий, туда*...) и частицу *ни* перед формой наст.-буд. СВ в придаточном предложении. Проблема порядка главной и зависимой частей (препозиция или постпозиция зависимого предложения) и коррелирующие указательные местоимения в настоящей работе специально не рассматриваются, за исключением десемантизированного коррелята *то*.

Наряду с вышеуказанными моделями имеются следующие варианты:

- 1) Вариант с двумя местоимениями типа: *Кричали кому что вздумается*. В **зависимой части** фигурирует два местоименных слова, **главное предложение** не содержит коррелирующего элемента. Такие высказывания представляют собой периферийное явление, поскольку по своему синтаксическому статусу зависимая часть далеко не всегда соответствует тому, что наблюдается в предыдущих примерах.
- 2) Предложения с относительным местоимением *какой* (*Он исполнял работу, какую скажут*) также находятся на грани интересующей нас синтаксической области; антецедентом здесь является существительное, что исключено в основной модели.

Этим периферийным конструкциям будет посвящена последняя часть данной статьи, где также будут рассмотрены случаи явной фразеологизации.

Основная гипотеза, которую мы выдвигаем, состоит в том, что в МО-конструкциях и их вариантах формы наст.-буд. СВ являются одним из средств выражения неопределенности. Кроме того, мы разделяем точку зрения, согласно которой неопределенность представляет собой градуальную категорию [Гулыга 1979]; степени неопределенности зависят, в частности, от таких элементов высказывания, как коррелят *то* и частица *ни*.

2. Элементы определенности / неопределенности в высказывании

Для современной лингвистики очевидно, что категория определенности / неопределенности не сводится к проблеме артикля, а должна рассматриваться на всех языковых уровнях, ср. [Падучева 1985; 2004: 328–330; Булыгина, Шмелев 1990; 1997; ТФГ 1992; Черткова 1996; Шмелев 1996] и др. Многие вопросы, связанные с функционированием категории определенности / неопределенности, остаются открытыми; обсуждается, в частности, семантическая сущность данной категории и критерии, по которым устанавливается определенный или неопределенный статус элементов в высказывании. Чаще всего определенность связывается с известностью референта для участников коммуникативного акта (прагматический подход) или с единственностью объекта, удовлетворяющего выбранной номинации (логический подход) [ТФГ 1992: 270].

В МО-конструкциях лицо, предмет или событие, к которому отсылает зависимая часть, является ее неопределенным референтом: он не известен адресату речи. Базовая конструкция зависимой части предполагает два обязательных элемента: относительное местоимение и глагол в наст.-буд. СВ. Возникает вопрос: каким образом разные элементы зависимой

части задействованы в наименовании неопределенного объекта? Беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться в том, что интересующие нас высказывания не могут интерпретироваться как обозначающие единственный объект, лицо или событие. Множественность выражается как на уровне относительных местоименных слов, так и на уровне глагольных форм, которые указывают на повторяющиеся действия.

В придаточных с местоимением *что* или с местоименными наречиями референт осмысливается как некий обобщенный объект, представляющий множество объектов одного таксономического класса:

- (1) *Она бедная вдова, живет только тем, что с дома получит* (Гончаров. Обломов; пример из [Mazon 1914: 135–136]).
- (2) *Мама носит зимой шапку, осенью и весной — берет, а летом — зонтик. Я ношу то, что наденут мне бабушка или мама* [Оля Полетаева. Кепарик // «Трамвай», 1990]².
- (3) *Сначала они забирали только хлеб. Потом картофель и мясо. А во времена Большого голода, в двадцать первом, начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И всё, что найдут в доме* [Гюзель Яхина. Зулейха открывает глаза, 2015].

В примере (1) обобщаются средства существования, в примере (2) — головные уборы и аксессуары, а в примере (3) — все те объекты, которые можно употребить в пищу. Таким образом, объект представлен обобщенно, его нельзя вычленировать из множества объектов того же класса или рода.

В придаточных с местоимением *кто* неопределенный референт принадлежит к классу «люди». Подразумевается, что существует несколько индивидов (больше, чем один) с характеристикой, выраженной придаточным предложением:

- (4) *А там, где работает много рабов, неизменно стоит надсмотрщик с бичом и нещадно бьет каждого, кто промолвит лишнее слово* [А. П. Ладинский. В дни Каракаллы (1959)].
- (5) *Год назад был Сталин. Был Сталин и как Сталин хотел, так оно и было. Сталин менял, кого вздумается, переставлял, сажал, пускал в расход, возвращал из лагерей, снова сажал, выселял целые республики* [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)].

Неотъемлемым элементом зависимой части МО-конструкций является глагол в форме наст.-буд. СВ. Несмотря на то что нефутуральные значения наст.-буд. СВ были изучены уже довольно тщательно ([Стойнова 2016; Шатуновский 2009; Анна Зализняк 2015; Гловинская 2001: 196–216; Бондарко 1971: 163–164; Mazon 1914: 135–136; Veyrenc 1980; Guiraud-Weber 2004: 118, 121–125] и др.) специфическое функционирование данной формы в предложениях интересующего нас типа осталось пока вне поля зрения лингвистов.

3. Наст.-буд. СВ и его связь с переменным референтом

Известно, что для обозначения повторяющихся действий русский язык обычно использует НСВ. В чем же тогда состоит специфика употребления СВ для обозначения повторяющихся действий?

В отличие от НСВ, СВ используется только в дистрибутивных ситуациях; таким образом, конкуренция форм СВ и НСВ возникает только в дистрибутивном контексте. Обязательная итеративность действия для СВ сближает интересующие нас формы

² Примеры, не сопровождающиеся специальными пометками, взяты из [НКРЯ].

наст.-буд. СВ с наст.-буд. СВ, выражающим наглядно-примерное или потенциальное значения. Дистрибутивная ситуация возникает, если имеет место многократное событие с переменным участником: *Каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье; Бесперывно оказывался у него какой-нибудь новый талант* [Падучева 1985: 216; ТФГ 1992: 273–274]. По отношению к рассматриваемым нами высказываниям это значит, что действие, выраженное глаголом НСВ в главном предложении, повторяется много раз, и при каждом повторении референт, обозначенный придаточным предложением, меняется, т. е. имеют место отношения *то R1, то R2, то R3...*

- (6) *Ездил, куда пошлют: и в глубинку, в районный Дворец какой-нибудь культуры, и в пионерские лагеря, и в лагеря исправительно-трудовые...*

Этот дистрибутивный характер действия главного предложения выступает особенно ярко, когда в зависимой части имеется два местоименных слова, что подчеркивает переменность актантов подчиненного предложения:

- (7) *Они совсем не готовили, ели урывками, что где придется — у друзей, в гостях, в кафе, бутерброды, пирожки и булочки из славных местных пирожковых* [Александр Вяльцев. Путешествия в одну сторону (1985–2000) // «Звезда», 2001].

Переменный референт может также подразумеваться имплицитно (примеры от (1) до (5)). Наст.-буд. СВ не может употребляться в контекстах:

- 1) С постоянным определенным референтом:

- (1') **Она бедная вдова, живет только тем, что с дома получит: сто пятьдесят рублей в месяц.*

Пример (1') стал бы более приемлемым, если добавить уточнение *в среднем* (*Она бедная вдова, живет только тем, что с дома получит: в среднем сто пятьдесят рублей в месяц*), что объясняется тем, что таким образом восстанавливается переменность референта. Вариант с НСВ также вполне уместен: *Бедная вдова живет только тем, что с дома получает: сто пятьдесят рублей в месяц.*

Эти примеры показывают, что определенный уточняющий элемент *сто пятьдесят рублей* сочетается только с формой НСВ и налагает запрет на употребление наст.-буд. СВ; форма наст.-буд. СВ подразумевает, что средства, которые получает бедная вдова, варьируются и не являются устойчивой, регулярной помощью.

- 2) С постоянным неопределенным референтом:

- (6') **Меня каждый месяц посылали в тюрьмы строго режима, и я ездил, куда пошлют.*

Уточнение *тюрьмы строго режима* соотносится с неопределенным (из-за множественного числа), но неизменяющимся референтом. Здесь опять-таки возможно только высказывание с НСВ: *Меня каждый месяц посылали в тюрьмы строго режима, и я ездил, куда посылали.*

Заметим, что высказывание (6') может стать вполне приемлемым, если референтом предложения *куда пошлют* будут какие-то варьирующиеся города, так как подобное уточнение меняет характер референта из постоянного в переменный.

Дистрибутивная ситуация, в которой употребляется наст.-буд. СВ, отличается от дистрибутивной ситуации с глаголом в НСВ главным образом тем, что список возможных референтов (*то R1, то R2, то R3...*) остается открытым: наст.-буд. СВ, в отличие от НСВ, исключает возможность полного, исчерпывающего списка референтов, этот список всегда можно продолжить. Пользуясь языком логики и философии, можно сказать, что референт определяется здесь интенционально (в этом и состоит смысл подчиненного предложения) и не может быть определен экстенционально.

Примеры (6) и (7) не противоречат данному утверждению, так как ясно, что в них перечисляются лишь некоторые, но не все возможные референты.

В подтверждение идеи открытого списка референтов рассмотрим следующий пример с НСВ (8), который мы сопоставим с вариантом (8'):

(8) *Три дня мы обстреливали его дачу. Мы стреляли в каждого, кто выходил из его дома* [М. М. Зоценко. Перед восходом солнца (1943)].

(8') *Три дня мы обстреливали его дачу. Мы стреляли в каждого, кто выйдет из его дома. В конце третьего дня никого не осталось в живых, мы всех перестреляли.*

Форма НСВ в зависимой части в (8) указывает на то, что список возможных референтов может быть исчерпан; поэтому продолжение рассказа может быть следующим: *В конце третьего дня никого не осталось в живых, мы всех перестреляли.* Однако, как видно в примере (8'), такое продолжение было бы не приемлемо в сочетании с наст.-буд. СВ.

Неудивительно, что невозможность дать исчерпывающий список референтов подчиненного предложения часто сочетается с семантикой случайного действия подчиненного предиката; в таком случае эта невозможность является следствием того, что речь идет о неконтролируемом, случайном действии с непредвидимым результатом. Самые типичные предикаты здесь — предикаты, выражающие сами по себе случайное появление: а) в физическом пространстве: *что попадет под руку; что окажется под рукой; что подвернется под ноги*; б) в ментальном пространстве: *что ни придет на язык; что взбредет в голову; что заблагорассудится; что вздумается* и т. д. Отдельно стоит очень частотный глагол *придется*, который чаще всего уже не составляет отдельного предложения (об этом см. ниже):

(9) *Кормили чем придется. Гуляли с ней утром и вечером минут по десять* [Сергей Довлатов. Наши (1983)].

Когда в самом предикате не содержится семантики случайности, употребление наст.-буд. СВ может имплицитно привнести эту семантическую черту в высказывание. Вернемся здесь к примеру (3) (*...начали считать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И всё, что найдут в доме*). Ясно, что *найти* тут является следствием неконтролируемого, зависящего от случая действия; люди ищут вслепую, наугад, что, между прочим, обычно дает понять, что некоторые объекты остались вне зоны действия субъекта — люди нашли не все. Ничего подобного нет в следующем примере с предикатом *находить*:

(10) *«Пугачева уже превратилась в звезду нашего заведения, — рассказывает он, — и с ней очень непросто было подружиться. Почти каждый день после занятий мы большой компанией собирались у нее дома. Слушали какие-то пластинки. Попутно съедали всё, что находили на столе: родители Аллы нас очень хорошо принимали»* [Алексей Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)].

В отличие от предыдущего примера, действие *что находили на столе* никоим образом не связано со случайным поиском (поэтому можно было бы без большого ущерба для смысла заменить *что находили на столе* предложением *что было на столе*). Речи не может быть о том, что гости случайно нашли продукты или нашли, может быть, не всё и т. д. В таких случаях употребление наст.-буд. СВ было бы неуместно.

4. Градуальность в выражении неопределенности

Референт в МО-конструкциях задается на двух уровнях, родовом и конкретном. Родовая референция, т. е. референция, указывающая на принадлежность референта к обобщенному

множеству объектов, зависит прежде всего от семантики глагола в главном предложении. Конкретная референция реализуется с помощью глагола зависимого предложения. Ср.:

- (11) *Два дня я ни с кем почти не разговаривал — а там человек пятнадцать было старых и молодых, — загонял оленей вместе со всеми, фотографировал изредка, ел, что дадут, потом опять загонял* [Василий Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)].

В примере (11) родовая природа референта вытекает из семантики глагола *есть* и может быть определена самым общим образом как *пища*. Эта семантика конкретизируется с помощью зависимого предложения: речь идет не о пище вообще, а о той пище, которую кто-то дает в условиях, обозначенных высказыванием.

4.1. Коррелят *то*

- (12) *Там научился водить машину и стал шофером полуторки. Гонял ее по тундре, по ее едва различимым в глубоком снегу и покрытым льдом колеям. **Возил, что прикажут**, в том числе лагерное начальство* [Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)].

Высказывания (11) и (12) имеют общую формальную особенность, которая заключается в том, что коррелят *то* в главном предложении был бы аномалией. Это объясняется тем, что коррелят *то* должен нести в себе двойную кореферентность: он должен соотноситься не только с лицом, предметом или событием зависимого предложения (относительное местоимение + глагол в наст.-буд. СВ), но и с каким-то иным элементом высказывания, уточняющим, конкретизирующим множество, задаваемое глаголом главного предложения. Иными словами, коррелят *то* возможен, если родовое множество, заданное глаголом главного предложения, конкретизируется не только на уровне глагола зависимого предложения, но и с помощью какого-то дополнительного элемента.

Такой дополнительный элемент получает различные способы выражения. Чаще всего он присутствует в контексте, предшествующем корреляту *то*. Так, в приведенном выше примере (2) *то* отсылает к уже перечисленным головным уборам, а в нижеследующем примере — к «чему-то вкусному»:

- (13) *А вы, ребята, помните? Самоделкин смастерил чудесный паровоз с множеством вагончиков. Поезд медленно, по очереди объезжал всех ребят, и в каждом его вагончике лежало **что-то вкусное. Малыши брали себе то, что понравится. Потом выезжали маленькие поливальные машины и наливали из шлангов в тарелки суп*** [Валентин Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина (1995)].

Во многих случаях двойная кореферентность коррелята *то* может быть более завуалирована. Интересны в этом отношении примеры, в которых в роли зависимой части выступают неопределенно-личные предложения. Мы указали выше, что в высказываниях (11) и (12) коррелят *то* был бы аномалией, так как в них отсутствует второй, более конкретный элемент, с которым коррелят *то* мог бы соотноситься. Однако если внести в неопределенно-личные предложения дополнительный элемент конкретизации, который дал бы чуть больше информации о субъекте действия зависимого предложения, например элемент локализованности в пространстве, то использование коррелята *то* становится возможным (но не обязательным), см. (11'). Если же неопределенно-личное предложение трансформировать в личное, как в (11''), то коррелят *то* также становится возможным и даже желательным; а если добавить сразу два указанных элемента (11'''), то коррелят *то* становится практически необходимым:

- (11') Я загонял оленей вместе со всеми, фотографировал изредка, **ел то, что дадут в столовой**, потом опять загонял.
- (11'') Я загонял оленей вместе со всеми, фотографировал изредка, **ел то, что дадут повара**, потом опять загонял.
- (11''') Я загонял оленей вместе со всеми, фотографировал изредка, **ел то, что дадут повара в столовой**, потом опять загонял.

Таким образом, можно говорить о том, что предложения с коррелятом *то* указывают на меньшую степень неопределенности, чем предложения без этого коррелята, т. е. МО-конструкции с коррелятом *то* отражают минимальную степень неопределенности, возможную в такого рода высказываниях. Минимальная степень неопределенности связана также с тем фактом, что действия главного и придаточного предложений ясно представляются как два самостоятельных действия. Особенно ярко эта особенность проявляется, если подчиненное предложение предшествует главному:

- (14) А немцы понять не могут, кем он пахал, спрашивают, что он конкрет делал в колхозе. А дед говорит — всё. Немцы не секут, ауги выдупили — как всё?.. А вот так, **что прикажут — то и делал**: кран починить, энтов* пасти, коров доить, на пашне пахать [Михаил Гиглашвили. Чертово колесо (2007)].
- (15) По сиротскому положению, ясное дело, не приходится работу выбирать: **что случится, то и делал** [П. П. Бажов. Далекое глядельце (1946)].

Данные примеры показывают, что такой порядок вдобавок обычно влечет за собой присутствие дискурсивной частицы *и*.

Коррелят *то* обязателен также в случаях, когда он представляет собой косвенное дополнение, как в (16); однако это последнее правило не распространяется на те случаи, когда зависимое предложение переходит в ряд актантов главного предиката и фактически теряет статус отдельного предложения; такое положение вещей наблюдается в особенности с сочетаниями типа *кто / что придется*, которые исключают возможность коррелята, как видно на примере (17):

- (16) Питался **тем**, что дадут, пил, сколько нальют [Василь Быков. Народные мстители (1997)].
- (17) Мы делали их сами **из чего придется** — из сажки, из толченого кирпича, из известки... [И. Грекова. Хозяева жизни (1960)].

Коррелят также исключен в предложениях с двумя местоимениями.

Подытоживая всё вышесказанное о корреляте *то*, можно заметить, что чем длиннее придаточное предложение, чем больше в нем составляющих, тем уместнее будет коррелят. И, наоборот, если придаточное предложение сформулировано очень сжато, то коррелят неуместен; в таких случаях придаточное относительное, теряя свой изначальный статус, приобретает чисто номинальную функцию (что часто сопровождается отсутствием запятой) или же переходит в категорию обстоятельственных предложений (об этом см. в особенности в разделах 8.2 и 8.3).

4.2. Частица *ни*

Другой добавочный элемент, возможный в МО-конструкциях, — частица *ни* перед глаголом зависимого предложения; эта частица привносит в предложение дополнительное значение, указывающее на то, что реализация действия главного предложения не зависит

от природы референта подчиненного предложения. В работе [Добрушина 2016] данная мысль сформулирована немного иначе: придаточное означает, что ситуация, названная в главной части, верна при любом положении дел из тех, которые названы в зависимой части. В этой работе такие предложения анализируются под названием «универсальные условно-уступительные предложения»: тщательно изучена роль сослагательного наклонения, но специфическая семантика, привносимая частицей *ни*, не рассматривается.

Частица *ни* показывает, что в поле действия субъекта попадают объекты не одного рода или класса, а различных родов и категорий (на что также указывает и местоимение *всё*, эксплицитно или имплицитно присутствующее в главном предложении):

- (18) *Я, бывало, маленький, всё бил да ломал что ни попадет* [Ф. А. Кони. Принц с хохлом, бельмом и горбом (1833)].
- (19) *Но страшно подумать, если доносчики уже на этой стороне Кодора, а мой старик всё еще мелет, что ни придет на язык* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (1989)].

Таким образом, природа референта подчиненной части МО-конструкции определяется целиком семантикой подчиненного предложения. Такое положение вещей снимает целый ряд условий, ограничивающих природу референта. В связи со сказанным можно объяснить, в каких условиях фраза типа *Они ели, что ни найдут* будет приемлема, а в каких нет. Эта фраза кажется странной, если субъектом действия являются люди, съедающие продукты, которые можно объединить в категорию «съедобные». Если же предположить, что речь идет, например, о марсианах, которые едят предметы, несъедобные для человека, то такая фраза становится вполне приемлемой.

Частица *ни* всегда факультативна (по крайней мере в предложениях изучаемого типа, где она является даже редким явлением: она присутствует только в трех из приблизительно 120 примеров, которые мы рассматривали), при этом во многих предложениях, где ее нет, существует возможность ее добавить; в следующем предложении она была бы вполне уместна:

- (20) *Савельич пляски, однако, не выдерживал и крушил, что подвернется под ноги* [Юрий Мамлеев. Конец света / Удалой (1995–2000)].

Предложения *Бил что ни попадет* и *Бил что попадет* по смыслу очень близки, что объясняется семантикой глагола *попадет*: такой глагол фактически исключает, чтобы можно было дать хоть приблизительное представление о том, чем является множество, заданное в главном предложении. Поэтому частица *ни* тут мало что меняет.

В лингвистической литературе конструкции с частицей *ни* описываются как «предложения с обобщенно-уступительным значением», в которых «значение обобщенности (...)» может быть подчеркнуто также усилительно-уступительной частицей *ни*, нередко осложняющей его элементом модального значения произвольности или случайности: *Чего ни пожелаешь ты, Мы всё достанем* (Лерм.)» [РГ 1980, II: 534]. Отмечается, что придаточное предложение утрачивает актантную позицию, привязывающую его к главному предложению, тем самым нейтрализуется анафорическая функция относительного местоимения и объясняется невозможность введения в главное предложение коррелята *то*.

Такая ситуация объясняется, на наш взгляд, семантикой частицы *ни*, которая показывает, что реализация действия главного предложения не зависит от природы референта подчиненного предложения. Частица *ни* и коррелят *то* вступают в семантическое противоречие: коррелят *то* показывает, что в контексте уже задан род или класс объектов, с которыми соотносится референт, а частица *ни*, наоборот, указывает на то, что объекты, попадающие в поле деятельности субъекта, принадлежат к различным классам и категориям.

МО-конструкции с частицей *ни* можно охарактеризовать как высказывания с максимальной неопределенностью референта.

Обобщая анализ природы референта в МО-конструкциях, можно отметить тот факт, что эти конструкции обнаруживают различные степени конкретизации неопределенного референта: конструкции с коррелятом *то* дают больше всего контекстной информации о референте (минимальная неопределенность), а конструкции с частицей *ни*, наоборот, предполагают минимальные сведения о референте (максимальная неопределенность). Между этими полюсами существуют конструкции, где *то* и *ни* могут быть факультативными элементами. Все эти наблюдения позволяют, как нам кажется, говорить о градуальности выражения значения неопределенности.

5. Аспектуально-таксисные особенности употребления наст.-буд. СВ

Как мы показали выше, конкуренция форм СВ и НСВ, обозначающих повторяющееся прошедшее действие, возникает только в дистрибутивных контекстах. Ближе всего такое употребление СВ стоит к потенциальному значению наст.-буд. СВ (*Он решит любую задачу*); элементы потенциальности, впрочем, фигурируют во многих приведенных примерах (например, в (3): *Начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И всё, что найдут в доме*); об этом см. раздел 7.

Вместе с тем в изучаемых предложениях наст.-буд. СВ демонстрирует еще и дополнительные черты, отделяющие такое наст.-буд. СВ от обычного потенциального значения.

При употреблении наст.-буд. СВ между действием главного и придаточного предложений устанавливаются особые отношения непосредственного предшествования / следования: действие наст.-буд. СВ с переменным референтом логически предшествует действию главного предложения, предопределяя его реализацию; все действия относятся к одному плану (плану прошлого или плану настоящего) и интерпретируются как повторяющиеся.

Непосредственное предшествование / следование предполагает очень краткий, иногда даже практически отсутствующий интервал между действиями. Глагольная форма в придаточном относительно обозначает событие, совершение которого составляет последнюю точку, предел, за которым начинается процесс, выраженный глаголом главного предложения. Имеет место своего рода примыкание двух процессов. Таким образом, высказывания, в которых содержатся контекстуальные элементы, указывающие на временной интервал между двумя действиями, оказываются неприемлемы, если в них используется наст.-буд. СВ: **Вечером собака подбирала на помойке то, что выбросят утром*; тогда как форма НСВ допускает такой интервал: *Вечером собака подбирала на помойке то, что выбрасывали утром*. В некоторых случаях зависимая часть является своего рода характеристикой референта; тогда речь идет по сути не о двух, а об одном действии, поэтому интервал отсутствует:

- (21) *Я вспомнил, что перед отлетом цапли становятся нервными и злыми, они обрушиваются на каждого, кто подвернется, сор из своих гнезд, гадят прохожим на голову, и мне захотелось написать рассказ, где бы фигурировали эти цапли* [Ю. М. Нагибин. Дневник (1964)].

Большинство примеров дает возможность замены формы наст.-буд. СВ на НСВ. Как отмечал уже Ю. С. Маслов, замена СВ на НСВ возможна потому, что отношения предшествования / следования между действиями вытекают из лексического значения глаголов [Маслов 1954/2004]. Это, конечно, не значит, что предложения будут синонимичны, хотя в том и другом случае выражается итеративное действие, но итеративность, выраженная наст.-буд. СВ, имеет свою специфику. Мы уже сказали, что наст.-буд. СВ

имплицитное непосредственное предшествование / следование действий; это приводит к тому, что эти действия представлены как одно комплексное целое, которое ставится в один ряд последовательных событий вместе с другими действиями, ср. пример (11): ...*загонял оленей вместе со всеми, фотографировал изредка, ел, что дадут, потом опять загонял*. Здесь перед нами цепь действий: [загонял] — [ел, что дадут] — [загонял]. Замена СВ на НСВ приводит к тому, что четкая хронология предшествования / следования цикла многократных действий отступает на задний план и действия представляются как описание постоянных ситуаций, обычаев, привычек, ср.:

- (22) *Регинка могла часами слоняться по квартире, находила себе какие-то непонятные дела и функционировала совершенно автономно. И ела, что дают, практически по часам* [А. С. Лукьянов. Зубы // «Уральская новь», 2001].

Дополнительная разница между СВ и НСВ состоит в том, что итеративность, выраженная НСВ, не только допускает, но и чаще всего даже предполагает некоторую регулярность повтора (например: *Он каждое утро пил кофе; Они регулярно ходили в кино*). СВ такую регулярность исключает, что связано с тем, что речь идет о неконтролируемом действии. Высказывание типа **Он ел, что регулярно / каждый день дадут* абсолютно не приемлемо. Таким образом, в высказываниях с наст.-буд. СВ выявляется особый тип итеративности, выражающей нерегулярное повторение (такую итеративность можно называть *алеаторной*; ср. англ. *aleatoric*, фр. *aléatoire*).

Можно заметить еще один побочный эффект того, что схема с СВ представляет действия как одно комплексное целое. Даже вне контекста фраза *На этом празднике малыши брали себе то, что понравится* будет понята так, что малыши берут каждый что-то по очереди; это происходит просто потому, что трудно себе представить, что комплексное действие [понравилось] — [взял] распространяется одновременно на всех субъектов. Напомним пример (13), где содержится эксплицитное указание на эту особенность: *Поезд медленно, по очереди объезжал всех ребят, и в каждом его вагончике лежало что-то вкусное. Малыши брали себе то, что понравится*.

Если заменить СВ на НСВ (*Малыши брали себе то, что нравится / нравилось*), можно себе представить, что разные действия происходят неупорядоченно, более или менее все вместе, а не поочередно, поскольку, как было уже сказано выше, четкая хронология отступает на задний план.

6. Несколько замечаний о конкуренции СВ и НСВ

Конкуренция между наст.-буд. СВ и НСВ подразумевает, что иногда возможны не две, а три формы: наст.-буд. СВ / наст. НСВ / прошедшее НСВ, т. е. здесь затрагивается довольно сложный вопрос согласования временных планов действий. Проблема конкуренции трех форм требует специального анализа; в настоящей работе мы ограничимся несколькими наблюдениями.

Конкуренция трех форм наблюдается с глаголом *дать*: в примере (11) мы видим наст.-буд. СВ: *Ел, что дадут*, в (22) — наст. НСВ: *И ела, что дают*; а в примере (23) реализована третья возможность; такая тройная конкуренция также наблюдается с глаголом *нравиться* (24):

- (23) *Вернувшись с работы, Виталий ел, что давали, поднимался на чердак, где у него был на ящиках матрас, ложился и слушал самодельное радио* [А. И. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010].

- (24) *Подходила к прилавкам и просто брала, что нравится* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)].

Данное высказывание можно сравнить с примером (13) (*Мальчиши брали себе то, что понравится*); при этом ясно, что в (24) возможно и прошедшее НСВ. Однако такая взаимозаменяемость существует далеко не всегда.

Бывает, что конкурируют только две формы, наст.-буд. СВ и прошедшее НСВ. Подобное ограничение обусловлено, как нам кажется, таксисными отношениями между действиями. Настоящее НСВ возможно, только если хронология между двумя действиями не интерпретируется как строгое предшествование / следование, а может пониматься как хотя бы частичная одновременность. Так, пример (3) ...*начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И все, что найдут в доме* можно переделать в ...*начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И все, что находили в доме*, но вариант с настоящим не проходит: ?...*начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И все, что находят в доме*. Такова, кажется, и ситуация с очень частотным глаголом *попадаться*: нам не удалось обнаружить ни одного примера с глаголом в прошедшем + *что попадается*, типа ?*он брал / хватал / ломал, что попадается*; обычно только: *он брал / хватал / ломал, что попадется / что попадалось*.

Иногда конкуренции просто нет, возможно только наст.-буд. СВ. Такое положение вещей наблюдается, в частности, при переходе зависимого предложения в иные синтаксические категории и при их фразеологизации (*С ребенком нянчились кто придется*). Одним из факторов, влияющих на данный процесс, является отсутствие коррелятива НСВ для формы СВ (*Говорили что в голову взбредет*).

7. Наст.-буд. СВ как носитель модальности

Тот факт, что не все потенциально существующие объекты попадают в поле деятельности субъекта, т. е. некоторые объекты не подвластны субъекту действия, ускользают от него (что было показано выше на примере (3) ...*начали сметать всё съестное подчистую. И птицу. И скот. И все, что найдут в доме*), подводит нас к мысли о том, что в высказывании заложена субъективная оценка субъекта действия с точки зрения его возможностей. Иными словами, высказывания с наст.-буд. СВ несут модальное значение. Выражение модальности охватывает разнородные явления, что делает ее очень сложной для лингвистического описания [Плунгян 2000: 308]. Тем не менее можно указать два полюса, к которым тяготеет то или иное модальное значение: оценочная модальность и ирреальность. По этому поводу напомним, что в русском языке имеется корреляция между неопределенностью объекта и ирреальным наклонением: высказывание *Он ищет девушку, которая знает язык кечуа* может иметь в виду конкретную девушку, а высказывание *Он ищет секретаршу, которая знала бы язык кечуа* не подразумевает существования конкретной секретарши, ее даже, возможно, не существует в природе [Там же: 289]. При оценочной модальности рассматривается отношение говорящего к ситуации, а при ирреальной модальности имеет значение статус ситуации по отношению к реальному миру [Там же: 309].

Высказывания с наст.-буд. СВ могут выражать значение **возможности** как характеристику субъекта действия (ирреальная модальность), а также вводить оценку субъекта действия говорящим (оценочная модальность). Часто граница между этими полюсами стирается.

Основная характеристика субъекта действия состоит в том, что его возможности представлены как ограниченные; действие примера (3) можно, например, представить следующим образом: *И все, что найдут (= могли найти) в доме*. Если эта модальность остается часто имплицитной (25), она иногда выражена эксплицитно, как в (26):

- (25) *Белкин заболел, полный упадок сил, не поднять руки, глаза впали, кругом синева. Кормить нечем. Вера раздобывала, где могла, то конину, то кусочек шипика. Носит в больницу поджаренный хлеб и что найдет (= может найти)* [Л. В. Шапорина. Дневник. Том 1. (1898–1945)].
- (26) *Жили они в камышовых шалашах, которые разорали и сжигали, как только прослышат о приближении татар, а питались тем, что удастся с бою отбить у татар, охотой на зверя и рыбной ловлей* [П. Н. Краснов. Атаманская памятка (1898)].

В этих примерах субъекты действия главного и придаточного совпадают. Если субъекты действия главного и придаточного не совпадают, то характеристика ограниченных возможностей субъекта может усиливаться контекстом до такой степени, что субъект предстает как неконтролирующий действие, зависящий от чужой воли и даже пассивный (примеры (1), (2), (4), (5), (6)).

Отсутствие контроля над действием также может передаваться целой гаммой глаголов, характерных для рассматриваемых конструкций: как было уже сказано, самые типичные предикаты здесь — предикаты, выражающие сами по себе случайное появление объекта или мысли: *подвернется, попадется под руку, взбредет в голову, вздумается*.

8. На грани системы

Некоторые типы предложений в силу разных критериев находятся на грани изучаемой системы.

8.1. Какой

В первую очередь следует упомянуть модели с местоимением *какой*. В отличие от остальных рассматриваемых в данной статье предложений, антецедентом здесь является существительное, что обычно противоречит уже не раз упоминавшемуся принципу неопределенности референта. Тем не менее совершенно ясно, что во многих случаях этот формальный критерий несущественен; доказательством тому служат следующие примеры:

- (27) *Чтобы ожидание текло незаметней, согласился исполнять в лазарете работу, какую скажут* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].
- (28) *И покупали книги в тамошних магазинах — какие придется, лишь бы почитать* [А. И. Слаповский. Библиотека // «Волга», 2013].

Близость с предыдущими примерами очевидна: пример (27) можно сравнить с (12) (*Возил, что прикажут*), а пример (28) с примером (9) (*Кормили чем придется*).

Совершенно очевидно, что употребление наст.-буд. СВ во всех перечисленных предложениях играет одну и ту же роль, что позволяет нам считать такие случаи периферийным явлением, находящимся, однако, внутри изучаемой системы. Несмотря на то, что антецедент выражен существительным, семантика неопределенности здесь сохраняется: местоимение *какой*, указывая на то, что речь идет не об одном конкретном предмете, а о каком-то типе, снимает определенность антецедента. Если заменить местоимение *какой* на *что* или *который*, то семантика неопределенности исчезает и предложение становится неприемлемым: **Согласился исполнять в лазарете работу, что / которую скажут*. Как видно из примеров, форма наст.-буд. СВ употребляется только в сочетании с нереферентными местоимениями.

Отметим, что имеются еще более периферийные (и более редкие) явления такого типа: существительное может сочетаться даже с местоимением *кто*, при условии что неопределенность восстанавливается другим способом, как в следующем примере, где эту роль на себя берет элемент *только*:

- (29) *Про воеводу говорили: ходит он с двухаршинным батогом и бьет людей, кого только встретит на улице, приговаривая...* [В. В. Каменский. Степан Разин (1928)].

Только здесь синонимично частице *ни* перед глаголом наст.-буд. СВ, указывая на безразличие субъекта действия по отношению к тому, какой именно человек попадает к нему на пути; без этого элемента такое предложение проблематично: **Бьет людей, кого встретит на улице*.

8.2. Кто что

В начале статьи уже упоминалась периферийная конструкция, в которой подчиненное предложение вводится двумя местоимениями, см. пример (7): *...ели урывками, что где придется*.

На этом примере видно, что такие предложения полностью соответствуют нашей схеме: стоит убрать местоименное наречие *где*, и фраза ничем уже не отличается от всех других примеров: *ели урывками, что придется*. Таких случаев почти полного совпадения со стандартной синтаксической моделью немало:

- (30) *Кричали кому что вздумается: кто проклятия, кто приветствия, жали руки, вскакивали на лавки...* [Д. А. Фурманов. Незабываемые дни (1922)].
- (31) *И, опьянев, заговорили кто что хочет, делали, кому что заблагорассудится* [П. А. Сорокин. Заметки социолога. Трагедия революции // «Воля народа», 1917].

В то же время встречается не меньше примеров, где отождествление с базовой моделью затруднено:

- (32) *Все товарные, пассажирские поезда были забиты голодающими: ехали на крышах и подножках вагонов. Цеплялись везде, кто как сможет* [Александр Царев. «Я Иван колхозный...» // «Звезда», 2003].
- (33) *Очень многие тогда имели лодки и, кто как сумеет, строили для их хранения сараи* [Игорь Немучинский. Расследование (2003) // «Встреча» (Дубна), 11.06.2003].
- (34) *Деньги собирали в кружку: кто что даст* [Петр Тюрин. Праздники и будни Таганрога (1960–1972) // «Ковчег», 2015].

Все эти предложения отдаляются от принципа местоименной связи и не поддаются однозначной трактовке. Зависимые предложения несут здесь двойственную синтаксическую нагрузку: с одной стороны, они сближаются с бессюзными предложениями и в то же время выполняют какую-то иную синтаксическую функцию. Так, в примерах (30), (31) предикация зависимого предложения стирается в пользу номинативной функции, в примерах от (32) до (34) зависимые предложения могут быть проанализированы как обстоятельственные.

Если в примерах (30), (31) можно еще считать, что местоимение *кто* имеет (не выраженным) антецедентом подлежащее главного предложения, то в трех следующих за ними примерах такой возможности нет. Мы здесь на грани изучаемой системы.

8.3. Переход в другие синтаксические категории

Номинативная функция может совершенно вытеснить предикативную. Переход от предикации к номинации наблюдается уже в (35), где *что вздумается* может интерпретироваться просто как *глупости*, но данная фраза еще все-таки дает возможность усмотреть здесь два отдельных предложения: *Говорил то, что вздумается*. Такой подход уже невозможен для (36) и тем более для (37): **Нянчили те, кто придется* абсолютно неприемлемо, *кто придется* не является отдельным предложением, а должно рассматриваться как подлежащее (= *нянчили случайные люди*).

- (35) *Не надо было стараться умничать, он говорил что вздумается и мог вести себя свободно...* [Даниил Гранин. Иду на грозу (1962)].
- (36) *Родители спали прямо в коридорах больницы, на креслах, на кушетках, на чем придется* [Кому не всё равно // «Русский репортер», 2014].
- (37) *Нянчили кто придется* [Нонна Мордюкова. Казачка (2005)].

М. А. Холодилова [2014], вслед за другими исследователями, относит такие псевдопредложения к безвершинным относительным предложениям; это значит, что они не соотносятся ни с каким элементом в главном предложении (являющимся в ее терминологии «вершиной») и в большинстве случаев занимают позиции, возможные для именных групп (в примере (37) *кто придется* = *случайные люди*). Вместе с тем не все конструкции данного типа вписываются в эту категорию. Было бы натяжкой считать такие предложения, как (34), безвершинными относительными предложениями, они гораздо ближе к бессоюзью.

Полная утрата предикативности наблюдается и с другими местоимениями:

- (38) *Рюмки были не какие придется, а коньячные* [Андрей Ефремов. Любовь и доблесть Иоахима Тишбейна // «Октябрь», 2002].

Какие придется здесь играет роль определения.

Подобного рода явления позволяют нам говорить о фразеологизации сочетания ‘местоимение + *придется*’. В таких случаях уже нет конкуренции между наст.-буд. СВ и НСВ. **Нянчили кто приходится* совершенно неприемлемо. *Кто придется* становится местоимением, по своему образованию подобному местоимению *кто-нибудь*.

Явная тенденция к фразеологизации наблюдается в конструкциях *что Бог пошлет* и *что дадут*, но здесь еще возможна конкуренция с *что посылал (посылает)* и с *что дают*.

- (39) *Американцы пьют, что хотят. А мы пьем, что бог пошлет...* [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002].
- (40) *Левонтьевские ребята умели пропитаться «от земли», ели всё, что Бог пошлет, ничем не брезговали и оттого были краснорожие, сильные, ловкие, особенно за столом* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)].

Даже когда речи не может быть о законченной фразеологизации, изучаемая модель конструкций обычно порождает очень сжатые предложения типа: *что попадется, что вздумается, что придет в голову*, не содержащие в большинстве случаев каких-либо распространяющих членов; напомним, что такой синтаксический минимализм имеет своим последствием тот факт, что контекст дает очень мало сведений о природе референта.

Заключение

Мы постарались показать, что в конструкциях типа *Они брали (всё), что найдут* выражение неопределенности является результатом взаимодействия различных элементов,

связанных в единое семантико-синтаксическое целое. Одним из важнейших элементов, влияющих на значение неопределенности, нужно считать форму наст.-буд. СВ в зависимом предложении. Связь наст.-буд. СВ с семантикой неопределенности влияет на выбор относительного местоимения: *кто, что, какой* и т. д. (местоимение *который* исключено). Кроме того, мы полагаем, что категория неопределенности является градуальной; в рассмотренных нами конструкциях можно установить по крайней мере три степени неопределенности, в зависимости от участия в высказывании таких элементов, как корреляты *то* и частица *ни*.

Семантика неопределенности связана с несколькими специфическими аспектуально-таксисными чертами рассмотренных высказываний. Эти высказывания отражают только дистрибутивные ситуации, в которых наст.-буд. СВ выражает особый тип итеративности — алеаторную итеративность (в отличие от предикатов, выраженных формами НСВ, обозначающих, как правило, регулярно повторяющееся действие). Нерегулярность, присущая семантике конструкций с наст.-буд. СВ, имеет своим последствием то, что предикаты в них очень часто выражают случайные действия.

Неопределенность, лежащая в основе семантики высказываний типа *Они брали всё, что найдут*, влечет за собой специфическую характеристику их референта: во-первых, референт всегда является переменным и, во-вторых, список референтов не может быть исчерпан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бондарко 1971 — Бондарко А. В. *Вид и время русского глагола*. Л.: Наука, 1971. [Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Aspect and tense of the Russian verb]. Leningrad: Nauka, 1971.]
- Булыгина, Шмелев 1990 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства. *Типология и грамматика*. Храковский В. С. (ред.). М.: Наука, 1990, 109–117. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. Syntactic zeroes and their referential properties. *Tipologiya i grammatika*. Xrakovskij V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1990, 109–117.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of the Russian grammar)]. Moscow: Shkola “Yazyki Russkoi Kul’tury”, 1997.]
- Гловинская 2001 — Гловинская М. Я. *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. М.: Азбуковник; Русские словари, 2001. [Glovinskaya M. Ya. *Mnogoznachnost’ i sinonimiya v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola* [Polysemy and synonymy in the tense-aspect system of Russian verb]. Moscow: Azbukovnik; Russkie Slovarei, 2001.]
- Гулыга 1979 — Гулыга Е. В. Реализация категории обобщения на синтаксическом уровне. *Вопросы русского языкознания*. Горшкова К. В. (ред.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1979, 29–39. [Gulyga E. V. Realization of the generalization category on the syntactic level. *Voprosy russkogo yazykoznanija*. Gorshkova K. V. (ed.). Moscow: Moscow Univ. Press, 1979, 29–39.]
- Добрушина 2016 — Добрушина Н. Р. Конструкции с русским сослагательным наклонением для обозначения хабитуальных ситуаций. *Вопросы языкознания*, 2016, 4: 18–34. [Dobrushina N. R. Russian subjunctive as habitual. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 4: 18–34.]
- Анна Зализняк 2015 — Зализняк Анна А. Презенс совершенного вида в значении настоящего времени. *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. М.: Языки славянской культуры, 2015, 314–329. [Zaliznyak Anna A. Praesens of perfective verbs in the meaning of the present tense. *Russkaya aspektologiya: V zashchitu vidovoi pary*. Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul’tury, 2015, 314–329.]
- Маслов 1954/2004 — Маслов Ю. С. Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке. *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. Маслов Ю. С. М.: Языки славянской культуры, 2004, 141–175. [Maslov Yu. S. Perfective imperfect in literary Old Russian. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Maslov Yu. S. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul’tury, 2004, 141–175.]

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. *Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Uyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii) [Utterance and its relation to reality: Referential aspects of pronoun semantics]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Едиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*. В 2 т. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow: Nauka, 1980.]
- Стойнова 2016 — Стойнова Н. М. Нефутуральные употребления форм будущего времени. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2016. [Stoinova N. M. Non-futural uses of future-tense forms. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2016.] <http://rusgram.ru> Нефутуральные_употребления_форм_будущего_времени
- ТФГ 1992 — Бондарко А. В. (ред.). *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность*. СПб.: Наука, 1992. [Bondarko A. V. (ed.). *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost'* [Theory of functional grammar: Subjecthood, objecthood, information structure, definiteness / indefiniteness]. St. Petersburg: Nauka, 1992.]
- Шатуновский 2009 — Шатуновский И. Б. *Проблемы русского вида*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Shatunovskii I. B. *Problemy russkogo vida* [Issues of Russian aspect]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Шмелев 1996 — Шмелев А. Д. *Референциальные механизмы русского языка*. Тампере: Ун-т Тампере, 1996. [Shmelev A. D. *Referentsial'nye mekhanizmy russkogo yazyka* [Referential mechanisms of the Russian language]. Tampere: Tampere Univ., 1996.]
- Черткова 1996 — Черткова М. Ю. *Грамматическая категория вида в современном русском языке*. М.: Изд-во МГУ, 1996. [Chertkova M. Yu. *Grammaticheskaya kategoriya vida v sovremennom russkom yazyke* [The category of verbal aspect in modern Russian]. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1996.]
- Холодилова 2014 — Холодилова М. А. Относительные придаточные. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2014. [Kholodilova M. A. Relative clauses. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2014.] <http://rusgram.ru> Относительные_придаточные
- Guiraud-Weber 2004 — Guiraud-Weber M. *Le verbe russe. Temps et aspect*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2004.
- Mazon 1914 — Mazon A. *Emplois des aspects du verbe russe*. Paris: É. Champion, 1914.
- Roudet 2009 — Roudet R. Le problème de la concurrence des relatifs *kto* et *kotoryj* en russe moderne. *Revue des études slaves*, 2009, LXXX(1–2): 43–57.
- Roudet 2016 — Roudet R. *Grammaire russe*. Vol. 2: *Syntaxe*. Paris: Institut d'études slaves, 2016.
- Veyrenc 1980 — Veyrenc J. La syntaxe contradictoire du présent perfectif en russe moderne. *Le verbe russe*. Veyrenc J. Paris: Institut d'études slaves, 1980, 63–73.

О роли живого материала при верификации этимологических решений: случай *чепухи*

© 2023

Елена Львовна Березович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия; berezovich@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы этимологизации слов экспрессивного (и, как правило, сниженного) характера — на примере русск. *чепуха*. Анализируются существовавшие ранее версии относительно происхождения этого слова, отмечаются их уязвимые стороны. Автор развивает непопулярную версию А. Б. Страхова, трактовавшего слово как образование с архаичным префиксом *че-* и корнем *пух-*; первоначально чепуха, вероятно, — некое вещество из множества мелких частиц, воспринимаемое как несущественное, неценное (результат трепания, потрошения, раздраживания, размолачивания). На фоне этимологизации *чепухи* была осуществлена групповая реконструкция лексики гнезда *чепух-//чепуш-* (функционирующего преимущественно в просторечии, диалектах, жаргонах), которая позволила объяснить значения в гнезде (в том числе такие, которые далеко отстоят от семантики этимона — ‘идти мелкому дождю’, ‘суетиться’, ‘осуществлять половой акт’, ‘женские ягодицы’ etc.), отделить элементы этого гнезда от гетерогенных омонимов (например, слов из гнезда *con-*), выявить происхождение некоторых неочевидных слов из гнезда *пух-//пуш-* (*пушка* ‘чепуха’). Из положений статьи вытекает необходимость пристального и подробного анализа данных нестандартных пластов языка, к которым нечасто прибегает современная этимология. Кроме того, автор указывает на необходимость верифицировать некоторые этимологические решения, сделанные ранее «на кончике пера» при нехватке лексических данных и отсутствии корпусов материала, которыми сейчас могут воспользоваться этимологи. Показана уязвимость некритического тиражирования этимологических версий (особенно в научно-популярной литературе), при котором авторы пользуются неверифицированным материалом, исключают предположительность в пользу категоричности и др.

Ключевые слова: просторечие, русский язык, экспрессивность, этимология

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Автор благодарит М. Белетич, Б. Л. Иомдина, В. С. Кучко, Я. В. Малькову, И. Янышкову, а также анонимных рецензентов журнала «Вопросы языкознания» за помощь при подготовке статьи.

Для цитирования: Березович Е. Л. О роли живого материала при верификации этимологических решений: случай *чепухи*. *Вопросы языкознания*, 2023, 3: 77–98.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.77-98

The role of live material in verification of etymological hypotheses: The case of Russian *čepuxa* ‘nonsense’

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; berezovich@yandex.ru

Abstract: The article discusses the problems of etymologization of words with an expressive (and often derogatory) meaning, using the example of Russian *čepuxa* ‘nonsense’. The previously existing versions of this word’s origin are analyzed, their vulnerable aspects are noticed. The author develops the

unpopular version by A. B. Strakhov, who interpreted the word as a formation with the archaic prefix *če-* and the root *pux-*; initially, *čepuxa* meant, probably, a kind of substance from a multitude of small particles, perceived as insignificant, not valuable (the result of fluttering, gutting, pulling, grinding). Against the background of the etymologization of *čepuxa*, a group reconstruction of the word family *čepux-//čepuš-* (functioning mainly in vernacular speech, dialects, jargons) was carried out. It made it possible to explain the meanings in the word family (including those quite distant from the semantics of the etymon — ‘to rain fine’, ‘to fuss’, ‘to have sex’, ‘female buttocks’, etc.), to separate the elements of this word family from heterogeneous homonyms (e.g., words with the root *sop-*), to reveal the origin of some non-obvious words from the word family *pux-//puš-* (*puška* ‘nonsense’). The conclusions of the article demonstrate the need for a close and detailed analysis of the data of non-standard language varieties, to which modern etymology rarely resorts. In addition, the author points out the need to verify some etymological decisions made earlier “on the tip of a pen” with a lack of lexical data and in the absence of corpora that etymologists can now use. The vulnerability of uncritical replication of etymological versions (especially in popular science literature) is shown, in which the authors use unverified material, substitute bare assertion for hypothesizing, etc.

Keywords: etymology, expressivity, linguistic subvarieties, Russian

Acknowledgements: The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the “Priority-2030” Program) is gratefully acknowledged. The author is sincerely grateful to M. Bjelečić, B. L. Iomdin, V. S. Kuchko, Ya. V. Malkova, and I. Ianyshkova for their help during the preparation of the article for publication.

For citation: Berezovich E. L. The role of live material in verification of etymological hypotheses: The case of Russian *čepuxa* ‘nonsense’. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 77–98.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.77-98

Введение

Выдвигая этимологическую гипотезу, исследователь нередко вынужден «рисовать астериск» — постулировать существование в прошлом какого-либо лексического звена, которое не засвидетельствовано источниками, но является старшей (производящей) формой для этимологизируемого слова. Подчеркнем, что речь сейчас идет не о праязыках, где такая реконструкция — базовый прием исследования, являющийся объективной необходимостью, а о «реальной» языковой действительности (скажем, лексических единицах, которые могли бы быть отмечены в русских говорах до XIX в., но не были записаны, потому что попросту отсутствовала установка на их фиксацию), где конструирование недостающих звеньев связано с признанием субъективной недостаточности материала. Гипотетическое заполнение промежуточных (исходных) звеньев было особенно в ходу в эпоху расцвета структурализма, когда были найдены основные словообразовательные, фонетические, морфонологические и прочие закономерности, определяющие эволюцию слов, и усилилась роль прогностики, в том числе «ретроспективной». Моделирование незасвидетельствованных форм сыграло, играет и будет играть большую роль в развитии этимологии, однако не следует преувеличивать значение форм под звездочкой, ставить их в один ряд с документально отмеченными данными, — наоборот, они должны верифицироваться при любой возможности добыть новый живой материал, неизбежно вносящий коррективы в кабинетные построения. В то же время при многократном пересказывании этимологических решений разными источниками, особенно популярными, часто происходит своеобразная «онтологизация» гипотетических фактов, когда им придается статус реально существующих. Потребность в верификации подкрепляется новыми возможностями, которые предоставляет нынешняя источниковая база: благодаря словарному «буму» последних десятилетий появилось множество новых словарей, лексических корпусов, а благодаря поисковым возможностям сети Интернет расширился доступ к материалам живой речи, особенно просторечным словам, нередко ускользавшим от внимания лексикографов.

Эти положения будут далее проиллюстрированы на примере русского слова *чепуха*, которое имеет сложную этимологическую судьбу, а его гнездо очень скудно освещено в источниках. Мы решили не только по возможности полно восстановить объем гнезда, но и заново проверить факты, приводимые в историко-лексикологической и этимологической литературе, по первоисточникам. Это позволит оценить имеющиеся этимологические версии и предложить свои дополнения.

Историко-лексикологическая справка

Популярное в русском языке разговорное слово *чепуха* ‘вздор, чушь, глупость’ считается отсутствующим в других славянских языках (за исключением редких фактов типа бел. сев.-зап. *чапу́ха* [СПЗБ, 5: 403], могилев. *гарадзіць чапуху* [Юрчанка 1972: 134]).

Первая словарная фиксация осуществлена в 1782 г. в словаре Нордстета [Нордстет, 2: 861], затем слово отмечает САР (1794), приведя при дефиниции ‘вздор, нелепость, небылица’ примеры устойчивых сочетаний — *врать, молоть чепуху* [САР, 6: 693]. Об употреблении слова в литературе конца XVIII–XIX в. пишет В. В. Виноградов [1999: 817–818], при этом первый упоминаемый им текст датирован 1788 г. Национальный корпус русского языка [НКРЯ] позволяет найти более ранние примеры, ср.: «Одно точию осязаемое было у них натурю или физыкою, физыка — философию, а все неосязаемое — пустою фантазиею, безместными враками, *чепухою*, вздором, суеверием и ничтожеством» <Г. Сковорода (1760–1775)>; «Нет уже, сударыня, говорила мне одна барышня; здесь вовсе свету подражать не знают, а все то испортили училища да ученые люди: куда ни посмотришь, везде ученый человек лишь сумасбродит и *чепуху* гонит» <Н. И. Новиков (1775)>; «Выучился чистенько наряжаться, играть в карты, картами доставать прокормление, говорить обо всем, ничего не мысля, таскаться по девкам или врать *чепуху* барыням» <А. Н. Радищев (1779–1790)> и др.

С точки зрения семантики в русском литературном языке слово весьма устойчиво, никакие существенные смысловые сдвиги в источниках не отмечены. Нередко оно встречается в составе сочетаний с глаголами *городить, молотить, нести, пороть* — и такая сочетаемость характерна для *чепухи* в той же степени, что и для ее синонимов: слов *ерунда, чушь, вздор, околесица*. Фразеологи фиксируют также выражение *чепуха (ерунда) на постном масле*, которому в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» дается следующее объяснение: «Первоначально имелись в виду нащипанные мелкие ломты картофеля или каких-либо других овощей, поджаренные на постном масле. Вариант *ерунда на постном масле* является вторичным» [РФ: 749–750]. Здесь, кажется, мы встречаемся с лингвистическим мифом, который не является единственным в литературе о *чепухе*: никакие источники не свидетельствуют о том, что *чепуха* предпочтительна (перед *ерундой* и др.) при ироническом переосмыслении названия указанного блюда; слово *нащипанный* в русском кулинарном дискурсе по отношению к нарезке овощей, кажется, не употребительно (по крайней мере, не частотно), оно появилось здесь под влиянием этимологии *чепухи*, о которой ниже. Главное: упоминание различных «пищевых добавок», как бы компенсирующих интеллектуальную неполноценность, не раз встречается в экспрессивной фразеологии, ср. пск. *неудача с квасом* ‘несообразительный человек’ [СПШП: 55], арх., влг. *полубёлый с маслом* ‘то же’ [КСГРС], костр. *ерундóвина на ошўрках* (при *ошўрки* ‘вытопки от сала’) [ЛКТЭ]; о таких выражениях — с учетом логики формирования пищевого кода в обозначениях интеллектуальной деятельности — см. в [Леонтьева 2008: 212–225]. Добавим, что слово *постный* как эпитет масла в данном случае выражает дополнительную насмешку (хоть и масло, но «неполноценное»), ср. просторечные выражения типа *пирожок с амином* ‘без начинки’, *чай со спасибом* и пр.

За пределами современного литературного языка у слова *чепуха* встречаются и иные значения.

Самое известное из них — ‘мелкие обломки (например, льда)’ — отмечено в географическом трактате М. В. Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»: «...в марте месяце ночными морозами Белое море на несколько верст гибким льдом покрывается так, что по нему за тюленями ходят и лодки торосовые за собою волочат, хотя он под людьми гнется, однако нескоро прорывается; около полудни от солнца пропадает и от ветру в *чепуху* разбивается» [Ломоносов 1952: 464]. Текст написан до 1763 г. В нем есть естественные для Ломоносова севернорусские (архангельские) диалектизмы, тем более что речь идет о льдах на Белом море; однако в позднейших источниках по русской диалектной лексике этой территории слово *чепуха* в таком значении, кажется, не фиксировалось.

Бликие значения встречаются на других территориях: *чепуха* оренб. ‘мусор’: «Весной вода несет много чепухи (ветки, прошлогодние листья, трава и другое)» [Моисеев 2010: 179], костр. ‘остатки еды, объедки’: «Хорошей еды не осталась, одни объедки, чепуха. Про вздор ведь не скажут так, а про чепуху говорят» [ЛКТЭ]; оренб. ‘мелкая деталь какого-либо предмета’: «В каждой вещи разбираться надо, а у ней много разных чепухов» [Малеча, 4: 426]. Предметная семантика просвечивает и в костр. *чепуха* ‘ошибка при вдвании пряжи в цепки при собирании кросен’: «Который раз мама скажет: “Такую чепуху навдевала, придется переделывать”» [СЯСЗ: 115]. Вообще значение ‘мелкие кусочки, обломки, крошки; мелкие малозначимые предметы’ для *чепухи* в высокой степени ожидаемо и регулярно встречается у других слов этого ряда, ср. *дребедень*, *ерунда* и пр.

Если предыдущие значения видятся связанными с литературным, то следующие принадлежат словам-омонимам (пока неясно, гомогенным или гетерогенным). Диалектный омоним — влг. *чепуха* ‘отверстие для выхода дыма в стене’ [СРГК, 6: 769]. Еще один неожиданный омоним обнаруживается в уголовном жаргоне: *чепуха* ‘женские ягодички’: «Ты только посмотри, какая чепуха у этой крали!» (слово употребляется с середины XX века на всей территории бывшего СССР) [Зугумов 2015: 630].

Семантико-словообразовательная деривация

Чепуха входит в достаточно выразительное гнездо, которое, кажется, не описывалось ранее с достаточной степенью полноты.

Наиболее интересны в этом гнезде **глаголы**, которые представлены в говорах — и реализуют главным образом семантику речевой и интеллектуальной деятельности:

- говорить чепуху, врать: без указ. м. *зачепуи́ть* ‘начать городить чепуху’, *зачепуи́ться* ‘завратиться’ [Даль, 1: 684], перм. *начепуи́ть* ‘наврать, наговорить чепухи’ [СРНГ, 20: 283], новг., селигер., смол. *чепуи́ть* ‘говорить чепуху, ерунду, болтать; смешить’ [НОС: 1271; Селигер, 8: 80; ССГ, 11: 103] и т. п. Ср. также в украинских говорах на территории Воронежской области — *начепуи́ть* ‘наговорить лишнего, наболтать’ [Авдеева, 2: 36], в белорусских северо-западных говорах — *чапушы́ць* ‘говорить абы что’ [СПЗБ, 5: 403];
- ругать, бранить: курск., тульск. *исчепуи́ть* ‘изругать’ [СРНГ, 12: 270], орл. *отчепуи́ть* ‘сильно выбранить, отругать’ [СОГ, 8: 222], морд. *расчепуи́ть* ‘отругать, разбранить’ [СРГМорд: 1072], волгоград. дон. *чепуи́ть во все бо́ки* ‘сильно ругать, отчитывать’ [СДГВО: 650], морд., нижегор. *чепуи́ть* ‘ругать, бранить’ [СРГМорд: 1463; ДСНО, 2: 49] и др.

Возможно, глаголы в этих значениях (особенно в первом) — факты не только диалектной речи, но и общерусского просторечия. Скажем, *чепуи́ть* ‘говорить чепуху’ В. И. Даль использует в собственном метаязыке для определения других слов этого ряда:

так, в статье *белиберда* приводится глагол *белибердить* (без указания места) — ‘чепушить, сумасбродить’ [Даль, 1: 82]. *Чепушить(ся)* в значении ‘ругать(ся)’ встречается и в художественной литературе, хоть и единично: по данным НКРЯ, только у Новикова-Прибоя, ср. «Мы, молодые матросы, молитвы творим, а он *чепушится* что ни есть крепкими словами»; «— Ребята, Гришка наш плывет! — Вот *чепушит*! — В боцмана бы его произвести». При этом в словарях литературного языка глаголы такого рода, кажется, не зафиксированы; неслучайно слово *прочепушить* ‘долгое время заниматься несущественными делами, пустяками’ («Я сразу понял, что я все лето *прочепушил*. С ежами возился, в лапту играл, пустяками занимался» <В. Драгунский>) трактуется в методических рекомендациях для учителей как неологизм¹.

В говорах встречаются также значения из поведенческой сферы, которые обнаруживают очевидные связи с семантикой говорения ерунды: костр. *чепушиться* ‘заниматься никудышным делом, чепухой’: «Что ты чепушисся, тятя говорит, что ненужное это» [СЯСЗ: 115], морд. *начепушить* ‘наделать бед, напроказничать’ [СРГМорд: 640], костр. *чепушиться* ‘одеваться «расфуфыренно», ‘вести себя высокомерно’ [ЛКТЭ] и др.

В ходе полевой работы в 2022 г. в Макарьевском районе Костромской области экспедиция Уральского университета отметила глаголы *чепушиться* и *расчепушиться* в ряде значений, которые, кажется, не были засвидетельствованы ранее диалектными словарями. Самое частое значение — ‘драться’ (‘разодраться’): «Опять они чепушятся, два пехуха или ребятишки. Опять расчепушились, хватит чепушиться-то» (Власово); «Расчепушиться: коты кричат, чего ты расчепушилась, разнервничалась. Чего расчепушились, если дерутся. Про маленьких говорят обычно, расчепушились» (Макарьев); «Расчепушиться в пух и прах, разругался со всеми, разодрался. И разругался, и подрался» (Макарьев); «Расчепушились девки, за волосы друг друга похватили» (Юрово); «На работе бабы расчепушились, разодрались, платки стащили, за волосы ташшат одна другую» (Старово); «Ну, расчепушились в пух и прах! Разругались — и до рукоприкладства могло у них дойти. Чепушились-то больше бабы, о мужиках редко скажут» (Быстрово) и др. [ЛКТЭ].

Направленно спрашивая у информантов об этих словах, мы записали и предметное значение глагола *расчепушиться* — ‘разлохматиться, растрепаться (о волосах, перьях etc.)’: «Девчонка идет непричесанная. Чего ты расчепушилась?» (Домань); «Вон наволочка расчепушилась у тебя, вылезли перья» (Быстрово) [ЛКТЭ]. Предметная семантика характерна и для глагола *исчепушиться* — ‘разбиться на мелкие кусочки’: «Исчепушилась чашка, как жалко, не склеить, так исчепушилась» (Макарьев) [ЛКТЭ]. Связь между значениями битья и разбивания естественна — и находит дополнительную поддержку в том, что в случае *расчепушиться* семантика битья получает опредмечивание в сочетаемости со словами *пух* и *прах* (пусть фразеологизация несколько стерла эту предметность).

Близкая образность (действие разворачивается как движение мельчайших предметов — например, водяных капель) проявлена и в интересном значении арх. *зачепушить* — ‘пойти мелкому дождю’: «Мелкий дож — чимра, зачепушил там» [АОС, 21: 198]. Кажется, другие «физические», «предметные» значения у *чепушить(ся)* и его приставочных глагольных производных в говорах не отмечены.

Жаргонные словари, как и литературные, практически не фиксируют *чепушить(ся)* и приставочные образования. Но интересные результаты дает поиск в интернете (блоги, форумы, где представлена живая речь пользователей сети), указывающий на то, что глаголы на *чепуш-* занимают весьма прочное место в общерусском **просторечии** (реже — различных **жаргонах**). В дополнение к этим данным мы провели сетевой опрос информантов — жителей разных городов России (в нескольких случаях — Украины, Белоруссии и Литвы). В опросе участвовало около 70 человек. Кроме того, сетевой опрос был проведен Б. Л. Иомдиным (за что выражаем ему сердечную благодарность): подписчики

¹ <https://b1.cooksy.ru/articles/leksicheskie-resursy-poeticheskogo-yazyka-eto/>

телеграм-канала «Узнал новое слово»² отвечали на вопрос «Встречалось ли вам слово *расчепушить*?». Выяснилось, что слово известно 30 % опрошенных (из 1426 участников); это довольно значительное количество. Приведем значения и контексты³.

Помимо рассмотренного ранее *чепушить(ся)* ‘говорить чепуху, глупости’, этот глагол и приставочные образования используются в разнообразных значениях, которые можно разделить на две большие группы: 1) обозначения действий с предметами; 2) обозначения действий, не направленных непосредственно на предметы (передвижение; речевая деятельность; интеллектуальная деятельность; поведение).

Действия с предметами

▪ *распушить, взлохматить, сделать пышным, растрепать, расчесать, растеребить, размять, разворошить что-либо рыхлое и мягкое (чепушить, расчепушить)*: «Расчепушить — это сделать пышным. Расчепуши башку-то» (Кировская обл.) [ЛЗА]; «Чепушить — взлохмачивать волосы, нарушая прическу. Это в моей семье от бабушки, маминой мамы» (Татарстан) [ЛЗА]; «И если вы высушите волосы как попало, феном вверх и еще и полотенцем расчепушите, будет мрак» [ОБИ]; «Постирала пуховый комбинезон Артиклайн. Пух скомкался внутри комбинезона. Возможно ли привести в былой вид? — Руками прям через ткань пух расчепушите — и так несколько раз, пока сохнет»⁴; «Кроме того, уплотнённое сено надо уже в печке расчепушить, иначе оно будет дымить, а не гореть»⁵; «Есть подобные мочалки, у меня желтая была, дак я ее расчепушил и иногда использую»⁶; «Ты размахратишь туалетную бумагу, я расчепушу диван» <из диалога, приписываемого двум котам>⁷; «Затем выкладываю заморозку поверх кусков и закрываю крышкой. Газ убавляю до минимального и даю заморозке подтаять до того состояния, чтобы можно было ее расчепушить аккуратненько вилкой»⁸; «А эти по 175 <тюки сена> — рыхловаты. Потому и радуюсь, что козы скомпоновались так, что тюк на вольер на сутки. Расчепушить не успеют, раньше сожрут»⁹; «Значит, ядреная щетина, как у кабана, что без температуры ее не расчепушить»¹⁰;

▪ *нарушить целостность чего-либо, вскрыть, распотрошить, растеребить, разорвать на мелкие части (чепушить, расчепушить)*: «Бабушка моя говорила, чтобы приготовить голубцы, надо расчепушить кочан капусты» (Боровичский р-н Новгородской обл.) [ЛЗА]; «*Расчепушить* есть, но чаще в этом значении слышу *распетушить, распотрошить* и *раздраконить*» [ОБИ]; «И я тоже расчепушила бы, а вдруг там скоропортящееся что-то»¹¹; «Слово *чепушить* я активно пользую. *Чепушить* — разбирать на составляющие, чтоб понять, как это устроено» (Екатеринбург) [ЛЗА]; «Давай конфеты расчепушим»¹²; «Захотела из шкафа все вытряхнуть — пожалуйста. Хочет

² https://web.telegram.org/z/#-1738877164_388.

³ Данные нашего опроса приводятся с пометой [ЛЗА], опроса Б. Л. Иомдина — с пометой [ОБИ].

⁴ <https://mom.life/post/5e01da4bd5a6102ae342c42c-postirala-puhovyj-kombinezon-a>.

⁵ <https://topblogger.livejournal.com/tag/alfare>.

⁶ <http://sanatur.ru/forum/viewtopic.php?f=302&t=3719&start=143>.

⁷ https://vk.com/wall-62018337_162682.

⁸ <https://www.liveinternet.ru/users/5448815/post330971774/>.

⁹ <https://fermer.ru/blog/179870/koza-kapa-ili-kak-ya-zanyalas-kozami-236226?page=383>.

¹⁰ https://pikabu.ru/story/parit_ili_ne_parit_litso_pered_bitem_7513184?cid=171772369.

¹¹ <https://www.mycharm.ru/post/44162/>.

¹² https://langobard.livejournal.com/3406159.html?noscroll&utm_medium=endless_scroll#comments.

органайзер расчепушить — ради бога. Я разрешаю ей многое, но слежу за безопасностью»¹³; «Перескочила верхняя цепь — и расчепушило в ключья два успокоителя, и сломало один башмак, это добро размолотило цепью в кашу»¹⁴ <форум автолюбителей>; «Сижу чепушу семена бархатцев, чуфу нужно тоже убрать, “веселых ребят” тоже расчепушить»¹⁵;

▪ **разменять** (о деньгах): «На Волге употребляют так: Дай я эту штуку (в смысле 1000 рублей) сейчас расчепушу, завтра с утра труднее будет»¹⁶;

▪ **привести что-либо в беспорядок** (*чепушить, начепушить, расчепушить*): «Всё было прибрано, я пришла и, как обычно, все расчепушила, то есть бардак после меня. Мама так говорит» (Екатеринбург) [ЛЗА]; «Бабушка жила в Бредах и ругала меня за беспорядок: я, мол, начепушила» (Челябинская обл.) [ЛЗА]; «Чепушить — перебирать сложенный в обычном порядке материал, ткани, одежду или бумагу, книги, нарушая порядок, как правило, в срочном поиске чего-либо» (Татарстан) [ЛЗА]; «Расчепушить — это разворотить» (Вильнюс) [ЛЗА];

▪ **бить, ударять** (*чепушить*): «Поймали парнишку — и ну его чепушить, насилиу вырвала» (Москва) [ЛЗА].

Действия, не направленные на предметы

▪ **передвижение и положение в пространстве**: двигаться в разные стороны, суетиться, мельтешить (*чепушить*): «Чего чепушишь, в глазах от тебя мельтешит» (Екатеринбург) [ЛЗА]; ▪ **расставить в разные стороны**: «Макияж намакиярила, волосья в прическу прилизала, брюки белые, пухан красный, ногти наманикюренные в разные стороны расчепушила, еду самая красивая в маршрутке»¹⁷.

Возможно, с этими значениями связано также значение прихрамывания, отмеченное в гуцульских говорах украинского языка: *чепу́шити* ‘прихрамывая, медленно идти’ [МСГ: 218];

▪ **совершать активные, но бестолковые, бессмысленные действия** (*чепушить(ся), начепушить*): «Чего ты тут начепушила? Толку никакого, а сил много ушло» (Екатеринбург) [ЛЗА]; «Чего ты чепушишься? Сядь и подумай» (Новосибирск) [ЛЗА];

▪ **сделать что-либо неправильно, совершить ошибку** (*начепушить*): «Программа начепушила тут. Процессор в конце начепушил» (Москва) [ЛЗА]. Подобное значение зафиксировано и в украинском языке: «Ти тут у цій задачі шось начепушив. Передивись іще раз свій розв’язок»; «Він так начепушив із цим котлом, що півроку переробляли» (Запорожская обл.) [ЛЗА];

▪ **обмануть, провести кого-л.** (*начепушить, расчепушить*): «Начепушили меня на рынке» (Свердловская обл.) [ЛЗА]; «Начепушили тебя знатно, обвесили» (Новосибирск) [ЛЗА]; «Чепушину гоппики легко расчепушат, проведут, а то и побьют» (Екатеринбург) [ЛЗА];

▪ **иметь незаконный заработок** (*чепушить*): «Чепушит, ездит с левыми концертами, бабло стрижет» (Екатеринбург) [ЛЗА];

▪ **ругать(ся), бранить(ся)** (*чепушить, расчепушить*): «Пугливый у нее парень, чуть что — чепушит его вовсю» (Москва) [ЛЗА]; «Она его расчепушила, слушать даже не стала» (Екатеринбург) [ЛЗА]; «У нас завуч употребляет слово *расчепушить* в значении ‘отругать,

¹³ <https://www.baby.ru/blogs/post/240578554-89248411/>.

¹⁴ <https://volga-gaz.nnov.ru/forum/viewtopic.php?p=70838>.

¹⁵ <https://fermer.ru/blog/25593/iz-goroda-v-selo-ili-lph-chastnoe-podvore-prodolzhenie-245126?page=411>.

¹⁶ <https://ru-etymology.livejournal.com/519520.html>.

¹⁷ <https://qna.center/question/6542324>.

пропесочить» [ОБИ]. Ср. также в белорусском языке: сев.-зап. *чапушыцца* ‘ссориться, жить не в согласии’ [СПЗБ, 5: 403];

▪ баловаться, хулиганить, совершать что-либо противозаконное (*чепушить, начепушить*): «Пока стояли в коридоре, чепушили, петарды да хлопушки. Препоп вышел с кафедры — ему в лицо взорвали и убежали» (Екатеринбург) [ЛЗА]; «Значит, когда они летят на красный (а не на какой-то только им видимый желтый), они орлы... герои... пацаны. А когда начепушат, то сразу становятся ягненками»¹⁸;

▪ «распустить хвост», пытаться понравиться, произвести хорошее впечатление; красоваться; хвастаться (*расчепушить крылышки, расчепушиться*): «Неожиданно расчепушил свои крылышки полковник Олег, который до этого момента всегда отмалчивался в сторонке»¹⁹; «Расчепушился — нарядился куда-то во всей красе, больше, чем необходимо для похода, поездки» (Екатеринбург) [ЛЗА]; «Встречалось слово *расчепушился* применительно к человеку: резко встрепенулся, как бы распушил свои перья, стал какие-то активные действия предпринимать» [ОБИ]; ▪ вести себя высокомерно, надменно (*расчепушиться*): «*Расчепушиться* — расхорохориться, распушиться от важности» (Свердловская обл.) [ЛЗА]; ▪ нахохлиться, «набычиться», принять угрожающий вид (*начепушиться*): «Начепушился — нахохлился как воробей, приготовился к конфликту, драке, спору» (Екатеринбург) [ЛЗА];

▪ насиловать, осуществлять половой акт (*чепушить, расчепушить*): эвфем. груб., угол. жарг. «Ах, расчепушить бы ее так, чтоб полетели перышки и растрепались локоны, Фредди провоцирует»²⁰; «*Чепушить* — зоновское слово. Опустить сексуально» (Нижний Тагил) [ЛЗА]; ▪ заниматься любовью (*чепушить, чепушиться*): жарг. «Сидел парень на зоне, вспоминал слово *чепушиться* — ну, с бабой барахтаться» (Свердловская обл.) [ЛЗА]; жарг. «Слово *чепушить* про половой акт, видела на форуме про панк-рок нулевых» (Екатеринбург) [ЛЗА]; диал. смол. «Я в Ельнинском районе Смоленской области в 2004 г. слышала: “Дедушка расчепушил нашу бабушку”. Одна из пожилых певиц была замужем, остальные вдовы. Замужняя опаздывала к нам на запись певческой группы. И вот одна из певиц сказала такую фразу. Все громко засмеялись. Я спросила, что имелось в виду. А мне: “А что, тебя муж не чепушит? Не знаешь, что это такое?” Все засмеялись еще громче» (Москва) [ЛЗА].

В изучаемом гнезде представлены также **субстантивные** и **адъективные дериваты**, которые гораздо в меньшей степени, чем глагольные, разнообразны и интересны в плане семантики, ср. слова *чепухня, чепуховина, чепуховый* и пр., которые практически не дают смыслового сдвига по отношению к производящей лексеме.

Из слов, в значении которых наблюдается некоторый сдвиг, приведем костр. *чепушня* ‘мелкий мусор’: «Ну-ко, подмети всю эту чепушню», «Чепушни-то сколь под кроватью» [ЛКТЭ]. Укажем также на лексемы *чепушила, чепушило*, которые функционируют, как представляется, в общерусском просторечии и в различных жаргонах, преимущественно молодежных: ▪ лохматый человек, человек с всклокоченными волосами: «У нас чепушилой называли нелюбимую учительницу, у нее были очень пушистые волосы, выглядела лохматой» (Свердловская обл.) [ЛЗА]; «Чепушила лохматый, ну вот типа Бориса Джонсона. Я его так всегда называю, причем именно из-за его прически, которую вечно как будто кто-то расчепушил!» (Екатеринбург) [ЛЗА]; ▪ непоседливый, вертлявый человек (Владимирская обл.) [ЛЗА]; ▪ человек, не заслуживающий серьезного отношения, никчемный человек: «Чепушила, чё уши распушила?»²¹; «Чепушило он, балбес, чего с него взять» (Новороссийск) [ЛЗА]; «Чепушило — чепушило

¹⁸ <https://moe-online.ru/nn/reporter/476340>.

¹⁹ <https://pipe-s.ru/kak-zakalyalas-pechal-trubin/>

²⁰ <https://yandex.ru/search/?text=расчепушить&lr=54&clid=2270456&p=1>

²¹ <https://znachenie.mozaiyka.ru/articles/chepuha-na-blatnom-zhargone-chto-takoe.html>.

и есть, доверия нет к нему» (Никольск Вологодской обл.) [ЛЗА]; ■ глупый человек, простак; тот, кого легко обмануть: «Чепушила — ну так все понятно, не будешь с ним серьезно говорить» (Екатеринбург) [ЛЗА]; «Чепушила несуразный, сродни лоху, чепушину гопники легко расчепушат, проведут, а то и побьют» (Екатеринбург) [ЛЗА]; «Чепушила — простак, верит в любую чепуху» (Свердловская обл.) [ЛЗА]; ■ болтун, врун: «Чепушила врет чего ни попадя, чепуху болтает» (Ишим Тюменской обл.) [ЛЗА]. Еще одно значение этого слова отмечено в тюремном жаргоне, где *чепуши́ла* — человек «низшей касты» в лагерно-тюремной иерархии, причем нередко заключенный, которого «опустили» в сексуальном плане²², ср. пояснение носителя уголовного жаргона: «Если по свободе чепушилой назовет мужик мужика, то он его обидел. А если так назвать человека на зоне, то значит, он опущен. Он же *гребень*. Если ты так назовешь на зоне неопущенного, то это смертельное оскорбление» (Екатеринбург) [ЛЗА]. Слово *чепуши́ло* фиксируется также в украинском жаргоне в значениях ‘дурень’, ‘алкоголик’ [Ставицька 2005: 362].

Заканчивая обзор элементов изучаемого гнезда, выделим особо фактор их **экспрессивности**. По сути, все слова, представленные выше, в той или иной (подчас значительной) степени экспрессивны, при этом экспрессивность семантики поддерживается выразительной фоносимволикой (сочетание *ч-п-ш/х*). Отсюда повышенная возможность экспрессивного словотворчества в этом гнезде. К примеру, окказиональное слово *чепушинка* было выбрано переводчиком (Р. Рыбкиным) в качестве заголовка и ключевого слова в русском варианте²³ рассказа Р. Брэдли «Doodad»²⁴. Английская параллель — *doodad* — тоже обладает экспрессивной фоносимволикой; интересно, что Брэдли включает *doodad* в целый ряд слов-аналогов, среди которых несколько придуманных: «The sign on the shop said: *thingumabobs, doodads, whatchamacallits, hinkies, formaldaldefrays, hootinannies, gadgets*» (ср. в русском переводе: «Слова на голубом стекле были такие: *штуковины, финтифлюшки, пустаковинки, барахлилки, штучки-дрючки, чепушинки, ерундовины*»).

Ярчайшее проявление экспрессивных возможностей изучаемых слов видится в том, что они легко разворачиваются в тексты, построенные на словообразовательной игре в гнезде *чепуш-/чепух-* и связанном с ним морфо-семантическом поле. Два таких шуточных текста с целым рядом игровых окказионализмов встретились нам при сборе материала: «Мы веселые мышата, Или просто — чепушата! В тихом подполе живем, Крошки хлебные жуем. Постоянно суетимся, Чепушимся, чепушимся! Чепушата мама с папой, Чепушата брат с сестрой, Даже дед и баба Чапа Чепушата день-деньской! Только скрипнет половица — Перестанем чепушиться! Шорох там и шорох тут... Мыши весело живут! Шум, возня и боготня, Остальное — чепухня!»²⁵; «Чепуховая сказка. В Чепухландии жила семья Чепухов: Чепух, его жена Чепушка и маленький Чепушонок. Они жили в лесу на берегу прекрасного Чепушьего озера и собирали чепушину. С ними жил чепушистый котенок. Его звали Чепушок. Жили они дружно, но иногда чепушились из-за всякой чепухи. Летом Чепухи ходили в гости к бабушке Чепуховне и деду Чепухаю. Дед и бабка всегда угощали их пирожками с чепухой. А зимой Чепухи впадали в спячку под чепуховыми одеялами» (Екатеринбург) [ЛЗА].

Версии относительно происхождения слова *чепуха*

Слово является этимологически трудным.

²² <https://obnovka-shop.ru/how-to-made/chepushila-cto-znachit.html>.

²³ <https://raybradbury.ru/library/story/43/7/1/>.

²⁴ <https://raybradbury.ru/library/story/43/7/0/>.

²⁵ <http://www.myjulia.ru/post/797064/>.

По мнению А. И. Соболевского, *чепуха* родственна слову *чепец* и другим лексемам гнезда *чеп-/цеп* (где *ч* — отражение чоканья): «Древнерусский язык и современные русские говоры имеют *ч* в *чепь* (= *цепь*) и родственных: *причепиться*, *чепец*, *очепок* <>, *чепуха*» [Соболевский 1907: 151]. Семантический аспект не объясняется, но, судя по связям в гнезде, *чепуха* — «то, что цепляется».

Н. В. Горяев [1896: 410] объясняет слово так: *чепуха* = *тице* (пусто) и *-пух-а* = *-пых-а* (нечто надутое?). А. Б. Преображенский [1949: 63] относится к этой версии с сомнением и считает слово неясным. Мнение относительно неясности разделяет и М. Фасмер, который отвергает как горяевскую версию *тице-* + *пухнуть*, так и смоделированную им самим возможность «прочитать» слово как приставочный дериват **че-пуха* от *пухнуть* [Фасмер, 4: 334]. О. Н. Трубочев, комментируя М. Фасмера, указывает на версию Н. М. Шанского, согласно которой *чепуха* производна от **щепна* [Там же].

Наиболее подробно Н. М. Шанский излагает свою версию в статье «Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера» [Шанский 1959: 39], а затем полностью повторяет этот пассаж в книге «В мире слов», где посвящает интересующему нас слову этюд «Ерунда и чепуха» [Шанский 1985: 135–136]. Дадим подробную цитату, значимую для наших последующих рассуждений: «Анализ слова *чепуха* как определенного звена словообразовательной цепи в ряду родственных и однотипных по структуре и значению слов позволяет дать, как нам кажется, весьма вероятное объяснение родословной этого слова. Вполне возможно, что существительное *чепуха* было образовано при помощи суффикса *-уха* (ср. с тем же суффиксом слово *шелуха*, родственное словам *шелудивый*, *выхолостить* и т. д.) от не сохранившегося в языке слова *чепна* ‘щепа’ (из **кепа*), родственного слову *щепна* (из **скепа*, ср. *щепить* — *оскомина*, *щель* — *скала*, *щадить* — *скупный* и т. д.). Однокорневые **кепа* (> *чепна*) и **скепа* (> *щепна*) отличаются друг от друга так же, как *кора* и *скора* и т. п. Старое значение слова *чепуха*, соотносительное с семантикой слова *щепна*, наблюдалось еще в XVIII в. (ср. пример, приводимый Б. М. Ляпуновым из “Краткого описания путешествия по северным морям” 1754 г.: “Льды от ветра в чепуху разбиваются”, т. е. “льды от ветра разбиваются в щепки”²⁶). Кстати, подобное развитие значения наблюдается и у синонимического слова *вздор*, в современном общелитературном значении продолжающего существительное *вздор* в значении ‘мусор, стружка’ — “то, что остается вздорно после рубанка”» [Шанский 1985: 136].

Эта же фраза из М. В. Ломоносова цитируется В. В. Виноградовым, который считает, что первоначальное значение слова *чепуха* — «мелкие части чего-нибудь разбитого» (ссылаясь на В. И. Чернышева), однако при этом поддерживает этимологическую версию А. И. Соболевского относительно родства с *причепиться* и допускает, что «семантической параллелью к переходу значений может служить слово *путаница*, которое еще в русском литературном языке XVII–XVIII вв., кроме спутанных веревок, ниток, шелка, обозначало в просторечии ‘враки, пустые слова’» [Виноградов 1999: 817]. Нужно заметить, что В. В. Виноградов не совсем точно передает формулировку В. И. Чернышева, который восстанавливал для *чепухи* исходную семантику не «мелкие», а «мягкие <выделено нами. — Е. Б.> части чего-нибудь разбитого» [Чернышев 1935: 401], опираясь при этом все на ту же фразу М. В. Ломоносова, но не делая выводов этимологического характера.

Признавая, как и ряд других этимологов, что *чепуха* — «в этимологическом отношении не совсем ясное слово», П. Я. Черных выдвигает версию, близкую версии Н. М. Шанского: «...может быть, из **щепуха*, от *щепать* — ‘колоть мелко дерево’, ‘драть по слоям’. Ср. *вздор*, где о.-с. корень тот же, что в *драть*, *деру*. Появление новой формы *чепуха* связано с исчезновением из общерусского языка слова *чуха* с тем же знач., отмечаемого словарями XVIII в. (...) Может быть, имела место контаминация этих слов (*чухи* и *щепать*), откуда **щепуха* > *чепуха*. Правда, происхождение слова *чуха* также не очень ясно» [Черных,

²⁶ Имеется в виду цитата из М. В. Ломоносова, которая приводилась нами выше по первоисточнику. — Е. Б.

2: 379–380]. А. К. Шапошников, говоря о слове *чепуха*, тоже указывает, что в русском языке XVIII в. было известно еще и слово *чуха* в интересующем нас значении; при этом характер связи *чухи* и *чепухи* автор не определяет, указывая лишь, что *чепуха* — «собственно русское экспрессивное новообразование» [Шапошников, 2: 518].

Другие этимологи, так или иначе затрагивавшие в своих трудах это слово, сочувственно упоминают в первую очередь версию Шанского — Черных — Трубачева: «Возможно, **чепуха* от *щепать* ‘колоть мелко дерево; драть по слоям’, первоначально ‘стружки, сор’» [Шведова, Куркина 2008: 1086]; см. также [Варбот 2012: 125; Цыганенко 1989: 477; Шалаева 2021: 124–125] и др.

В ряде случаев из выкладок исследователей исчезает гипотетичность — и это происходит, к сожалению, не только по отношению к формулировке самой этимологической версии, но и по отношению к исходным лексическим данным. Так, Г. П. Цыганенко [1989: 477] пишет: «В памятниках XVIII в. <*чепуха*> отмечается в знач. ‘щепки’, ‘крошево’». Но никакие ссылки не приводятся — и нам остается лишь полагать, что автор имел в виду не раз упоминавшуюся цитату из М. В. Ломоносова, из которой совсем не следует, что у *чепухи* было именно значение ‘щепки’. В. В. Колесов тоже уверенно продвигает «древесную» версию, приписывая Ломоносову соответствующий сценарий употребления слова: «Представление о пустом — “пустяке” — в русской культурной традиции издавна строится на образе сора, мусора или щепы, остающейся от работы с деревом. Это — ненужность: *вздор* из *съдорь*, так же и *дрянь* — отбросы от “дранья дерева”, *чепуха* — от *чепы* (мелкая щепы), *дребедень* от *дребезг* и т. д. Еще М. В. Ломоносов слова *вздор* и *чепуха* употребляет в их номинативном значении ‘мусор, ненужные отходы’» [Колесов 2015: 100]. «Щепная» версия повторена в [РФ: 97; 750; 761] — и тоже без предположительной модальности: «*Городить чепуху* — буквально “нагромождать строительный мусор”; исходно *чепуха* означает ‘щепы, строительные отходы’. Такая семантика отмечается у этого слова еще в XVIII в.» [Там же: 750]. В таком же духе интерпретирует первоначальную семантику выражения *городить чепуху* Ж. Ж. Варбот («собственно ‘собирать, сваливать в кучу щепки, хворост’» [Варбот 2012: 559]), которая не занимается непосредственно этим выражением, но приводит его в связи со своими рассуждениями о происхождении праслав. **trunъ*²⁷.

Думается, что «щепная» версия, которая безусловно является лидирующей в этимологической литературе, **может быть оспорена со следующих позиций:**

- при всем своем остроумии предположение Н. М. Шанского умозрительно, поскольку базируется на постулировании слова **чепы*, которое не засвидетельствовано словарями. Вариация, предложенная П. Я. Черных, тоже постулирует не отмеченное источниками слово — в данном случае **щепуха*;
- единственный известный этимологам факт, где *чепуха* используется в предметном значении, — фраза М. В. Ломоносова — не подразумевает того, что за изучаемым словом стоит именно образ щепок, поскольку речь идет о льдах. По крайней мере, щепки здесь отнюдь не более предпочтительны, чем любая другая «вещная манифестация» чего-либо измельченного. Как мы видели, новые фиксации предметных значений *чепухи* (оренб. ‘мусор’, ‘мелкая деталь какого-л. предмета’, костр. ‘остатки еды, объедки’, ср. также костр. ‘ошибка при вдевании пряжи в щепки при собирании кросен’) тоже не позволяют абсолютизировать образ щепок;
- нет оснований и для того, чтоб в качестве «подпорки» для образа щепок привлекать выражение *городить чепуху* (полагая, что «горожение» связано с древесным

²⁷ Наконец, *чепуху* вскользь упоминает Г. Шустер-Шевц в своем «Историко-этимологическом словаре верхнелужицкого и нижнелужицкого языков»: в статье *chalupa* ‘изба, хата’ он пишет о корне **chol-* ‘что-то отрезанное; то, что отщепилось’ → ‘малоценный’. В качестве параллели, реализующей эту модель, он приводит верх.-луж. *šapor* ‘бесполезная вещь, барахло, ветошь’ и русск. *чепуха*, отмечая, что старшее значение последнего слова — ‘щепка, осколок’ [Schuster-Sewc, 6: 373]. Таким образом, Шустер-Шевц тоже использует «щепную» версию происхождения интересующего нас слова.

материалом). Проанализировав глагольную сочетаемость таких слов, как *чепуха*, *ерунда*, *чушь*, *вздор*, мы не обнаружили особых предпочтений в выборе управляющего глагола: все это можно и *городить*, и *нести*, и *молоть*, и *пороть* etc., при этом для *чепухи* самым ранним из зафиксированных является сочетание с *молоть* (см. выше), но это не значит, что следует выстраивать сценарий, в рамках которого она должна выступать именно как продукт обмолота. Эта же логика позволяет нам критически относиться к образу «нащипанных» овощей, стоящему будто бы за выражением *чепуха на постном масле* (см. выше).

Особняком стоит гипотеза А. Б. Страхова, который в этюде «Пух и чепуха» [Страхов 2005: 21–23] реанимирует отвергнутую М. Фасмером (его собственную) гипотезу о связи *чепухи* и *пуха*: «Я думаю, что льды в “Кратком описании...” Ломоносова разбиваются на совсем “мелкие части”, по самарскому выражению, — *в пух и дребезги*, и *чепуха* представляет собой сложение экспрессивной (“усилительной”) приставки *че-* и корня *пух-*. В плане эволюции семантики у слова *чепуха* ср. латин. *flossus* ‘клочок шерсти, пушинка’ > ‘пустяк, безделица’, русск. *вздор* и пр.» [Там же: 22]. Дополнительный аргумент, как указывает А. Б. Страхов, параллелизм глаголов *исчепушить* (см. выше) и *пушить*, который тоже отмечен в говорах в «бранном» значении [Там же]. Именно эту версию мы считаем верной — и ее будем развивать далее.

Аргументация в пользу версии о *чепушить* = *че* + *пушить*

Внутригнездовые параллели

Более полный учет лексических данных (по сравнению с тем, что было в распоряжении А. Б. Страхова) позволяет говорить об устойчивом параллелизме слов в гнездах *чепух-//чепуш-* и *пух-//пуш-*. Среди существительных интересную пару образуют *чепуха* и арх. *пушка* ‘ложь; вздор, чепуха’: «Зря говорят таку пушку, что мы семьдесят лет не роботали — везде робили, награду заслужили» [КСГРС]. Принадлежность *пушки* к *пух-//пуш-* подтверждается словообразовательными омонимиями: арх., влг. *пушка* ‘подушечка пальца’, ‘гриб-дождевик’ и др. [Там же].

Наиболее многочисленные параллели обнаруживаются среди глаголов, ср. приведенный Страховым пример — *исчепушить* // *пушить* ‘(из)ругать’. Следует сделать уточнение: последний глагол квалифицируется словарями не как диалектный, а как просторечный, ср. *пушить* ‘сильно бранить кого-либо, распекасть’: «Генерал при нижних чинах давай пушить командира: “Как ведете роту! Белоручки! Неженки!”» <Куприн> [ССРЛЯ, 11: 1174–1175]; приставочный дериват с приставкой *раз-* — как разговорный, ср. *распушить* ‘сильно бранить’: «Шум поднял такой, всех распушил!» <Гоголь> [ССРЛЯ, 12: 771]. Без территориальных помет даются дериваты глагола *пушить* и в [СРЯ ИАН, 2: 674; 2/6: 1815]: *выпушить* ‘побранить’, *запушить матерей* ‘ругаться матерными словами’ [СРЯ ИАН, 2/6: 1815]. Это говорит о широком распространении «бранной» семантики указанного глагола; ср. также диалектные и жаргонные данные: арх. *вспушить* ‘поругать, выбранить’ [АОС, 6–7: 54], влг. *запушиться* ‘начать ругаться, сквернословить’ [СВГ, 3: 169], смол., сев.-двин., вят. *напушить* ‘обругать, выругать кого-л.’, тульск. *напушиться* ‘поругать кого-л. много, вдоволь’ [ОСВГ, 6: 181; СРНГ, 20: 113], ср.-урал. *подпушивать*, *спушивать* ‘бранить, журить’ [КДЭИС], тульск., курск., ср.-урал. *попушить* ‘пожурить, отругать’ [СРНГ, 30: 21; КДЭИС], казан., влг., арх. *пушиться* ‘ругаться, браниться’ [Моисеенко 2002: 111; СРГК, 5: 365; КСГРС], пск. *распушить в пух и прах* [СПП: 64], жарг. морск. *распушить* ‘сделать выговор’ [Солнышкина 2005: 167] и мн. др.

Параллелизм проявлен и на уровне других значений в гнездах *пушить* и *чепушить*, ср. *пушійть* смол. ‘бить, наносить побои’ [СРНГ, 33: 173], перм., карел. ‘бросать, забрасывать чем-л.’ [СРГЮП, 2: 494; СРГК, 5: 365], карел. *запушійть* ‘забросать, закидать чем-н.’ [СРГК, 2: 187], костр. *напушійть* ‘обмануть, провести кого-л.’ [ЛКТЭ], *распушійться* ср.-урал. ‘сесть, заняв много места’ [КДЭС], башк., дон., курск. ‘принарядиться’ [СРГБашк: 286; СРНГ, 34: 194], самар. ‘слишком много позволить себе’ [СРНГ, 34: 194], простореч. презр. *распушійть хвост* ‘стать заносчивым, дерзким’ [Федоров, 2: 120], жарг. *гребень распушійть* ‘принять воинственный вид, ответить грубостью на грубость; задираться’ [Городин 2021: 62] etc. Любопытна и весьма точная «рифма», которую составляют слова из тюремного жаргона, ср. приведенное выше *чепушила* (*чепушило*) и *пушійстый* ‘заключенный, добровольно сотрудничающий с администрацией ИТУ; доносчик, осведомитель’ [Зугумов 2015: 201] и т. п. (такие заключенные тоже принадлежат к «нижней касте»).

Все эти значения (и ряд других) закономерно возникают на основе предметной семантики глагола *пушить*, которая, помимо основного значения ‘сделать пушистым, пышным’ (с дальнейшим развитием признака увеличения в объеме), включает в себя значения ‘раздергать’, ‘растрепать’, ‘разрыхлить’, ‘расчесать’, ‘раздробить, размять’ и пр., которые, как мы видели, представлены и у глаголов на *чепуш-*.

Анализ развития семантики слов типа литерат. *пушить*, урал. *спушивать* ‘ругать, бранить’ проводит в своей диссертации, посвященной этимолого-мотивационному анализу лексики со значением брани, А. В. Хелемендик [2007: 54–55]. Автор пишет о том, что семантика брани могла появиться на основе значений ‘разделявать, обрабатывать тушу забитого на мясо животного’ (урал. *пушить* ‘ошипывать птицу, готовя к жаренью, варке’), ‘очищать внутреннюю часть шкуры, делая ее ворсистой’ (литер. *пушить*), ‘взбивать что-либо, делать пышным, пушистым’ (литер. *распушить*), ‘боронить, рыхлить землю’ (арх. *вспушить* ‘сделать рыхлым’). Иначе говоря, значения производящего глагола могут быть связаны с сельскохозяйственной сферой деятельности, ткачеством, кулинарией, кожевенным производством.

Перекидывая мостик от вторичной семантики брани, ругани, сварливости к семантике «чепушения» (= говорения ерунды), следует отметить, что они близки не только потому, что в обоих случаях речь идет о негативно воспринимаемой речевой деятельности, но главным образом из-за того, что на уровне вещных коннотаций *брань* и *чепуха* могут быть опредмечены с помощью образа разрывания, расслаивания, измельчения etc. какого-либо материала, только в случае брани смысловой акцент делается на процессе рванья, разрывания в клочья (ср. *склока*), битья (его интенсивности, деструктивности и пр.), а в случае чепухи — на мелком размере (при большом объеме) результатов рванья. Эта близость поддерживается многочисленными случаями совмещения этих значений в смысловой парадигме одного слова, в одном гнезде, ср. хотя бы *взор* и *взорный*.

Семантика говорения чепухи, пустой болтовни обнаруживает регулярные связи с семантикой обмана, а источниками «обманных» значений, как показала В. С. Кучко, тоже нередко выступают значения разрывания, измельчения, удара и пр. — ‘молоть’, ‘боронить’, ‘пороть’, ‘хлопать’ etc. [Кучко 2017: 133–137]. Первичные мотивировки такого рода характерны вообще для лексики говорения, которое часто осмысливается в образах производственного процесса [Березович 2014: 307–323]. Все это позволяет найти для рассматриваемых слов семантико-мотивационные параллели. Примеров много, но мы приведем те из них, которые «не избиты» (в отличие от часто упоминаемых *вздора*, *дребедени*, *дряни*).

Внешние семантические и семантико-словообразовательные параллели

Параллели *чепухи* наблюдаются в большом количестве гнезд, при этом наиболее интересны для нас те гнезда, где есть целые смысловые регистры, в которых сопрягаются

(в разных комбинациях) значения «вспушивания», раздираания, битья, растрясывания, измелчения — и говорения ерунды, брани, обмана etc.

Наиболее полную и красивую параллель дают слова с корнем *хвост-*. Приведем сначала некоторые корневые слова из этого гнезда и образования с продуктивными приставками. Влг., костр. *хвостить* ‘говорить чепуху’, ‘врать’ [СРНГ, 50: 101; ЛКТЭ] и арх. *охвостье* ‘ерунда, глупости’: «Всякого охвостья тут наговоришь» [КСГРС] представлены здесь наряду с *хвостить* яросл., новг. ‘мять, перемалывать’, ворон. ‘бить, хлестать’, влг., свердл. ‘важничать, задаваться’ [СРНГ, 50: 100–101], литер. *охвостье* ‘остатки от первичной очистки зерна веянием’, ‘спец. низший сорт шерсти, состригаемой с хвоста, лба, щек и внутренней поверхности ляжек животного’ [ССРЛЯ, 8: 1750], новорос., пск., яросл. ‘отходы при переработке льна’, забайк. *охвост* ‘солома’ [СРНГ, 25: 29; ЛКТЭ], пск. *охвостина*, твер., пск. *охвостка* ‘сплетница’ [СРНГ, 25: 29] и пр. Этот фон дает возможность с высокой долей уверенности отнести к рассматриваемому гнезду слова со следующими архаичными приставками: ■ *ши-*: костр. *шихвост* ‘болтун’, ‘хитрец, ловкач’ [ЛКТЭ]; ■ *че-/чи-*: простореч. *чехвостить*, *чихвостить* ‘бранить, пробирать’, ‘бить, сечь’ [ССРЛЯ, 17: 1092–1193], костр. *чихвостнуть* ‘об интенсивном действии: ударить, щелкнуть, вспыхнуть, издать громкий звук’, перм., урал., волог., новг., костр., калуж., вят., перм., симб., дон., пенз., пск., смол. *отчехвостить*, *отчихвостить* ‘высечь, выпороть, отхлестать’, калуж., курск., свердл. *отчихвостить* ‘резко, грубо ответить; обругать кого-либо’ [СРНГ, 34: 324]; ■ *ба-/бу-*: нижегор., сарат., симб. *бухвостить*, нижегор., яросл., ср.-урал., дон., сарат. *бухвостить* ‘сплетничать’, нижегор. (уд.?) *бухвостить* ‘шататься без цели’ [СРНГ, 3: 322], *бухвастить* влад. ‘бить’, ‘бранить’, влад., ср.-урал. ‘ябедничать, сплетничать’ [Там же: 321], пск. *бахвостить* ‘сплетничать’, *бахвостка* ‘сплетница’ [СРНГ, 2: 153] и др.

Если слово *шихвост* интерпретируется впервые, то относительно дериватов на *че-/чи-* высказался М. Фасмер: «Первоначально из *чи* “ли”²⁸ и *хвостити* “хлестать, бить”» [Фасмер, 4: 368], а относительно *бухвостить* и т. п. — А. Е. Аникин: «Образование того же типа, что *бахвостить* ‘сплетничать’, далее *балахвостить* при *балахвост* и др.: *бу-* (преф.?) + *хвостить* ‘наговаривать, сплетничать’. Менее вероятно гипотетическое сложение *бух* + *хвостить*, параллельное гипотетическому *бах* + *хвостить* (Львов). <...> Страхов видит в *бухвистить* результат развития исходного **б(ог)увѣстись*, по сближению с русск. *хвист*, *хвистеть* (сев.-зап.) вместо *свист*, *свистеть*» [Аникин РЭС, 5: 241]. Исключительно интересный материал о глаголе *хвостить* с непродуктивными приставками (и анализ широкого спектра лексики с такими приставками) дан в новейшей статье А. Ф. Журавлева [Журавлев 2022].

Думается, что тройной параллелизм экспрессивных приставок (*ше-/че-/бу-*) делает особо убедительными приведенные этимологические версии и, конечно, дает хороший аргумент в пользу выделения *че-* в *чепухе* и *чепушить*. Подчеркнем, что семантические регистры слов с корневым *хвост-* и *пуш-* накладываются друг на друга (ср. значения битья, отходов при обмолоте, разнонаправленного движения, брани, вранья, ерунды и пр.).

Еще одно любопытное (в плане параллелизма к интересующей нас лексике) гнездо — *трус-/тряс-*, ср. литер. *трясти* и простореч. *трусить* ‘трясти, растрясать’. В его семантическом диапазоне представлены несколько иные линии. Значение ерунды реализуется в таких фактах, как смол. *трясця* с *тетюхою* ‘всякая всячина, пустяки, нечто несущественное’: «Получив право на невестину косу, дружка откупает стол у девок, даря им разные пустяки, трясу с тетюхою: баранки, кусочки мыльца с наперсток» [СРНГ, 44: 108], влг. *трэсья*, *трэсья* ‘вздор, ерунда’ [СВГ, 11: 57], ср.-обск. *трүсить* ‘говорить ерунду’ [СРНГ, 45: 169], перм. *пóтрус* ‘чушь, чепуха’ [СРНГ, 30: 309], пск. *нетрүсица* ‘чепуха, вздор’ [ПОС, 21: 146, 267], влг. *патрусá* ‘нечто нелепое, смешное; ерунда; «чудеса»’: «Наговорил всяких патрусов, как разберешься?», «Патруса каки, погляди, накудесили; не так сделал — каки

²⁸ В современной этимологии значение архаичного экспрессивного префикса *че-* определяется иначе, см., к примеру, [Бјелетић 2006].

патруса стряслись» [КСГРС]²⁹. В этом же гнезде есть другие значения, общие со словами на *чепуш*:- отходов (костр. *отру́ски* ‘мучные высевки’ [ЛКТЭ], дон. *обтрусить хоботья* ‘удалить мякину’ [СРНГ, 22: 245]), суеты, беспокойства (тобол., костр. *трястись* ‘суетиться, беспокоиться’ [СРНГ, 45: 195–196], арх. *пóтрысы* ‘хлопоты, беспокойство’ [СРНГ, 30: 310]), передвижения в разных направлениях (вгл. *жить на патрусáх* ‘часто менять место жительства, переезжать, вести «кочевой» образ жизни» [КСГРС]), болтовни (свердл. *натрусить* ‘наговорить, наболтать’ [СРНГ, 20: 33]), обмана, сплетен (вгл. *натрясти* ‘насплетничать’ [КСГРС], ряз. *перетрясать* ‘судачить, сплетничать’ [СРНГ, 26: 247]), ругани (перм. *перетряску задать* ‘сделать выговор’ [Там же]). Особо выделим семантику атмосферных осадков, единожды встретившуюся в гнезде *чепуш*:- (арх. *зачепушить* ‘пойти мелкому дождю’, см. выше), но вполне устойчивую для гнезда *трус*:- томск., закам., калуж., свердл., челяб., литов., эст. (русск.) *трýсить* ‘моросить (о дожде)’, арх. *патруси́шка* ‘мелкий моросящий дождь’ [КСГРС], арх. *патрусить* ‘сыпать (о мелком снеге)’: «Сегодня выпала кижá, её порошкой не назовёшь, если только патрусило, как порошка» [КСГРС]; свердл. *пáтрусить* ‘моросить (о дожде)’ [СРНГ, 25: 276], перм., свердл., алт., курган., нв-сиб., сиб. *мáтрусить*³⁰ ‘накрапывать, моросить’ [СРНГ, 18: 36] и др. Образная основа здесь прозрачна: мелкий дождь и снег как будто «вытрясается», подобно муке из решета, образуя множество мельчайшего вещества (если добавить еще идею движения, то получим простореч. *гнать пургу* ‘говорить ерунду’)³¹. Возникает такая мысль: быть может, М. В. Ломоносов, говоривший о разбивании льдов в *чепуху*, как раз имел в виду мельчайшие льдинки, подобные дождевым или снежным каплям (подчеркнем и то, что глагол *зачепушить* представлен именно в известных ему архангельских говорах).

Если выше были приведены развернутые примеры гнезд, в которых есть несколько смысловых линий, параллельных по отношению к смысловым линиям гнезда *чепуш*:-, то далее будут даны «точечные» примеры, демонстрирующие одну-две корреляции, которые видятся наиболее важными именно для семантики чепухи, ерунды. Представляется, что релевантный сценарий, стоящий за переходом от предметных значений «пушения» к значению ерунды — это **сценарий расчесывания, трепания, околачивания, обмолота**, т. е. действий, приводящих к появлению очесок, отрепок, мякины, высевок и пр.³², ср.: ■ *костерить* (‘освобождать от костры’) — нижегор., дон., свердл. ‘бить’, диал. шир. распр. ‘сильно ругать, бранить’, арх. ‘говорить пустяки, молоть вздор’ [СРНГ, 15: 73], печор. *костерить да боронить* ‘говорить что-то бестолковое, пустое, незначительное’ [ФСНП, 1: 359]; ■ новг., ряз., дон., ставроп. *раскудэливать* ‘растрепать, взлохматить (волосы)’, новг. *раскудэливаться* ‘делаться лохматой и тонкой в результате трения (о нити)’ [СРНГ, 34: 143], сиб. *кудэлку дать* ‘побить’ [СРНГ, 15: 399], селигер. *раскудэлить* ‘отругать, отчитывать’ [Селигер, 6: 44], костр. *кудэлиться* ‘говорить ерунду, чепуху’ [ЛКТЭ]; ■ орл. *теребить* ‘отделять головки от стеблей льна’, орл. *теребень* ‘собираемые старые, подержанные вещи; старье’, ‘что-либо несерьезное, пустое; вздор; чепуха; ерунда’ [СОГ, 15: 61]; ■ костр. *отрэпи* ‘отрепки льна, пеньки; пакля’, костр. *отрэпина* ‘чушь, ерунда’: «Отрепину какую несёшь,

²⁹ Слово *нетрусица* интересно тем, что в нем приставка реализует значение *не-* = *не «не-»*, а *патруса* — наличием непродуктивной приставки *па-*.

³⁰ Здесь представлена архаичная экспрессивная приставка *ма-*.

³¹ Говоря о связи метеорологической семантики и значения ерунды, чепухи, приведем еще вгл. *ромодá* ‘пустой разговор, болтовня; ерунда, чепуха’ [КСГРС], которое явно входит в одно гнездо с перм. *ромодá* ‘метель’, ленингр. *рамада́* ‘пасмурная, туманная погода с мелким дождем’, вгл. *рамодиться* ‘проявлять беспокойство о ком-, чем-н., хлопотать, возиться’, *ромодá* вгл. ‘неурядица, скандал, беспокойство’, новг., вгл. ‘дело, занятие, доставляющее много забот, хлопотливого труда; возня, хлопоты’ и др. [Гайдамашко 2015: 42]. Р. В. Гайдамашко предполагает для этих слов финно-угорское происхождение [Там же: 43–44]. Возможно, это так, но в нашем случае важен не собственно этимон, а связь значений.

³² Значения приводятся выборочно, иначе их перечень был бы слишком велик.

послушай хоть себя» [ЛКТЭ], простореч. *трепаться* ‘болтать’; ▪ орл. *туболь* ‘сор, отходы при веянии зерна’, ‘ерунда, чушь, несуразица’: «Что ты туболь несешь?» [СРНГ, 45: 205]; ▪ селигер. *шакóла, шакóлы* ‘отходы при веянии овса, гречи, гороха’, ‘ерунда, чушь’ [Селигер, 8: 120], ср. также *шаклáтый, шаклýтый* ‘лохматый’ [Там же]; ▪ влг. *овéя, овéи, овíя* ‘отходы при веянии зерна’, ленингр. *городить áвию* ‘говорить вздор, глупости’ (слово *áвия*, по мнению Т. В. Шалаевой, — фонетический вариант формы *овéя* с переносом ударения на первый слог, переходом *о* в *а* и реализацией **ѣ* в *и* [Шалаева 2021: 125]) и др.³³; ср. также укр. *намолоти сім мешків гречаної вовни* ‘наговорить ерунды, чепухи’ [Вирган, Пилиньська 2000: 94]. Очень важно, что в этот же ряд, по всей видимости, можно поставить арх. *пу́шка* ‘чепуха’ — и курск., ворон. *пу́шка* ‘корзинка подсолнечника без семян’ (т. е. результат «околачивания» подсолнечника) [СРНГ, 33: 174]; эта параллель для *чепухи* является внутригнездовой, что усиливает доказываемую нами версию³⁴.

Мы, разумеется, не считаем этот сценарий единственным возможным — точно так же, как не стоит абсолютизировать сценарий раздирания на щепки, «щепания».

Гомогенные или гетерогенные омонимы?

В начале статьи мы приводили два полных синхронных омонима изучаемого слова — влг. *чепухá* ‘отверстие для выхода дыма в стене’ [СРГК, 6: 769] и жарг. *чепухá* ‘женские ягодицы’ [Зугумов 2015: 630], поставив вопрос о том, какая здесь омонимия — гомогенная или гетерогенная.

Думается, что для жаргонного слова можно говорить о гомогенной омонимии, поскольку оно соотносится с *чепушить, расчепушить* ‘осуществлять половой акт; насиловать’, *чепушиться* ‘заниматься любовью’ (ср. также *чепушíла* ‘заключенный, которого «опустили» в сексуальном плане»). В гнезде *чепух-//чепуш-* существительные нередко обозначают предметы, которые являются объектом ‘чепушения’; это верно и по отношению к реалии, стоящей за жаргонной лексемой³⁵.

Что касается влг. *чепухá* ‘отверстие для выхода дыма в стене’, то здесь, по нашему мнению, имеет место гетерогенная омонимия. Идентичная форма — но с другим ударением — отмечена В. И. Далем: ряз. *чепу́ха* ‘сопуха, трубная, сажа’ [Даль, 4: 607], при этом автор

³³ Ср. также контекстуальные реализации анализируемой модели: костр. «Шерсть били струной, всякий мусор на решётку летит, ерунда, чепуха-то вся» [ЛКТЭ]; ср.-урал. «Лен колды трепешь, парга кака-нибудь отлетат, пыль да грязь, да всяка ерунда» [КДЭИС]; перм. «А всялка была. И ето так вот трясет, трясет, и ерунду, ети мякины, в сторону. Зерно туды, под веятелиницу, идет» [СПГ, 1: 228]; арх. «Жыто округлица, фся йерунда ошастайеца, а потом уш и мелют» [АОС, 13: 140] и др.

³⁴ Говоря о семантико-словообразовательных параллелях, упомянем еще несколько слов с архаичными экспрессивными приставками, которые несут семантику чепухи, ерунды: ▪ префикс *ше-* выделяется в смол. *шеболáть* ‘говорить ерунду’ [ССГ, 12: 133], где самым наглядным образом видна производность от *болтать* (другое слово с этой приставкой и корнем — арх. *шеболáть*, *шеболáть* ‘большая волна на море’ [КСГРС]); ▪ префикс *че-* обнаруживается в морд. *чебурдá* ‘чепуха, ерунда’: «Ныни мьладёш събирёцц и нисёт адну чибурду, паслушьть нечивь» [СРГ-Морд: 1457] — при простореч. *бурдá* ‘то же’; ▪ интересно слово *чебúта*, которое не употребляется вне фразеологизма *чебúту молотить* ‘нести чушь’ (могилев.-смол.) [Шаповалова, Сузанович 2011: 368]. Здесь явно можно выделить префикс *че* и корень *бítь*, ср. карел. *биту́ха* ‘чепуха, ерунда’: «Пишут всяку битуху» [СРГК, 1: 72] (при карел. *биту́ха* ‘возня, хлопоты’: «Такая ведь битуха со скотиной» [Там же]).

³⁵ По сообщению одного из наших информантов (носителей городской речи), в 1950-х гг. в детской речи встречалось слово *глупости* ‘то, что между ног, половые органы’: «А (нимярек) в глупости лезет!» <крик, обращенный к воспитательнице детского сада>.

словаря предполагает для слова связь с *цепляться* (со знаком «?»), имея в виду, очевидно, что *ч* появляется вследствие чоканья. Разумеется, сюда же стоит отнести и более новую запись из рязанской деревни Деулино: *чипухá* ‘сажа’, *чипушнóй* ‘цвета сажи, черный’ [Деулино: 597]. А. Б. Страхов полагает, что эти слова следует включить в изучаемое гнездо с корневым *пух-//пуш-* [Страхов 2005: 22], поскольку «пух» можно интерпретировать как копать, мелкий летучий сор; он же приводит цитату из собрания «слов и выражений Рязанского простонародья» (1847), где указано: «*Чепуха* — сапуха (?), сажа из трубы» [Там же: 21–22], но почему-то игнорирует запись В. И. Даля (*чепухá* ‘сопуха’). В то же время слово *сопуха* важно не только для дефинирования *чепухи*, но и, по нашему убеждению, является этимолоном. Оно широко распространено в говорах — среднерусских, южнорусских и (до черних?) диалектах Сибири (курск., смол. *сóпуха*, калуж., брян., пенз., дон., астрах., яросл., нвсиб., казан., влад. *сопу́ха*, казан., влад., ряз., смол., калуж., курск., тамб., ворон., рост., груз. (русск.), куйб., краснодар., казаки-некрасовцы *сопу́ха* ‘печная сажа, копать’ [СРНГ, 40: 9]), являясь семантическим дериватом слова *сóпу́ха*, обозначающего различные конструктивные элементы печи, которые связаны с выходом нагретого воздуха: ‘отверстие в русской печи для выхода нагретого воздуха, отдушина’, ‘передняя часть русской печи, за которой находится топка и где начинается дымоход’, ‘отверстие в бочке, используемой как печка, над которым грели чайник’ и др. [Там же]. Слово *сóпуха* ‘отдушина в печи’, *сопу́ха* ‘сажа в дымоходе’ М. Фасмер уверенно связывает с *сонеть* [Фасмер, 4: 720]; О. Н. Трубачев в комментариях к этой словарной статье приводит ряд славянских соответствий: чеш. *sorouch* ‘дымоход’, укр. *сóпух* ‘чад’ и др. [Там же]. Дополнительный словообразовательный аргумент в пользу этой версии — наличие словообразовательных омонимов вроде диал. без указания места *сопу́ха* ‘о том, кто постоянно сопит’ [СРНГ, 40: 9]. Ясно, что ближайший родственник *сопухи* — литер. *сóплó*.

Первичность формы *сопуха* по отношению к *чепуха* в «печных» значениях подтверждается и тем, что первое слово имеет, как уже говорилось, очень широкое распространение, а второе фиксируется раритетно, — и в тех же говорах, что первое, ср. влг. *сопу́ха* ‘отверстие в русской печи для самоварной трубы’ [СРГК, 6: 224] // влг. *чепухá* ‘отверстие для выхода дыма в стене’ [Там же: 769]. Думается, что превращение *сопухи* в *чепуху* произошло не только по фонетическим причинам (смещение *с//ц//ч* вследствие «соканья», «цоканья», «чоканья», когда при деэтимологизации переходы идут в разных направлениях), но и вследствие контаминационных процессов: во-первых, В. И. Даль прав, говоря о возможности притяжения *сон-* → *цеп-//чен-* (сажа, копать — то, что «цепляться», а затем — метонимически — сама поверхность, на которую садится сажа); во-вторых, вероятна и аттракция к *чепухе* с корневым *пух-* (сажа, копать — мелкий летучий сор; об этом см. выше у А. Б. Страхова, но, в отличие от него, мы считаем, что здесь может быть только вторичное притяжение, а первично корневое *сон-*).

Последняя деталь: сказанное, наверное, позволяет объяснить и зап.-влг. *чебу́ха* ‘вход в подполье’ [СРГК, 6: 765]. Слово является гапаксом, фиксируется в той же зоне, что *чепухá* ‘отверстие для выхода дыма в стене’. С. А. Мызников с большим сомнением допускает для *чебухи* связь с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *säppi* ‘крючок, защелка на двери, пробой’ [Мызников РДЭС: 865]. Думается, что этот гапакс — результат дальнейших метонимических переносов и затемнения слова *сопуха*, ср. еще из той же зоны: зап.-влг. *сопу́ха* ‘отверстие в потолке овина, через которое выходил дым’ → ‘дверца в овине’ [СВГ, 10: 81].

Заключение

Из изложенного выше вытекают как частные выводы о наполнении гнезда *чепух-//чепуш-* и происхождении входящих в него слов, так и методические.

Частные выводы сводятся, во-первых, к тому, что гнездо *чепух-//чепуш-* в русском языке обширно, включает экспрессивную и преимущественно сниженную лексику с разнообразной семантикой — как предметной, так и отвлеченной. Многие слова, входящие в гнездо, ускользнули от лексикографов и оказались не включенными в корпус словарей русского языка, фиксирующих просторечие. Главные претенденты на включение — глаголы *чепушить* ‘говорить чепуху’, *расчепушить(ся)* ‘растрепать(ся), распушить(ся)’, ‘распотрошить, растеребить’, ‘ругать(ся), бранить(ся)’; относительно ряда других слов должен быть решен вопрос об их диалектной // просторечной // жаргонной природе — и они тоже должны занять свое место в словарях. Причина такого ускользания — недостаточное внимание лексикографов к словам сниженной природы, принадлежащим к сфере бытовой речи и редко попадающим в художественную литературу и публицистику. Отсутствие словарных фиксаций не позволяет увидеть объем и наполнение гнезда и затрудняет этимологизацию слов. Работы, в которых этимологи обращаются к данным просторечия и близких языковых слоев, редки (ср., например, [Киреев 2020]).

Во-вторых, анализ семантических и словообразовательных особенностей слов на *чепух-//чепуш-*, которые входят в одно гнездо, позволил установить параллелизм этих слов по отношению к лексике гнезда *пух-//пуш-* и подкрепить новыми аргументами непопулярную версию А. Б. Страхова о том, что слово *чепуха* можно интерпретировать как образование с архаичным префиксом *че-* и корнем *пух-*. Это слово, вероятно, первоначально обозначало некое вещество из множества мелких частиц, воспринимаемое как несущественное, неценное; можно предположить, что оно представлялось как результат трепания, потрошения, раздирания, размалывания (мягкие отходы от обработки какого-л. материала?). На фоне этимологизации *чепухи* была осуществлена групповая реконструкция лексики гнезда *чепух-//чепуш-*, которая позволила объяснить значения в гнезде (в том числе такие, которые, на первый взгляд, далеко отстоят от семантики этимона, — ‘идти мелкому дождю’, ‘суетиться’, ‘осуществлять половой акт’, ‘женские ягоды’ etc.), отделить элементы этого гнезда от гетерогенных омонимов (например, слов из гнезда *сон-*), выявить происхождение некоторых неочевидных слов из гнезда *пух-//пуш-* (*пушка* ‘чепуха’). Кроме того, были найдены многочисленные семантико-мотивационные параллели *чепухи* из других корневых гнезд, большинство из которых ранее не упоминалось в этимологической литературе.

Методические выводы не новы, но кажется небесполезным их повторить. Накопление лексической массы, с которой работают сейчас лексикологи и этимологи, происходит и «естественным путем» — вследствие развития языка, и за счет возможностей, предоставляемых корпусной лингвистикой, за счет полученного доступа к массивам материала, принадлежащего наименее изученным (главным образом, нестандартным) формам существования языка и лексическим пластам. Это заставляет думать о необходимости верифицировать некоторые этимологические решения, которые были сделаны на кончике пера при нехватке лексических данных, усугубляемой установкой на осуществление «ретроспективной прогностики» не засвидетельствованных в реальной жизни языка форм.

Не менее важен еще один момент. Любая лексикографическая деятельность эстафетна — и особенно это верно для этимологической лексикографии, которая должна каждый раз учитывать построения предшественников, критиковать прошлые версии, выдвигая новые. Эстафетность подчеркивается также непрактичным и дезавуирующим, на первый взгляд, обычаем давать пометы «неясно» или «темное слово», не предлагая никаких других комментариев: это значит «я над этим думал, пусть вам повезет, но будьте осторожны». Однако повторение версий из словаря в словарь имеет и обратную сторону, о которой сказал А. М. Молдован [2007: 444], разбирая трудную этимологическую судьбу выражений *точить лясы* и *бить баклуши*: «Традиционные толкования происхождения этих идиоматических выражений столь популярны, что многим кажутся неоспоримыми». При тиражировании, особенно если оно осуществляется в научно-популярной литературе, могут исчезнуть и предположительная модальность, и ссылки на материал, поменяться смысловые акценты

в системе доказательств — и появиться не базирующиеся на фактах «творческие добавки» интерпретаторов. В случае с *чепухой* мы видели это не раз: единичное употребление *чепухи* в тексте М. В. Ломоносова (очевидно, из уважения к этому авторитетному носителю языка) мультиплицируется, приводя к упоминанию «ряда источников XVIII в.»; за выражениями *чепуха на постном масле*, *городить чепуху* выстраиваются образные сценарии — «нащипанных» овощей, «нагороженных» щепок; эти же щепки, взятые из выражения *разбить в щепки*, признаются образным субстратом *разбитых в чепуху* льдов у М. В. Ломоносова) etc. Противоядие здесь одно: всем нам помнить, что этимология — точная наука.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Авдеева 1–2 — Авдеева М. Т. *Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т.* Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2012.
- Аникин РЭС — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–.
- АОС — *Архангельский областной словарь*. Вып. 1–. Гецова О. Г., Нефедова Е. А. (ред.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1980–.
- БАС — *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.* М.: Наука; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Вирган, Пилинська 2000 — Вирган І. О., Пилинська М. М. *Російсько-український словник сталих виразів*. Харків: Прапор, 2000.
- Городин 2021 — Городин Л. *Словарь русских арготизмов. Лексикон каторги и лагерей Императорской и Советской России*. М.: Издательская программа Музея истории ГУЛАГа и Фонда памяти, 2021.
- Горяев 1896 — Горяев Н. В. *Сравнительный этимологический словарь русского языка*. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, Лорис-Мелик. у., дом. каз., 1896.
- Даль 1–4 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
- Деулино — *Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)*. Осовецкий И. А. (ред.). М.: Наука, 1969.
- ДСНО — *Диалектный словарь Нижегородской области*. Вып. 1–. Климкова Л. А. и др. (редкол.). Н. Новгород: Изд-во Нижегород. госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2013–.
- Зугумов 2015 — Зугумов З. М. *Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира*. М.: Книжный мир, 2015.
- КДЭС — *Картотека Диалектного этноидеографического словаря русских говоров Среднего Урала* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- КСГРС — *Картотека Словаря говоров Русского Севера* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛЗА — личные записи автора.
- ЛКТЭ — *Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Ломоносов 1952 — Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*. Т. 6: *Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747–1765 гг.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Малеча 1–4 — Малеча Н. М. *Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т.* Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002–2003.
- Моисеев 2010 — Моисеев Б. А. *Оренбургский областной словарь*. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2010.
- Моисеенко 2002 — Моисеенко М. Ф. *Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья*. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002.
- МСГ — Піпаш Ю. О., Галас Б. К. *Матеріали до словника гуцульських говірок (Косівська Поляна і Рісичка Рахівського району Закарпатської області)*. Ужгород: УНУ, 2005.
- Нордстет 1–2 — Нордстет И. *Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный надворным советником И. Нордстетом: в 2 ч.* СПб.: Тип. И. К. Шнора, 1780–1782.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorp.ru>.
- НОС — *Новгородский областной словарь*. Левичкин А. Н., Мызников С. А. (изд. подгот.). СПб.: Наука, 2010.

- ОБИ — результаты сетевого опроса, проведенного в декабре 2022 г. Б. Л. Иомдиным.
- ОСВГ — *Областной словарь вятских говоров: в 12 вып.* Долгушев В. Г., Сметанина З. В. (ред.). Киров: Коннектика; Изд-во ВятГГУ; Радуга-ПРЕСС, 1996–2018.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–. [Ларин Б. А. и др. (редкол.)]. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та; СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967–.
- Преображенский 1949 — Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. Вып. последний: *тело-яиур*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. (Труды Ин-та русского языка АН СССР. Т. 1).
- РФ — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. М.: Астрель, 2005.
- САР — *Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т.* М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.
- СВГ — *Словарь вологодских говоров: в 12 вып.* Паникаровская Т. Г. (ред.). Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
- СДГВО — *Словарь донских говоров Волгоградской области* / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брыкина, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
- Селигер 1–8 — Селигер: *Материалы по русской диалектологии: Словарь: в 8 вып.* Герд А. С. (ред.). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003–2020.
- СОГ — *Словарь орловских говоров*. Вып. 1–. Бахвалова Т. В. (ред.). Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского; Орел: Орловский гос. пед. ун-т, 1989–.
- Солнышкина 2005 — Солнышкина М. И. *Словарь морского языка*. М.: Academia, 2005.
- СПГ — *Словарь пермских говоров: в 2 вып.* Борисова А. Н., Прокошева К. Н. (ред.). Пермь: Книжный мир, 1999–2002.
- СПЗБ — *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т.* Мінск: Навука і тэхніка, 1978–1986.
- СППП — *Словарь псковских пословиц и поговорок*. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. (сост.), Ивашко Л. А. (науч. ред.), Карпова Л. А. (отв. ред.). СПб.: Норинт, 2001.
- СРГБашк — *Словарь русских говоров Башкирии: А–Я*. Здобнова З. П. (ред.). Уфа: Гилем, 2008.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т.* Герд А. С. (гл. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГМорд — *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч.* СПб.: Наука, 2013.
- СРГЮП — *Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып.* Подюков И. А. (науч. ред.). Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А. (гл. ред.). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.
- СРЯ ИАН — *Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук*. Т. 2. СПб.: Типография Имп. АН, 1892; Т. 2 / вып. 6 (9). СПб.: Типография Имп. АН, 1902.
- ССГ — *Словарь смоленских говоров: в 11 вып.* Бояринова Л. З., Иванова А. И. (отв. ред.). Смоленск: СГПИ/СПУ, 1974–2005.
- Ставицька 2005 — Ставицька Л. *Український жаргон: Словник*. Київ: Критика, 2005.
- СЯСЗ — *Следы: Словарь языка семьи Захаровых (город Макарьев Костромской области)*. Громова Л. А. (сост., предисл. и заключ.). М.: Белый Ветер, 2016.
- Фасмер 1–4 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т.* Трубаев О. Н. (пер. с нем. и доп.). М.: Прогресс, 1964–1973.
- Федоров 1–2 — *Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.: в 2 т.* Федоров А. И. (ред.). Новосибирск: Наука, 1991.
- ФСНП — *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т.* Ставшина Н. А. (сост.). СПб.: Наука, 2008.
- Цыганенко 1989 — Цыганенко Г. П. *Этимологический словарь русского языка*. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Радянська школа, 1989.
- Черных 1–2 — Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т.* 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999.
- Шаповалова, Сузанович 2011 — Шаповалова Л. И., Сузанович В. Г. Проект фразеологического словаря говоров Могилевского-Смоленского пограничья: проблемы и решения. *Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): Материалы Междунар. научн. симпоз. К 90-летию со дня рождения В. П. Жукова: в 2 т.* Т. 1. Макаров В. И. (сост., отв. ред.). Великий Новгород: [б. и.], 2011, 367–371.

- Шапошников 1–2 — Шапошников А. К. *Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т.* М.: Флинта: Наука, 2010.
- Шведова, Куркина 2008 — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов.* Шведова Н. Ю. (отв. ред.); Куркина Л. В. (автор этимологических зон словарных статей). М.: Азбуковник, 2008.
- Юрчанка 1972 — Юрчанка Г. Ф. *І коціца і валица (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны).* Мінск: Навука і тэхніка, 1972.
- Schuster-Šewc — Schuster-Šewc H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen sprachen.* Bd. I–IV (Lfg. 1–24). Bautzen, 1978–1989.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Березович 2014 — Березович Е. Л. *Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция.* М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. [Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshcheslavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary on the general Slavic background: A semantic and motivational reconstruction]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2014.]
- Бјелетић 2006 — Бјелетић М. *Исковрнути глаголи: Типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу).* Београд: Институт за српски језик САНУ, 2006. [Bjelečić M. *Iskovrnuti glagoli. Tipovi ekspresivnih preverbalnih formanata (na srpskom i hrvatskom jezičkom materijalu)* [Verbs with a twist. Types of expressive preverbal formatives (based on Serbian and Croatian material)]. Belgrade: Institute of the Serbian Language, 2006.]
- Варбот 2012 — Варбот Ж. Ж. *Исследования по русской и славянской этимологии.* СПб.: Нестор-История, 2012. [Varbot Zh. Zh. *Issledovaniya po russkoi i slavyanskoi etimologii* [Studies in Russian and Slavic etymology]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012.]
- Виноградов 1999 — Виноградов В. В. *История слов.* М.: ИРЯ РАН, 1999. [Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 1999.]
- Гайдамашко 2015 — Гайдамашко Р. В. Материалы к этимологии метеорологической лексики в русских говорах Прикамья: *пахта, ромода. Севернорусские говоры*, 2015, 14: 37–45. [Gaidamashko R. V. Materials for the etymology of meteorological lexis in the Russian dialects of the Kama region: *paxta, romoda. Severnoruskie govory*, 2015, 14: 37–45.]
- Журавлев 2022 — Журавлев А. Ф. Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации). *Вопросы языкознания*, 2022, 6: 44–61. [Zhuravlev A. F. Unproductive prefixes in East Slavic dialects (etymological heuristics; identification difficulties). *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 6: 44–61.]
- Киреев 2020 — Киреев Н. И. К уточнению истории двух диалектизмов: *бахмур* и *гамырить* (Несколько дополнений к «Русскому этимологическому словарю» А. Е. Аникина). *Русский язык в научном освещении*, 2020, 1: 210–233. [Kireev N. I. Towards the history of two dialecticisms: *baxmur* and *gamyrit'* (some addenda to Alexander Anikin's Russian Etymological Dictionary). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020, 1: 210–233.]
- Колесов 2015 — Колесов В. В. *«Жизнь происходит от слова...».* СПб.: Златоуст, 2015. [Kolesov V. V. *«Zhizn' proiskhodit ot slova...»* [“Life comes from a word...”]. St. Petersburg: Zlatoust, 2015.]
- Кучко 2017 — Кучко В. С. *Семантико-мотивационное поле «ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров.* Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УрФУ им. первого президента России Б. Н. Ельцина, 2017. [Kuchko V. S. *Semantiko-motivatsionnoe pole «Lozh', obman» v yazykovom prostranstve russkikh narodnykh govorov* [Semantic-motivational field “lies, deception” in the linguistic space of Russian dialects]. Candidate diss. Yekaterinburg: B. N. Yeltsin Ural Federal Univ., 2017.]
- Леонтьева 2008 — Леонтьева Т. В. *Интеллект человека в русской языковой картине мира.* Екатеринбург: РГППУ, 2008. [Leont'eva T. V. *Intellekt cheloveka v russkoi yazykovoi kartine mira* [Human intelligence in the Russian linguistic worldview]. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical Univ., 2008.]
- Молдован 2007 — Молдован А. М. «Лясы точить» и «бить баклуши». *Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина.* Земская Е. А., Каленчук М. Л. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2007, 444–453. [Moldovan A. M. *Ljasy točit' and bit' bakluši. Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L. P. Krysin.* Zemskaya E. A., Kalenchuk M. L. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2007, 444–453.]

- Мызников РДЭС — Мызников С. А. *Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов*. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. [Myznikov S. A. *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar' . Leksika kontaknykh regionov* [Russian dialectal etymological dictionary. Vocabulary of contact regions.]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.]
- Соболевский 1907 — Соболевский А. И. *Лекции по истории русского языка*. 4-е изд. М.: Унив. тип., 1907. [Sobolevskii A. I. *Leksii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the history of the Russian language]. 4th edn. Moscow: University Press, 1907.]
- Страхов 2005 — Страхов А. Б. Заметки о славянской культурной и иной лексике. *Palaeoslavica*, 2005, XIII/2: 5–36. [Strakhov A. B. Notes on Slavic cultural and other vocabulary. *Palaeoslavica*, 2005, XIII /2: 5–36.]
- Хелемендик 2007 — Хелемендик А. В. *Генетическая характеристика лексико-семантического поля 'ругать(ся)' в русском языке*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. [Khelemendik A. V. *Geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya 'rugat'(sya)' v russkom yazyke* [Genetic characteristics of the lexical-semantic field 'scold / swear' in Russian]. Candidate diss. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2007.]
- Чернышев 1935 — Чернышев В. И. Темные слова в русском языке. *Академия наук СССР. XLV. Академику Н. Я. Марру*. [Мещанинов И. И. (ред.)]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935, 393–409. [Chernyshev V. I. Word of obscure origin in Russian. *Akademiya nauk SSSR. XLV. Akademiku N. Ya. Marru*. Meshchaninov I. I. (ed.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1935, 393–409.]
- Шалаева 2021 — Шалаева Т. В. К этимологии лексики севернорусских говоров (*плоть* 'вранье, враки', *шаки*, *векишарь* / *вешкарь*). *Севернорусские говоры*, 2021, 20: 123–142. [Shalaeva T. V. Towards the etymology of North Russian dialectal vocabulary (*plot* 'lies', *šaki*, *vekšar'* / *veškar'*). *Severnorusskie govory*, 2021, 20: 123–142.]
- Шанский 1959 — Шанский Н. М. Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера. *Вопросы языкознания*, 1959, 5: 32–42. [Shanskii N. M. On compiling a Russian etymological dictionary based on the principles of historical word-formation. *Voprosy Jazykoznanija*, 1959, 5: 32–42.]
- Шанский 1985 — Шанский Н. М. *В мире слов: Книга для учителя*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. [Shanskii N. M. *V mire slov: Kniga dlya uchitelya* [In the world of words: A teacher's book]. Moscow: Prosveshchenie, 1985.]

Получено / received 23.01.2023

Принято / accepted 21.03.2023

Causative constructions in Bezhta

© 2023

Zaira M. Khalilova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zaira.khalilova@gmail.com

Abstract: The causative constructions of Bezhta, a Nakh-Daghestanian language, display a range of cross-linguistically unusual non-causative effects. Standard causativization in Bezhta is compatible with intransitive, transitive, and affective verbs. However, the addition of causative morphology does not always form a construction with a new argument. When the resulting valency does not reflect the productive pattern of causative derivation, the verb is lexicalized. Lexicalization of this kind is not only common in affective verbs, but also in transitive verbs. Along with the non-causative use of causative suffixes, Bezhta presents the use of a more complex doubled causative suffix in the sense of a simple causative suffix: although this is common in typological terms, it is rare in the area under discussion. The present paper takes the notion of transitivity as central for explaining the formation of causative constructions in the language.

Keywords: agent, Bezhta, causative, lexicalization, Nakh-Daghestanian, sociative, Tsezic, valency change

Acknowledgements: The author is grateful to Bernard Comrie, who inspired her to conduct this study.

For citation: Khalilova Z. M. Causative constructions in Bezhta. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 99–121.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.99-121

Каузативные конструкции в бежтинском языке

Заира Маджидовна Халилова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; zaira.khalilova@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются каузативные конструкции бежтинского языка (нахско-дагестанская семья), демонстрирующие непрототипические каузативные значения. Стандартная каузативная конструкция образуется от непереходных, переходных, аффективных глаголов. Однако в бежтинском языке представлены каузативные конструкции, которые не каузативизируют, а наделяют конструкцию определенными некаузативными семантическими эффектами, такими как лексикализация и агентивность. В бежтинском языке более сложный каузативный показатель используется в прототипических каузативных контекстах, тогда как простой каузативный показатель образует глаголы с лексикализированным значением.

Ключевые слова: агенс, актантная деривация, бежтинский язык, каузатив, лексикализация, нахско-дагестанские языки, социатив, цезские языки

Благодарности: Автор приносит глубокую благодарность Бернарду Комри, вдохновившему на проведение данного исследования.

Для цитирования: Khalilova Z. M. Causative constructions in Bezhta. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 99–121.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.99-121

1. Introduction

This paper describes non-prototypical causatives in Bezhta, one of the Tsezic languages of the Nakh-Daghestanian (a.k.a. East Caucasian) family. The Tsezic languages form a well-defined genetic group within Nakh-Daghestanian. They are spoken primarily in the west of the Republic of Daghestan in the Russian Federation, close to the border with Georgia, although there are also some recent settlements in lowland Daghestan and across the border in Georgia and Azerbaijan. Traditionally, five individual Tsezic languages are recognized, divided into two branches: West Tsezic (Khwarshi, Tsez, and Hinuq), and East Tsezic (Bezhta and Hunzib).

The Tsezic languages are mainly, though not rigidly, verb-final. Their nominal systems distinguish four or five genders (noun classes). The syntactic and/or semantic role of noun phrases in the clause is indicated primarily by case marking. In all languages of the group, some verbs index the gender and number of one of their arguments, nearly always the one in the absolutive case; in general, only (but not quite all) vowel-initial verbs show such agreement by means of prefixes, while in East Tsezic some verbs additionally index number or gender-number distinctions by means of internal alternations. The verbal morphology is rich in finite and non-finite forms. The most prominent valency-changing operations are antipassive [Comrie et al. 2021] and causative constructions.

The causative construction is taken to involve two components: a causing subevent and a resulting situation [Shibatani (ed.) 1976; Comrie 1989; Haspelmath 2017]. The causative construction is typically described as a valency-increasing device, which adds an Agent to the valency of the underlying verb [Comrie 1989; Kholodovich (ed.) 1969]. Causativization is also defined as involving the specification of an additional argument on a basic clause — a Causer, who initiates or controls the activity [Dixon 2000: 30]. In this paper, I adopt a basic definition whereby prototypical causatives involve a morphological process or lexical verb that has an abstract, causative meaning. Thus, the prototypical causative construction in Bezhta contains a verb that is marked with causative morphology, which increases the verbal valency by one, i.e., adds a new A (agentive) argument, the causer, to the basic clause: an intransitive clause becomes a two-argument transitive construction, while a transitive clause becomes a three-argument transitive construction.

There are several causativizing devices in Bezhta: morphological causatives, serial causatives, lexical causatives, and periphrastic causatives are all found, covering all prototypical causative functions.

My goal in this paper is to explain the distribution of causative suffixes as well as to illustrate non-causative effects in Bezhta causatives. Although Bezhta grammar is relatively well investigated, causative constructions remain understudied: existing papers on causatives mostly cover the morphology of causative constructions [Kibrik, Testelefs 2004; Khalilova 2017], case assignment [Comrie et al. 2015], and semantics (mostly causatives of affective verbs) [Comrie 2001]. To add to the findings of these studies, I show here that causative derivation does not always add a new argument, but can instead produce non-causative effects, and that the use of a more complex causative marker (the recursive causative suffix, glossed as CAUS2) does not necessarily give rise to a more complex causative construction. The present paper describes for the first time the non-causative effects and non-canonical uses found in Bezhta.

The paper attempts to contribute to the discussion on causative constructions using data from a less-described minority Nakh-Daghestanian language, focusing on crosslinguistically unusual effects of causativization and on form–meaning mismatches in causative constructions.

The Bezhta data illustrated here is mostly drawn from a text corpus. Though corpus and text examples predominate [Khalilov 2020], there are also a few simple elicited examples. The data represents the Bezhta proper dialect (the dialect of the village of Bezhta itself). The paper is organized as follows. Section 2 gives an overview of all causative devices in Bezhta. Section 3 deals with causative formation from intransitive, affective, transitive, and labile verbs. Non-causative effects are illustrated in Section 4. An outline of the causative constructions presented comes in Section 5. The discussion in Section 6 sums up the paper.

2. Overview of causative formation in Bezhta

According to the classification given in Nichols et al. [2004], the Nakh-Daghestanian languages are ‘transitivizing’, i.e., verbal roots are typically intransitive with derived causative counterparts. Nakh-Daghestanian languages have various preferred ways of expressing causativization: morphological causatives (Tsezic, Andic, Dargwa languages), causative constructions with ‘do’ (Avar, Lak, Tsezic, Lezgian languages), and periphrastic causative constructions of other kinds (Tsezic, Andic languages).

Bezhta has several ways to express causative meaning — with affixes, causative serial verb constructions, compound causative verbs, and periphrastic causative constructions. The most productive means of causative formation are the morphological causatives, which can be further divided into ‘causative’ and ‘equipollent’ types: the former is productive and iterative, while the latter is more lexicalized and cannot be iterated. There are also lexical or suppletive causatives, as in English ‘die’ vs. ‘kill’. Bezhta also has verb pairs, which are derived from a single adverbial-adjectival stem: the suffix *-k-* derives transitive verbs alongside intransitives in *-t-* based on the same stem, and taken together these represent inchoative-causative pairs. There are also pairs of compound verbs, formed with the intransitive light verb ‘happen, become’ and the transitive light verb ‘do’, resulting in inchoatives and causatives respectively.

In terms of the classification suggested by Comrie [1989] and Haspelmath [1993]¹, some Bezhta causative constructions belong to the ‘causative’ subtype, where the causative is derived from the intransitive, and others belong to the ‘equipollent’ subtype, where both inchoative and causative are derived from the same base. Bezhta has various kinds of causatives (Table 1).

Table 1

Bezhta causative constructions

MORPHOLOGICAL CAUSATIVES		CAUSATIVE SERIAL VERB CONSTRUCTIONS		COMPOUND VERBS (EQUIPOLLENT SUBTYPE)	PERIPHRASTIC CAUSATIVES (CAUSATIVE SUBTYPE)
causative subtype	equipollent subtype	causative subtype	equipollent subtype		
		<i>gul-</i> ‘put’	causative with <i>-eⁿj-</i> ‘send’ /	causative with <i>-o:-</i> ‘do’ /	
	causative in <i>-k’-</i> / <i>-(i)l</i> , <i>-(i)ll</i>	<i>tok-</i> ‘make, force’	inchoative with <i>-eⁿλ’-e-</i> ‘go’	inchoative with <i>-aq-</i> ‘happen’	<i>t’amzi-o:-</i> ‘force’
	inchoative in <i>-t-</i>				

There are serial² causatives, which fall into ‘causative’ and ‘equipollent’ subtypes. Serial causatives belonging to the ‘causative’ subtype are derived only from antipassive forms of onomatopoeic unergative verbs, as in (1), and a few intransitive verbs, as in (2). Serial causatives of the ‘equipollent’ subtype are derived by combining the same base with the intransitive *-eⁿλ’-e-* ‘go’ and the transitive *-eⁿj-* ‘send’, e.g., *-uⁿco-j-eⁿλ’-e* ‘melt’ [ABS] and *-uⁿco-j-eⁿj-* ‘melt’ [ERG, ABS]).

- (1) *ḱāʔλō* ‘caw’
 a. *ḱādi* *ḱāʔλō-š*
 raven.ERG caw-PRS
 ‘The raven is cawing.’

¹ Note that the terms ‘causative’ and ‘equipollent’ in quotes are employed in the sense of Haspelmath’s [1993] typology, although Haspelmath himself acknowledges that there are problems with this use of ‘causative’ for one type, since it is also the cover term for the whole phenomenon.

² The terms ‘serial verb’ and ‘serialization’ are not common in scholarship on the Nakh-Daghestanian languages. However, for the Bezhta serial verb constructions they are introduced in Khalilova [2022].

- b. *ḡāde ḡāḡ-dā-š*
 raven³ caw-ANTIP-PRS
 'The raven is cawing.'
- c. *ōḡdi ḡāde ḡāḡ-dā-gul-ca*
 boy.ERG raven(IV) caw-ANTIP-put\IV-PRS
 'The boy makes the raven caw.'

(2) *-ija-* 'cry' [Khalilova 2022: 98]

- a. *kid j-ija-s*
 girl(II) II-cry-PRS
 'The girl cries.'
- b. *ōḡdi kid j-ija-gil-ca*
 boy.ERG girl(II) II-cry-put\II-PRS
 'The boy makes the girl cry.'

Compound causatives, also known as light verb constructions, which are of the equipollent type only, consist of two parts: the lexical verb, which is a borrowing from Avar or Russian, and a light verb, which is either the intransitive *-aq-* 'happen, become' or the transitive *-o:-* 'do'.⁴

(3) *t'ubazi -aq-* / *t'ubazi -o:-* 'finish, accomplish'

- a. *jak'iḡis murad t'ubazi b-aq-ijo*
 heart.IN.ABL desire(III) finish III-happen-PST
 '(His) heart's desire was realized.'
- b. *q'imatab q'aḡidaliḡ qohda:ḡi=na t'ubazi j-oh-na Ø-oḡ'o-s*
 excellent way.IN study.MSD(IV)=ENCL finish IV-do-CVB I-come-PRS
āli āḡāḡ
 Ali(I) village.IN
 'Ali returns to the village after finishing his studies excellently.'

The periphrastic causatives, which are of the causative subtype only, consist of the matrix borrowed compound verb *t'amzi -o:-* 'make, instigate, set against' and its infinitival complement.

- (4) *kibba ōḡō jiḡa Ø-eḡ'ḡ-al t'amzi Ø-o:-jo*
 girl.ERG boy(I) fast I-go-INF force I-do-PST
 'The girl made the boy go fast.'

Morphological causatives, which are the most productive derivation, also come in 'equipollent' and 'causative' subtypes. In the equipollent morphological causatives, inchoative and causative are derived from the same base, with the corresponding suffixes *-l-* and *-k'-*, as in (5).

(5) *taba-l* 'be tired' / *taba-k'* 'make tired'

- a. *ōḡt'ōlā-nā taba-l-na Ø-aḡko Ø-eḡ'ḡ-e-na*
 dig-CVB tired-INCH-CVB I-down I-go-CVB
 'After digging, I became tired and then I rested.'
- b. *xisḡ'abeqqas do=na taba-k'-na, do=na muḡit j-eh-na na:-d*
 morning.day.ABL 1SG=ENCL tired-CAUS-CVB 1SG=ENCL torture II-send-CVB where-Q

³ Absolutive case forms of nouns are not marked in the glosses; thus, hereinafter, nouns with no gloss for case should be interpreted as absolutive.

⁴ Avar (of the Antsukh dialect) and Russian verbs are borrowed in their infinitive forms. Avar intransitive predicates when borrowed have intransitive and transitive counterparts in Bezhta (example 2), whereas Avar transitive predicates have only transitive counterparts. The majority of verbal borrowings are Avar intransitive verbs.

Ø-čče-na zuq'o:
 I-stay-CVB be.PST

'You made me tired from the early morning; you tortured me, where have you been?'

In morphological causatives of the 'causative' subtype, the causative is derived from the intransitive by means of the productive suffix *-(i)ll*-(*i)ll*.⁵ The rest of the paper is devoted to morphological causatives of the 'causative' subtype (i.e., those causatives that are formed by means of affixal derivation) as they exhibit the most challenging behavior in typological terms.

Based on formal and semantic features, Bezhta causatives can be divided into the following types: those which are causatives both formally and semantically; those which are causatives formally but not semantically; those which are causatives semantically but not formally; fossilized causatives.

Formal and semantic causatives are those whose formal marking with a causative suffix derives a proper causative construction: this is a very productive process in the language (cf. Section 3).

Formal but not semantic causatives are those verbs for which the formal marking with the causative does not necessarily produce causative meaning (cf. Section 4). Such non-prototypical causative meanings appear even if a verb is formally marked with causative morphology, as described in Section 4. For example, the causative suffix leads to agentivization with some affective verbs, e.g., the formal causative of 'love' has the meaning 'hug, cuddle'.

Fossilized causatives are verbs that appear to be derived with causative morphology, but are not causatives semantically. There are few such fossilized causative verbs in the language. The two transitive verbs *-oχol*- 'hang' and *-älel*- 'beat, hit' have *-l* as their final consonant, but these verbal roots cannot be decomposed as there are no corresponding intransitives *-oχo*- and *-äle*-. However, the 'missing' roots are in fact attested in certain derived forms accompanying these two verbs, namely accidental-potential *-oxo-jc*- 'hang accidentally' and potential *-äle-jl*- 'be able to beat, hit'. Additionally, the Tladal dialect of Bezhta does possess both intransitive and transitive variants of 'hang', which are *-oχo*- and *-oχol*- respectively.

Semantic (or lexical) but not formal causatives are verbs that are not formally marked with causative morphology. Such lexical causatives come as suppletive verbal pairs with a straightforward inchoative-causative meaning. In Bezhta there is only one reasonably clear lexical causative pair, namely the suppletive verbs *-uko*- 'die' and *-il*'e- 'kill' (cf. Sections 3.1 and 3.2).

3. Single and double causative constructions

3.1. Causatives from intransitive and affective verbs

Causatives of intransitive verbs introduce a new argument, an Agent in the ergative case, which can be inanimate or animate. The causative 1 suffix *-l*- occurs after vowel-final verbal stems, and the variant *-il*- with the epenthetic vowel *i* occurs after consonant-final stems (cf. Appendix).

Causative morphology can be applied to agentive and patientive intransitive verbs. The S argument in an agentive intransitive clause becomes the causer in the resulting transitive clause and the new argument corresponds to the Patient. See example (6) with intransitive clause 'soldiers jump/attack' and transitive clause 'he makes the knife jump', the latter expressing indirect causation.

⁵ See Appendix for the distribution of the causative suffixes and for phonological processes relevant to causative morphology.

(6) *-ogic* 'jump'

- a. qona hazaj askar=na žü=nä Ø-ogic-ca huli k'axetija-ʔlaʔ'a:
 twenty thousand army=ENCL self=ENCL I-jump-PRS 3SG.ABS Kakheti-IN.TRANSL
 'He and the army of twenty thousand (soldiers) attack Kakheti.' (lit. 'jump into Kakheti')
- b. sidi ko:ʔa k'obala=na b-äʔ'en-na, ko:ʔos c'it' j-ogic'-il-ca
 one.ERG hand-SUP stick(III)=ENCL III-hit-CVB hand.IN.ABL knife(IV) IV-jump-CAUS1-PRS
 'Hitting the hand with the stick, one man makes the knife jump from the hand.'

The S argument in the patientive intransitive clause corresponds to the Patient argument in the transitive clause and the newly introduced argument corresponds to the Causer in the ergative case. See example (7) with intransitive clause 'become clean' and transitive clause 'make clean', (8) with intransitive 'burn' and transitive 'make burn'.

(7) *-aⁿco* 'become clean'

- a. li:d=na niza-na Ø-aⁿca-a:hijo xosda:jadojs
 water.INS=ENCL wash-CVB I-clean-REM.PST scabies.APUD.ABL
 'Washing with water, he cleanses himself of the scabies.'
- b. ʔuqijo mot'o häj-dä: j-a<a>co-l-lol äⁿjdä: m-oq'o-s
 beautiful face(III) eye-PL NHPL-clean<PL>-CAUS1-IMM in.front III-come-PRS
 'When she rubs her eyes, a nice face appears.'

(8) *-ek'e* 'burn (intr.)'

- a. q'aj ʔodo-s b-olo-l-lol, Ø-ek'e-na itna Ø-uko-na,
 thing(IV) above-ABL III-end-CAUS1-IMM I-burn-CVB six I-die-CVB
 ho^s č'ago m-i<ja>qo-s
 one alive HPL-find<PL>-NEG.PST
 'As soon as they removed things, they found six people burnt and no one alive.'
- b. c'o=na j-ek'e-n-na b-oχon-na c'oʔ'a šag=na
 fire(IV)=ENCL IV-burn-CAUS1-CVB III-hang-CVB fire.SUP pot(III)=ENCL
 b-eče-š hollo:l
 HPL-be-PRS 3PL.ABS
 'Having lit the fire [= having made the fire burn], they put the pot on the fire.'

Bezhta allows an inanimate causer not only in exterior force constructions (e.g., 'the wind broke the tree') but also in causative constructions, e.g., (9b) features an inanimate Agent 'disease' in the ergative.

(9) *k'ok'o* 'ache'

- a. sidda-ʔa maχo k'ok'o-s
 one.OBL-SUP body ache-PRS
 '(My) body aches on one side (...).'
- b. unti-la k'ok'o-l-lo maχo
 disease-ERG ache-CAUS1-PST body
 'The disease made the body ache.'

In the case of a polysemous intransitive verb, all of its meanings are available to be causativized. For example, the intransitive verb *-üⁿχö-* 'turn, turn into smth, get out' has causative counterparts meaning 'turn (something)' and 'see off', as in (10b, c). The causative of *-üⁿχö-* can additionally have the extended meaning 'put', as in (10d).

(10) *-üⁿχö-* 'turn (intr.)' > 'turn (tr.)'

- a. q'ilmalida:=na Ø-üⁿχö-nä
 south.DIR=ENCL I-turn-CVB
 'Turning (himself) to the south...'

- b. q'ilmalilda: miqa:=na **m-üχō-n-nä**
 south.DIR back(III)=ENCL III-turn-CAUS1-CVB
 'Turning his back to the south...'
- c. häži=na Ø-oh-na ile Ø-ü"χō-l-äl dibo-la biło-ka
 pilgrim(I)=ENCL I-do-CVB 1PL.ERG I-turn-CAUS1-INF 2SG-GEN2 house-APUD
 'Making him a pilgrim, we saw him off home.' (literally 'made him turn home')
- d. do χexhilał'a bö?ö-li-? eⁿdo **j-ü"χō-l-lö**
 1SG.ERG quickly bag-OBL-IN inside IV-turn-CAUS1-PST
 'I quickly put it (the meat) inside the bag.' (not 'made the meat turn')

The intransitive verb *-uko-* has several meanings 'die' and 'get out of order, come to an end, end'. The morphological causative of *-uko-* derives a transitive construction with either inanimate or animate Patients: with the former, the verb denotes 'get out of order, come to an end, end', as in (11b, c), and with the latter, it denotes indirect causation with the meaning 'make someone die' (11d).

- (11) a. haⁿ j-uko-jo hugi beta bejten
 well IV-die-PST that then wedding(IV)
 'Well, that wedding was a failure!'
- b. želalla? wahli žo **j-uko-l-al** j-aq-a?as
 this.time this thing(IV) IV-die-CAUS1-INF IV-can-NEG.PRS
 'This time you cannot ruin this thing (the wedding).'
- c. mi sud sa?at **b-uko-l-lo**
 2SG.ERG why clock(III) III-die-CAUS1-PST
 'Why did you break the clock?'
- d. do mi Ø-uko-l-ca!
 1SG.ERG 2SG.ABS I-die-CAUS1-PRS
 'I will kill you (male)!' (indirect causation)

Bezhta affective verbs are easily causativized. There are both simple and compound affective verbs: the former are all indigenous, and the latter are based on loanwords. Simple affective verbs derive the causative by means of the suffix *-l*, whereas compound affective verbs are causativized by changing the intransitive light verb 'become' to transitive 'do'⁶, e.g., *bidži -aq-* 'understand' and *bidži -o-* 'make understand'. As the causative pattern for compound affective verbs is quite straightforward, below only simple affective verbs are considered. As a rule, the standard causative construction based on an affective verb results in a three-argument transitive construction. However, some affective verbs show non-standard effects under causativization, to be discussed in Section 4.

In the three-argument transitive construction from affective verbs, a new argument in the ergative case is added while the lative Experiencer and the absolutive Stimulus keep their cases. The relevant affective verbs are *č'al-* 'feel', *č'oq-* 'hear, be informed', *tuq-* 'hear', *-ega-* 'see', as in (12).

- (12) *-ega-* 'see'
- a. hogco-l raład b-ega-jo
 3SG.OBL-LAT sea(III) III-see-PST
 'He saw the sea.'
- b. hogco kibba-l raład **b-ega-l-ca**
 3SG.ERG girl.OBL-LAT sea(III) III-see-CAUS1-PRS
 'He shows the sea to the girl.'

⁶ However, not all compound affective verbs have an equipollent transitive/causative pair, e.g., *hăžät -aq-* 'need', *surzi -aq-* 'be annoyed'.

Another causative suffix *-ll*, which formally and diachronically looks like a doubled causative 1 suffix, is used with intransitive and affective verbs. The causative 2 suffix with patientive and agentive intransitive verbs derives an extended transitive construction introducing a Causee in the instrumental case. Example (13c) is a three-argument transitive construction based on the patientive intransitive verb ‘break’.

- (13) a. $\chi\ddot{a}t'\ddot{a}$ b-iše-š
plate(III) III-break-PRS
‘The plate breaks.’
- b. kibba $\chi\ddot{a}t'\ddot{a}$ **b-iše-l-ca**
girl.ERG plate(III) III-break-CAUS1-PRS
‘The girl breaks the plate.’
- c. kibba ijo-d $\chi\ddot{a}t'\ddot{a}$ **b-iše-ll-is**
girl.ERG mother-INS plate(III) III-break-CAUS2-PRS
‘The girl makes her mother break the plate.’

The causative 2 suffix attached to an affective verb derives an extended transitive construction.

- (14) *-ega-* ‘see’
- a. hogco-l raład b-ega:-jo
3SG.OBL-LAT sea(III) III-see-PST
‘He saw the sea.’
- b. hogco kibba-l raład **b-ega-l-ca**
3SG.ERG girl.OBL-LAT sea(III) III-see-CAUS1-PRS
‘He shows the sea to the girl.’
- c. hogco kibba-l öždid raład **b-ega-ll-ijo**
3SG.ERG girl.OBL-ERG boy.INS sea(III) III-see-CAUS2-PST
‘He made the boy show the sea to the girl.’

3.2. Causatives from transitive verbs

Causative derivation with transitive verbs shows typologically unusual behavior. Transitive verbs can only be causativized with the help of the causative 2 suffix, i.e., the causative 2 suffix here corresponds to the meaning of a causative 1 suffix elsewhere. The causative 2 suffix with transitive verbs adds a new argument to the verbal valency. Thus, the causative 2 suffix *-(i)ll-* from non-extended transitive verbs derives an extended transitive construction with the Causer in the ergative case, the Causee in the instrumental case, and the Patient in the absolutive.

- (15) *-o:-* ‘do’
- a. ijo jaⁿq'o=na j-oh-na, b-es-a:hijo
mother.ERG soup(IV)=ENCL IV-do-CVB HPL-eat-REM.PST
‘When the mother cooked the soup, (we) ate.’
- b. dibija-d li-ł'a dō?ä=nä **b-oj-ill-ina,**
mullah-INS water-SUP prayer(III)=ENCL III-do-CAUS2-CVB
dō?ä-li-la li:-d niza-a:hijo lăq-lă
prayer-OBL-GEN2 water.OBL-INS wash-REM.PST wound-PL
‘Making the mullah say a prayer over the water, (they) washed their wounds with the water of prayer.’

- (16) hogo:lɔ hoggo:l maʒdik-la j-u<wa>ko-l-lo,
 that.time those mosque-PL NHPL-destroy<PL>-CAUS1-PST
 kak-din b-øj-ll-eʔeʃ, šünä-ʕ'ä q'ulhu
 prayer-religion(III) III-do-CAUS2-NEG.PST grave-SUP praying(III)
 b-øj-ll-eʔeʃ q'urʔan-ʒo qoʒ-ll-eʔeʃ
 III-do-CAUS2-NEG.PST Koran-thing read-CAUS2-NEG.PST
 'At that time they destroyed mosques, they did not allow (us) to perform our religion,
 they did not allow (us) to say prayers at the graveside, they did not allow (us) to read
 the Koran.'
- (17) do niso-jo lamus geʒ du:-d=na
 1SG.ERG say-PST shame be.PRS 2SG.OBL-INS=ENCL
 Ø-erak'-ill-ina hoʕoʔ Ø-ec-al
 I-take.care-CAUS2-CVB here I-stay-INF
 'I said, it is a shame to stay here and let you take care of me.'
- (18) xisaʕ'a q'ajʕ'a-zu qunna-ʕ'a c'ixoda:laʕ'a: got'
 in.morning early-FOC farm-SUP far.away.TRANSL smoke(III)
 b-ega-l ʕija<ba>xo-s iⁿq-la b-oʕo-ll-al
 III-see-ANTR.CVB go<PL>-PRS bandit-PL HPL-feed-CAUS2-INF
 'When early in the morning they saw smoke from farms, the bandits went (there) to be fed.'
- (19) k'et'a ʕaballid, m-üχö<m>äχeja-d, jak'o=na
 good story.INS HPL-behave.PTCP.OBL<HPL>-INS heart(IV)=ENCL
 hide? j-eⁿj-ill-ina
 self.PL.IN IV-send-CAUS2-CVB
 '(They) made them take their side by means of good words and kind behavior.' (literally,
 made them send their heart into themselves)

It is interesting to note that Bezhta exhibits a causee-instrument syncretism, unlike closely related languages. Bezhta diverges from the other languages in its group in that the Causee is marked with a non-spatial case, namely the instrumental, whereas in other Tsezic languages the Causee is marked with the ad-essive case. Thus the instrumental case in Bezhta is used to mark the Instrument in extended transitive constructions but also the Causee in causative constructions. Two identically marked arguments in a clause are differentiated by animacy, i.e., a prototypical Instrument argument is inanimate, while a prototypical Causee is animate. For example, the Causee-Instrument syncretism can be illustrated with the three-place verb *-üč'* 'cut', which entails the use of an Instrument. Here the semantic roles of Instrument and Causee, both marked with the instrumental suffix *-d*, are distinguished by animacy: the animate Causee is *kibbad* 'girl' and the inanimate Instrument is *c'it'ad* 'with the knife'.

- (20) *-üč'* 'cut'
 a. öʒdi c'it'ad bābā b-üč'-ijo
 boy.ERG knife.INS bread(III) III-cut-PST
 'The boy cut the bread with the knife.'
 b. öʒdi kibbad bābā c'it'ad b-üč'-ill-ijo
 boy.ERG girl.INS bread(III) knife.INS III-cut-CAUS2-PST
 'The boy made the girl cut the bread with the knife.'

Causatives from extended transitive verbs derive a construction with three and potentially even more arguments: the Causer, the Causee, the Patient, and other possible oblique adjuncts, such as Goal, Instrument, Beneficiary, Recipient, Source. Thus, verbs with four arguments are all derived causatives. Some of these arguments are easily omitted, as in (21b) where the Agent and the Instrument are absent.

(21) *č'äļe-* 'throw'

a. öždi ħi gedo-λ'a č'äļe-š
 boy.ERG water cat-SUP throw-PRS

'The boy pours the water on the cat.'

b. kibba öždi-d ħi gedo-λ'a č'äļe-ll-is
 girl.ERG boy.OBL-INS water cat-SUP throw-CAUS2-PRS

'The girl makes the boy pour the water on the cat.'

(22) *-iⁿso-* 'sell'

a. λijo ħiγlo-jo kel-li-s žo bet'erhal-li
 under leave-PST.PTCP food-OBL-GEN1 thing(IV) host-ERG

j-iⁿso-s bazaj-ja-?
 IV-sell-PRS market-OBL-IN

'The master sells the leftovers in the market.'

b. hogco suk'o malla-nasrudin-i-d peč=na
 3SG.OBL man.ERG Malla-Nasrudin-OBL-INS oven(IV)=ENCL

j-iⁿso-ll-ina gej
 IV-sell-CAUS2-CVB be.PRS

'That man made Malla-Nasrudin sell the oven.'

(23) *guʔ-* 'pour'

a. hollo läq-li-λ caⁿ guʔ-na šöš-ä:ħijo
 3PL.ERG wound-OBL-SUB salt pour-CVB bandage-REM.PST

'They put some salt on their wounds and bandaged (them).'

b. tüšmäl-li-l ħuri guʔ-ill-al nuc'o-s
 enemy-OBL-LAT destruction pour-CAUS2-INF must-PRS

'(I) have to destroy the enemy.' (lit. 'pour destruction to the enemy')

The verb *-iλ'e-* 'kill' is a bivalent transitive verb with Agent and Patient (24a), but additionally the Instrument argument can also be expressed, as in (24b).

(24) *-iλ'e-* 'kill'

a. hollo ädäm-lä b-i<ja>λ'e-š zuq'o:
 3PL.ERG man-PL HPL-kill<PL>-PRS bc.PST

'They were killing people.'

b. hollo do oⁿgi-d Ø-iλ'e-š
 3PL.ERG 1SG.ABS axe.OBL-INS I-kill-PRS

'They will kill me with an axe.'

The morphological causative of *-iλ'e-* 'kill' derives a construction with an animate Causee and an inanimate instrument argument, which are both expressed with the instrumental case. Given that the Causee and the Instrument argument are both in the instrumental case, one of the two is often omitted. Examples with both Causee and Instrument arguments are hardly found in the text corpus. Such omission of causees / oblique objects is quite common crosslinguistically [Comrie 1989: 175]. In example (25), the Causer is in the ergative, the Patient is in the absolutive, the Causee is in the instrumental, and the Instrument argument is not expressed.

(25) illas=na hälikatab-la öläb-lä okko-mesed-li-dda:la
 1PL.GEN1=ENCL malicious-PL young-PL.ERG money-gold-OBL-CAUSE

qazaq-ba:-d b-i<ja>iλ'e-ll-is illas ädäm-lä
 Georgian-PL-INS HPL-kill<PL>-CAUS2-PRS 1PL.GEN1 man-PL

'Our malicious young people make the Georgians kill our people for money and gold.'

In addition to such prototypical causation, a few transitive verbs allow causative 1 and causative 2 suffixes resulting in non-causative verbs (see Section 4).

Table 2

Causative of transitive verbs

Transitive	Causative 1	Causative 2
č'äŋe- 'throw, pour'	—	č'äŋe-ll
-oχ- 'buy, keep'	—	-oχ-ill
t'ut'- 'shoot, throw'	—	t'ut'-ill
-eže- 'take, lead'	—	-eže-ll 'take, lead' [ERG, ABS]
-ako- 'take (off)'	—	-ako-ll 'play', 'shoot', 'sing' [ERG, ABS] -ako-ll 'climb' [ABS]
-üč'- 'cut'	-üč'-il 'wean (from breastfeeding)', 'define' [ERG, ABS]	-üč'-ill 'make cut' [ERG, INS, ABS]
niso- 'say'	niso-l 'ask' [ERG, POSS, ABS]	niso-ll 'make say' [ERG, POSS, INS, ABS]

3.3. Causatives from labile verbs

Bezhta is not rich in labile verbs, unlike, for example, some Lezgian languages. However, a few labile verbs are found: they are of the Patient-preserving type, with an intransitive S argument corresponding to a transitive P argument (S=P). There are at least three labile verbs, namely *hele-* 'cook', *χüžö-* 'change', and *ziza-* 'fry'. Bezhta labile verbs express autonomous situations, in which the Agent initiates the process and then lets it proceed on its own [Haspel-math 2017].

These labile verbs simultaneously possess some features proper to intransitives and others proper to transitives. Like intransitives, these labile verbs use the bare verb stem as the imperative, whereas transitive verbs attach a dedicated imperative suffix *-a*. But like transitive verbs, labile verbs use the more complex causative suffix in forming the standard causative construction. That is to say, labile verbs follow the causative formation pattern displayed by transitive verbs; accordingly, it is the transitive meaning of a labile verb that serves as the base for causativization.

(26) *hele-* 'cook'

- a. simindi hele-jo
maize cook-PST
'The maize cooked.'
- b. kibba simindi hele-jo
girl.ERG maize cook-PST
'The girl cooked the maize.'
- c. kibba isid simindi **hele-ll-ijo**
girl.ERG sister.INS maize cook-CAUS2-PST
'The girl made her sister cook the maize.'

(27) *χüžö-* 'change, exchange'

- a. okko χüžö-nä
money change-PST
'The money was exchanged.'

- b. öždi okko χüžö-nä
 boy.ERG money change-PST
 'The boy exchanged the money.'
- c. öždi kibbad okko χüžö-ll-is
 boy.ERG girl.INS money change-CAUS2-PRS
 'The boy makes the girl exchange the money.'

3.4. Double and multiple causative constructions

Double and multiple causative constructions are compositional constructions with two or three Causees. Bezhta allows the two causative markers, causative 1 and causative 2, to be used in sequence, i.e., the second causative suffix attaches to an already causativized verb. The double causative construction with multiple causative suffixes involves two Causees, where the immediate Causee is marked with the instrumental and the more distant Causee is marked with the in-translative. Such double causatives are rare in the text corpus, but are readily produced by native speakers. Sentence (28) shows a double causative construction based on an intransitive verb.

- (28) kibba öždiʔʔ'a: ijo-d χät'ä b-iše-l-ill-is
 girl.ERG boy.IN.TRANSL mother-INS plate(III) III-break-CAUS1-CAUS2-PRS
 'The girl makes the boy make the mother break the plate.'

Examples (29) and (30) are double causative constructions from transitive verbs.

- (29) murad-i öždiʔʔ'a: kibbad bābā b-aq'o-l-ill-ijo
 Murad-ERG boy.IN.TRANSL girl.INS bread(III) III-bring-CAUS1-CAUS2-PST
 'Murad made the boy make the girl bring the bread.'
- (30) üştel-li kibbaʔʔ'a: öždid t'ek q'owa-l niʔ-il-ill-ijo
 teacher-ERG girl.IN.TRANSL boy.INS book children-LAT give-CAUS1-CAUS2-PST
 'The teacher made the boy make the girl give the book to the children.'

Double causative constructions with the meaning 'X causes Y to cause Z to do smth' can also be expressed with the periphrastic causative construction.

- (31) ijo t'amzi Ø-o:-jo abo öždid q'urʔan qoj-ill-al
 mother.ERG force I-do-PST father(I) boy.INS Koran read-CAUS2-INF
 'The mother made the father make the boy read the Koran.'

Multiple causative constructions with three Causees are almost impossible, but they are conceivable within the periphrastic causative construction.

- (32) ijo t'amzi Ø-o:-jo abo kibbaʔʔ'a: öždid q'urʔan
 mother.ERG force I-do-PST father(I) girl.IN.TRANSL boy.INS Koran
 qoj-il-ill-al
 read-CAUS1-CAUS2-INF
 'The mother made the father make the girl make the boy read the Koran.'

4. Non-causative effects of Bezhta causatives

The standard causative construction in Bezhta is a valency-increasing derivation, i.e., in a pure causative construction a new argument is introduced. However, in Bezhta the use of a causative

marker does not always result in a construction with an additional argument. Such uses of a prototypically valency-increasing marker in non-causative contexts are a widespread phenomenon crosslinguistically. The most common non-causative effects are lexicalization (Section 4.1) and agentivization, which often occurs with affective verbs (Section 4.2). Less common non-causative effects are sociative (Section 4.3) and passive (Section 4.4) readings.

4.1. Lexicalization

The most common non-causative effect is the lexicalization of a specific meaning. The basic strategy for producing standard causatives from transitive verbs in Bezhta makes use of the causative 2 suffix (see Section 3.2). However, a few transitive verbs also allow the use of the causative 1 suffix, resulting in lexicalized meanings. For example, the transitive verb *-üč'* - 'cut' allows the standard causative construction with the causative 2 suffix but also gives rise to a lexicalized meaning with the causative 1 suffix. The causative 1 suffix *-il* with 'cut' does not increase the number of arguments but changes the verbal semantics from 'cut' to 'wean (from breastfeeding)', 'define, determine'.

- (33) *ijo* *öžö* *Ø-üč'-il-lo*
 mother.ERG boy(I) I-cut-CAUS1-PST
 'The mother weaned her son.'

- (34) *holcol* *tambih* ***b-üč'-l-äl*** *žamaʔat* *it'ino-uq'o*
 3SG.LAT punishment(III) III-cut-CAUS1-INF Dzhamaat small-big
q'ac'obak-ca *majdal-li-ʔ*
 gather-PRS square-OBL-IN
 'Dzhamaat gathered young and old on the square in order to decide on a punishment for him.'

- (35) *usman* *dibija* ***b-üč'-l-ä:hijo*** *hökmö* *hinila*
 Usman mullah(I) III-cut-CAUS1-REM.PST decision(III) self.GEN2
ʔ'ibil-li-l-da:=na *Ø-üⁿχö-nä*
 clan-OBL-CONT-DIR=ENCL I-turn-CVB
 'Mullah Usman made a decision in favor of his family.'

The transitive verb *niso-* 'say' also allows two causative suffixes: the addition of the causative 1 suffix results in the lexicalized meaning 'ask', also 'ask for a girl's hand in marriage', rather than 'make say' (36b), while the causative 2 suffix gives rise to both 'make say' and 'make ask', 'demand'. In the causative construction with the causative 2 suffix on *niso-* 'say', the Causer is marked with the ergative, the Causee is in the instrumental, and the Addressee argument remains in the poss-essive (36c-d).

- (36) *niso-* 'say'
- a. *ijo* *niso-s* *holco-qa,* *abo* *Ø-iʔ'e-ja-s*
 mother.ERG say-PRS 3SG.OBL-POSS father(I) I-kill-PST.PTCP.OBL-GEN1
äjib-zu *gäč'el*
 guilt-FOC be.NEG.PTCP
 'His mother told him that his father was killed without being guilty (of any wrongdoing).'
- b. *do* ***niso-l-lo*** *holco-qa* *že* *beta* *hic'-aʔas-di*
 1SG.ERG say-CAUS1-PST 3SG.OBL-POSS now then be.afraid-NEG.PRS-Q
šäjt'äl-lä:-qä
 devil-PL.OBL-POSS
 'Then I asked him if he was still afraid of devils.'

- c. kibba öždid ist'iqa k'oŋjo jäže **niso-ll-ina**
 girl.ERG boy.INS brother.POSS bad word say-CAUS2-PST
 'The girl made the boy say a bad word to his brother.'
- d. kibba öždid ist'iqa okko **niso-ll-ina**
 girl.ERG boy.INS brother.POSS money say-CAUS2-PST
 'The girl made the boy ask his brother for money.'

The basic meaning of the verb *-ako-*⁷ is 'take (off), remove', e.g., 'take off a hat; remove the skin of a vegetable'. This verb can only take the causative 2 suffix, resulting in a standard causative construction as well as forming lexicalized verbs. The verb *-ako-* with the causative 2 suffix is often used in contexts where an Instrument argument is presupposed, but remains unexpressed. In (37a) the causative verb *b-ako-ll-ina* has the direct object *λ'ahi* 'shot'. Although there is no overt Instrument argument, in context it can easily be identified as *topi* 'gun' or some other type of weapon. In (37b) the meaning 'play melodies' is expressed with the causative *j-ako-ll-is*, and the specific musical instrument used could have been mentioned explicitly in the instrumental case, e.g., 'play melodies on the flute, guitar, etc.'

(37) *-ako-* 'take'

- a. **b-ako-ll-ina** geĵ hoco λ'ahi
 III-take-CAUS2-CVB be.PRS 3SG.ERG shot(III)
 'He was shooting.' (lit. 'taking shots')
- b. šašat'o=na b-äl'en-na nako-wa **j-ako-ll-is**
 flute(III)=ENCL III-beat-CVB melody(IV)-PL NHPL-take-CAUS2-PRS
 'Taking the flute, he plays melodies.'
- c. raziti-la-s **b-ako-ll-ina** keč'=na gähija?
 joy-OBL-GEN1 III-take-CAUS2-CVB song(III)=ENCL be.SIM.CVB
 'Singing a song of joy...'

Another non-prototypical causative usage with the causative 2 suffix is shown by inanimate Agents in exterior force constructions, illustrated here with the transitive verb *t'ut'*- 'throw'. When the Causer in the causative construction with *t'ut'*- 'throw' is inanimate, no causee is possible. In the exterior force construction seen in (38b) the inanimate Agent marked with the ergative expresses a natural force, the avalanche.

(38) *t'ut'* 'throw'

- a. di:qa kisa? bäbä-lä-š rö?il zuq'o-jo, t'ut'-ijo do holloł
 1SG.POSS pocket.IN bread-OBL-GEN1 piece be-PST throw-PST 1SG.ERG 3SG.LAT
 'I had a piece of bread in my pocket, and threw it to her (the dog).'
- b. äñdä: j-oñq'o-na onowa-li **t'ut'-ill-is** hollos biło
 in.front IV-come-CVB avalanche(IV)-ERG throw-CAUS2-PRS 3PL.GEN1 house
 'The avalanche, which came right up to their door, destroyed their house.'

⁷ The verb *-ako-* 'take, take off' often appears in set expressions, e.g., *müšo bakal* 'breathe' (lit. 'breath take'), *yäh bakal* 'bear, endure' (lit. 'conscience take'), *zaman bakal* 'spend time' (lit. 'time take'), *xäbä bakal* 'take a step' (lit. 'foot take'), *misal bakal* 'give an example' (lit. 'example take'), *xabar bakal* 'start talking' (lit. 'story take'), etc.

b-uq'a: abo-la: hide-zu b-ako-jo χabar
 HPL-big.PL.OBL man-PL.ERG self.ERG-EMPH III-take-PST story(III)
 'The old men themselves started talking.'

4.2. Agentivization

Agentivization is the process of increasing the degree of agency, intentionality, volitionality or control of an Agent/ Causer [Aikhenvald 2011; Kittilä 2009]. In the transitive construction from affective verbs, what was originally the lative Experiencer receives ergative case and the Stimulus retains the absolutive case, i.e., the Experiencer is ‘agentivized’ and no new argument is added, meaning that these items remain two-place verbs. The relevant affective verbs are *-iq* ‘know’, *-at* ‘love, want’, *zob-* ‘find’, *-iⁿqo-* ‘receive, find’, *šö?* ‘forget’, *tuq-* ‘hear’, *čog-* ‘hear, be informed’, *č’at-* ‘feel’. So causativization of these affective verbs does not change the number of arguments, but instead affects the argument coding [Comrie et al. 2018]. Such agentivization of affective verbs is quite common for Nakh-Daghestanian languages, e.g., Hinuq [Forker 2013: 468], Godoberi [Kibrik 1996: 120].

(39) *-iⁿqo-* ‘find’

- a. hidel Ø-iλ’-al q’urban Ø-iⁿq-a?a-l
 self.LAT I-kill-INF Kurban(I) I-find-NEG-CVB
 ‘Because they had not found Kurban to kill.’

- b. že xisaλ’a hollo na:s-di mašina **m-iqo-l-ca**
 now in.the.morning 3PL.ERG where.ABL-Q car(III) III-find-CAUS1-PRS
 ‘Now in the morning they find a car from somewhere.’ (lit. ‘They cause a car to be found’).

The syntactic/ semantic difference in example (39) is in terms of volition and control. In (39a) the Experiencer does not have control, but simply experiences the situation, while in (39b) the Causer has some control over the process of finding the car. The sentence is ambiguous between direct and indirect causation: the Causer may have found the car indirectly, e.g., by asking a friend to find one, or directly by going and looking for one in person.

Another example of agentivization under causativization is illustrated in (40). In (40a) the lative Experiencer lacks volition and agentivity. In (40b) the ergative Agent, Tagir, has more control over the situation: here he acts deliberately in order not to forget his beloved, e.g., by always keeping her in mind. Here the causative suffix in (40b–c) derives a transitive construction.

(40) *šö?* ‘forget’

- a. hollo:l b-öčöjoli älälä ädäm-lä:-l heχzu šö?-nä
 3PL.ABS HPL-go.MSD village.OBL man-PL.OBL-LAT long.ago forget-PST
 ‘The village people forgot long ago that the others had gone away.’

- b. sid lahzat-li-?na j-ak’λ’as **šö?-l-ä?ä-š**
 one moment-OBL-IN=ENCL II-heart.SUP.ABL forget-CAUS1-NEG-PRS
 t’ahir-i holo
 Tagir-ERG 3SG.ABS
 ‘Tagir does not forget her for a single moment.’

- c. wahlā:la pikro=na m-eh-na huli q’erλ’ezi Ø-aq-ca holo
 so thought(III)=ENCL III-send-CVB 3SG.ABS try I-happen-PRS 3SG.ABS
 j-ak’λ’as **šö?-l-äl**
 II-heart.SUP.ABL forget-CAUS1-INF
 ‘By thinking this way, he was trying to forget her.’

Two affective verbs, meaning ‘hear’ and ‘meet’, allow both transitive and ditransitive usage in the causative form. The verb *tuq-* ‘hear’ illustrated in (41a) forms a ditransitive construction under causativization (41b), but also a transitive construction as in (41c), which requires the

absolutive object ‘ear’ (lit. ‘make ear hear’), and the latter gives the idiosyncratic meaning ‘listen very attentively, keep an ear open’.

(41) *tuq*- ‘hear’

- a. jiḷa hič’ejaqa holḷol aⁿc-ḷ’a q’öp’ḷöllözu tuq-ca
 much be.afraid.CAUSE 3SG.LAT door-SUP knocking hear-PRS

‘She hears knocking on the door because she is scared.’

- b. kibba keč’ dil **tuq-il-ca**
 girl.ERG song 1SG.LAT hear-CAUS1-PRS

‘The girl made me hear the song.’

- c. xöxdöj hiⁿca=na Ø-eⁿḷ’e-na äⁿḷä=nä **tuq-in-na** Ø-enekzi
 tree.APUD near=ENCL I-go-CVB ear=ENCL hear-CAUS1-CVB I-listen

Ø-aq=ḷo

I-happen.IMP=QUOT

‘Go near the tree, keep your ear open and listen!’

In addition to agentivization, under causativization some Bezhta affective verbs acquire various idiosyncratic meanings. The morphological causative of *-at*- ‘love’, which requires the causative 1 suffix, is interpreted not as ‘make (someone) love’, but ‘hug, cuddle’ (42). Similarly, the causative 1 of *-iq’e-* ‘know’ means ‘learn’, in the sense of expending effort to master something rather than merely coming to know it (43).

(42) *-at*- ‘love’

- a. kibba-l ijo j-at’-ca
 girl.OBL-LAT mother(II) II-love-PRS

‘The daughter loves her mother.’

- b. kibba ijo **j-at’-il-ca**
 girl.ERG mother(II) II-love-CAUS1-PRS

‘The daughter hugs her mother.’ (not ‘makes her mother love’)

(43) *-iq’e-* ‘know’

- a. öždi-l dars j-iq’e-š
 boy.OBL-LAT lesson(IV) IV-know-PRS

‘The boy knows the lesson.’

- b. öždi dars **j-iq’e-l-ca**
 boy.ERG lesson(IV) IV-know-CAUS1-PRS

‘The boy learns the lesson.’ (not ‘makes the lesson know’)

Adding the causative 2 suffix to such affective verbs derives a ditransitive construction.

- (44) a. dil t’ok’ab unti-urḷel q’aridli=na šö?-nä
 1SG.LAT more illness-sorrow difficulty=ENCL forget-CVB

‘I forgot about sorrow and difficulty.’

- b. dil j-aq-ijo šinab q’aridli, zahmatli=na miže
 1SG.LAT IV-happen-PST.PTCP all misery(IV) difficulty(IV)=ENCL 2SG.ERG

šö?-ill-ijo

di:-d

forget-CAUS2-PST 1SG.OBL-INS

‘You made me forget all the misery and difficulties that befell me.’

Table 3

Causatives from affective verbs

[LAT, ABS]	Causative 1	Causative 2
-at'- 'love'	-at'-il 'hug' [ERG, ABS]	-at'-ill 'make hug' [ERG, INS, ABS]
-iq'e- 'know'	-iq'e-l 'learn' [ERG, ABS]	-iq'e-ll 'make learn' [ERG, INS, ABS]
šōʔ- 'forget'	šōʔ-il 'forget' [ERG, ABS]	šōʔ-ill 'make forget' [ERG, INS, ABS]
-i ⁿ qo- 'find'	-i ⁿ qo-l 'find' [ERG, ABS]	-i ⁿ qo-ll 'make find' [ERG, INS, ABS]
zok- 'find'	zok-il 'find' [ERG, ABS]	zok-ill 'make find' [ERG, INS, ABS]
č'al- 'feel'	č'al-il 'inform' [ERG, LAT, ABS]	č'al-ill 'make inform' [ERG, LAT, INS, ABS]
čoq- 'be informed'	čoq-il 'inform' [ERG, LAT, ABS]	čoq-ill 'make inform' [ERG, LAT, INS, ABS]
tuq- 'hear'	tuq-il 'make hear' [ERG, LAT, ABS]	tuq-ill 'make hear' [ERG, LAT, INS, ABS]
-ega- 'see'	-ega-l 'show' [ERG, LAT, ABS]	-ega-ll 'make show' [ERG, LAT, INS, ABS]

4.3. Sociative

As presented in Section 3.2, the general rule for the causative 2 suffix is that it expresses indirect causation when deriving causative constructions from transitive verbs, whereas verbs derived with the causative 1 suffix generally express direct causation. But in addition to this fundamental distinction there is an intermediate category known as sociative causation, which is treated as an extension of causative meaning [Shibatani, Pardeshi 2002].

In Bezhta, the complex causative suffix also conveys sociative causation when used with one specific transitive verb, namely *-eže-* 'take, lead, buy'. In addition to the causative constructions presented in Section 3.2, causativization of this transitive verb does not change the number of arguments, but alters the verbal semantics, producing a sociative reading. The Bezhta sociative is mostly one of joint action, where the Agent and the Patient perform an action together.

In the text corpus, the verb 'take' with the causative 2 suffix is consistently used in contexts where the Patient is an animal or a human that has no control over its actions and intentions. For example, the causative of 'take' often denotes 'drive' with animals; it is also used in the context of small children who can barely walk, or with reference to capturing a prisoner or enemy. That is, when the causative construction is applied to 'take' it signals that the Agent has greater control over the causing process. Thus, the causative of 'take' has a sociative meaning. In example (45a) the khan takes the boy along, but the latter is acting of his own volition; meanwhile in (45b) the participant who is led into the room has a low degree of control, as he does not really want to go but is merely obeying the host. In (46c–d) the Causer is immediately / physically involved in the process of driving cattle / cows, for example, by using his hands.

(45) *-eže-* 'take, buy'

- a. *χan-li huli Ø-eže-š hinɣoj šahar b-ega-l-al tuplił*
 khan-ERG 3SG.ABS I-take-PRS self.COMIT city(III) III-see-CAUS1-INF Tbilisi.IN
 'The khan takes the boy with him to Tbilisi to show (him) the city.'

- b. *loⁿh=na t'ike-n-na bižo-ʔ-da: Ø-eže-ll-is hollo*
 smile=ENCL drop-CAUS1-CVB house-IN-DIR I-take-CAUS2-PRS 3SG.ERG
 'Smiling, she leads (forces) him into the house.'

- c. boc'i=na **b-eže-ll-ina** b-öčö-š hollo:l q'ačax-al
 cattle(III)=ENCL III-take-CAUS2-CVB HPL-go.away-PRS these bandit-PL
 'These bandits go away, taking the cattle with them.'
- d. hino-hi-d reked=na waja-s **b-eže-ll-ina**
 road-OBL-INS herd(III)=ENCL cow-GEN1 III-take-CAUS2-CVB
 '(He) drove the herd of cows along the road.'

4.4. De-agentivization

Occasionally the causative morpheme can also function as a valency-decreasing device. The causative of *-ako-* 'take (off), remove' exhibits an unexpected non-causative effect of this kind: the Agent is demoted and marked with the absolutive case, and the verb expresses the meaning 'move (oneself), clamber', often combined with locative adverbs 'up' and 'down'.⁸

(46) *-ako-* 'take'

- a. öžö λi:da: Ø-**ako-ll-is**
 boy(I) down.DIR I-take-CAUS2-PRS
 'The boy clambers down.'
- b. χöχλ'ä λ'odok-al äle=na b-oχ-na λ'odda: Ø-**ako-ll-icala?**
 tree.SUP climb-INF branch(III)=ENCL III-hold-CVB above.DIR I-take-CAUS2-SIM.CVB
 'Holding on to the branch in order to climb the tree and clambering up.'

A transitivity-decreasing function of causative derivation is not attested in many languages [Kittilä 2013]. It is quite rare for a causative derivation to have two roles, valency-increasing and valency-decreasing, even if this valency-decreasing effect occurs only in the context of one verb and the meaning is lexicalized, as is the case here.

5. Agentive-patientive verbs and causative derivation

5.1. Bezhta verbal classes

In order to describe the causative derivation and account for the distribution of causative morphology in Bezhta, one has to consider both syntactic and semantic parameters of (in)transitivity [Shibatani 2001; Kulikov 2013]. Bezhta verbs fall into two main groups, intransitive and transitive, while two further groups, affective and unergative, are more peripheral.

However, the group of intransitive verbs is not homogeneous. The majority of Bezhta intransitive verbs are prototypically intransitive, i.e., both semantically and syntactically: the intransitive subject is a single argument marked with the absolutive and it acts as a prototypical Patient (e.g., 'break', 'fall', 'burn', 'get clean', 'turn', 'ache', 'dry'). On the other hand, there exist many intransitive verbs that are only intransitive syntactically, but transitive in semantic terms: the intransitive subject, which is still a single argument marked with the absolutive, acts as Agent of the action (e.g., 'jump', 'sleep'). Given such 'split intransitivity', the majority

⁸ The same meaning can also be expressed by the antipassive of *-ako-*:

öžö λi:da: Ø-**ako-la-s**
 boy(I) down.DIR I-take-ANTIP-PRS
 'The boy clambers down.'

of Bezhta intransitive verbs are patientive intransitives contrasting with a smaller number of agentive intransitive verbs.

Prototypical agentive meaning is expressed with transitive verbs, which in Bezhta are two-argument verbs with an ergative Agent and absolutive Patient, the former performing the action and the latter undergoing it.

Agentive meaning is also expressed by unergative verbs. Bezhta unergatives constitute a small group of onomatopoeic verbs, for example, *käʔlō-* ‘caw’, *hicʎo-* ‘sneeze’, *öhʎō-* ‘cough’, *hikʎo-* ‘hiccup’, *hahʎo-* ‘yawn’. The single S_A argument is in the ergative and does not control agreement. Diachronically these onomatopoeic verbs seem to have arisen through the incorporation of an onomatopoeic element into the verb *iʎ-*, which synchronically means ‘call’ in Bezhta but has the more general meaning ‘say’ in some other Tsezic languages [Comrie et al. 2015: 542].

Another group of verbs with some degree of agentivity are affective verbs, which include verbs of perception, emotion, and cognition. The subject of affective verbs is an Experiencer and not an Agent. The Experiencer is in the lative, and the Stimulus in the absolutive. There are 11 affective verbs, namely *-ega-* ‘see’, *tuq-* ‘hear’, *čʼat-* ‘feel’, *-at-* ‘like, love, want’, *-iʳqo-* ‘find’, *-iqʼe-* ‘know’, *zok-* ‘find’, *čoq-* ‘hear’, *bidži-aq-* ‘understand’, *kezi-aq-* ‘meet’ (the latter two being light verb constructions), and *jakʎa-ec-* ‘remember’ (lit. ‘be on heart’).

5.2. Distribution of causative 1 and causative 2

As mentioned above in Section 2, Bezhta has several ways of expressing causative meaning, namely morphological causatives, compound verbs, periphrastic causatives, and serial causative constructions. The verbal classes presented all use at least one out of the morphological, suppletion and serial causative constructions, additionally combining with the analytic causative formation. The majority of Bezhta verbs can undergo morphological causative derivation, and the rest use either suppletion or causative serial constructions. So morphological causative derivation is the most productive of the causative processes in the language. Morphological causatives make use of two different suffixes, labelled causative 1 and causative 2. The causative 1 suffix is restricted in its use, as it is mainly compatible with patientive intransitive verbs and applies to only a few agentive intransitive verbs. Other agentive intransitive verbs form their causative by other means (the suppletive or causative serial constructions). By default, agentive meaning is primarily expressed by transitive verbs, and in addition it can be expressed by unergative verbs (‘sneeze’, ‘cough’, ‘yawn’, ‘shout’, etc.) and a small number of agentive intransitive verbs. All unergative verbs and a small number of agentive intransitive verbs, such as ‘play’, ‘dress’, ‘be hungry’, ‘fear’, ‘look at’, ‘talk’, ‘cry’, ‘fall’, derive their causative by means of the causative serial construction with ‘put’. A few agentive intransitive verbs form causative variants by means of suppletion, e.g., *-uko-* ‘die’ and *-iʎʼe-* ‘kill’, *-eʳʎʼe-* ‘go’ and *-eʳj-* ‘send’. Another class of agentive verbs is represented in inchoative-causative pairs where the suffix *-kʼ-* deriving transitive verbs corresponds to intransitives in *-t-*, e.g., *-äčt-* ‘be cold’ vs *-äčk-* ‘make cold’. Additionally the causative 1 suffix occurs with some transitive verbs, resulting in idiomatic expressions (Section 4).

So the causative 1 suffix is mostly used with patientive intransitive verbs, which are numerous. The causative 1 suffix produces transitive verbs with a new argument functioning as a Patient. Thus, such derived verbs can be analyzed as **lexical causatives**, with a newly introduced Causee functioning as a Patient (examples are transitive verbs from intransitives, affective, examples of agentivization). Lexical causative verbs express direct causation, corresponding to a single-event causation with agentive Causer and patientive causee, e.g., *break a vase*. In contrast to these patientive intransitive verbs, a few agentive intransitive verbs (e.g., *jump*, *go*, *stand*) are also able to take the causative 1 suffix, but they express indirect causation (*make jump*).

As for the causative 2 suffix, which is clearly based on the reiteration of one and the same morpheme (i.e., is diachronically based on two causative 1 suffixes), this derives a causative

form with a Causee functioning as an Agent. The causative 2 suffix derives causative verbs from intransitive, affective and transitive verbs. Causative verbs derived with the causative 2 suffix express indirect causation, corresponding to a two-event causation with agentive Causer and agentive Causee. The verbs derived with the causative 2 suffix are *productive causative verbs*.

The Bezhta data supports Shibatani & Pardeshi’s [2002: 137] proposal that lexical causatives are associated with inactive (patientive) intransitives, whereas productive causatives are associated with active (agentive) and transitive verbs. Causative 1 derives lexical causative verbs with idiomatic meanings whereas causative 2 is correlated with productive causative constructions introducing an agentive Causee. In a typological overview of double causatives Kulikov [1993; 1999] reports that the second causative is more regular and prototypical, while the first causative produces verbs with idiomatic meanings. The distribution of the first and second causative suffixes in Bezhta reflects Kulikov’s typological research on the ‘second causative’.

Bezhta causative constructions conform with a crosslinguistically observed pattern whereby specific parameters are correlated with the distinction between direct and indirect causation. The parameters involved are the productivity of the construction and the formal length of the morphological material employed.

The distinction between direct and indirect causation is correlated with the productivity of the causative construction, in line with the claim made by [Comrie 1989; Shibatani, Pardeshi 2002] that morphological causatives that are more productive often express indirect causation, and less productive causatives tend to express direct causation. Morphological causatives and analytical/periphrastic causative constructions in Bezhta are interchangeable, i.e., every morphological causative can be replaced by an analytic causative construction. Thus, analytic causatives are as productive as morphological causatives. Analytic causatives always express indirect causation. Morphological and analytic causative constructions can be used in tandem, for example in the formation of multiple causative constructions (Section 3.4.).

The formal length of the causative morpheme is clearly correlated with its directness, as direct causation is expressed with a shorter causative morpheme *-(i)l* whereas indirect causation is expressed with more complex causative morphology *-(i)l-l*. The complexity of the causative suffix is also correlated with transitivity, as Nedjalkov & Silnitsky [1973] note that causative markers deriving causative constructions from transitive verbs are more complex than those deriving causative constructions from intransitive verbs.

Thus, Bezhta morphological causative constructions that express indirect causation are more productive and longer than those expressing direct causation. This correlation between formal and semantic parameters is also present in other causative constructions in the language: causative serial verb constructions and periphrastic causative constructions are associated with indirect causation and are structurally more complex.

Furthermore, the semantic distinction between direct and indirect causation is enlarged by a third semantic distinction, sociative causation. The causative suffix *-(i)l-l* not only expresses indirect causation, but it also has extended meanings, sociative causation being among them. Thus, there is a causative continuum from direct causation to sociative causation and from sociative to indirect causation [Shibatani, Pardeshi 2002].

Leaving aside some lexical exceptions, the Bezhta causative system can be presented as in the Table 4 below.

Table 4

Semantics of morphological causatives

	-(i)l CAUS1	-(i)l-l CAUS2	-(i)l-l-l CAUS1-CAUS2
Vi	cause to Vi	cause to cause to Vi	cause to cause to cause to Vi
Vt	—	cause to Vt	cause to cause to Vt

6. Conclusion

In this paper, I have given a detailed description of Bezhta causative constructions and explained the distribution of the less productive, simple causative 1 and more productive, complex causative 2 suffixes. The causative 1 suffix is restricted in its use: it is mainly used with patientive intransitive verbs, a few agentive intransitive verbs and a few affective verbs, giving rise to idiomatic expressions. The causative 2 suffix derives pure causative constructions, with an agentive causer and agentive causee. Therefore, the causative 1 suffix covers lexical causatives and the causative 2 suffix forms productive morphological causatives. In addition to their canonical function of valency increase, the simple and complex causative suffixes can show non-causative functions: the simple causative suffix applied to affective verbs agentivizes the construction involved, while the more complex causative suffix applied to some transitive verbs only alters the verbal semantics.

Further tasks are left for future research. One of these is to investigate formal and semantic parameters in serial and periphrastic causative constructions. To understand the stages of development and grammaticalization of causative constructions, all Bezhta dialects and other closely related sister languages should be investigated.

Appendix: Causative morphology / distribution / allomorphy

To break up consonant clusters which are disallowed in the language, the epenthetic vowel *i* is used [Comrie 2002]. Traditionally the epenthetic vowel is treated as belonging to the suffix rather than to the stem, and in a sequence of several suffixes the epenthetic vowel is assigned to the suffix to its right. The causative 1 and causative 2 suffixes themselves make use of the epenthetic vowel after a consonant, giving *-il-* and *-ill-* respectively, e.g., *ogic* '*-il-ca*' 'jump-CAUS1-PRS', *gul-ill-ina* 'put-CAUS2-CVB', *gul-ill-ijo* 'put-CAUS2-PST', *gul-ill-is* 'put-CAUS2-PRS', *b-iše-l-ill-is* 'III-break-CAUS1-CAUS2-PRS', whereas *-l-/-ll-* is used with vowel-final verbal stems, e.g., *niso-ll-ijo* 'say-CAUS2-PST', *koko-l-ca* 'ache-CAUS2-PRS'.

The causative suffix *l* or a verbal stem ending in *l* is optionally assimilated to *n* before the nasal *n*, e.g., *ogic* '*-il-na* or *ogic* '*-in-na*' 'jump-CAUS1-CVB'; *öl-nä* or *ön-nä* 'be.enough-CVB'. The past suffix *-ijo* has an alternative reduced form *-o-*: after stems ending in *o*, as in *zuq* '*o-jo*' 'be-PST' vs. *zuq* '*o*' 'be.PST', and a reduplicated variant after stems ending in *l*, as in *öl-ijo* 'be.enough-PST' and *öl-lö* 'be.enough-PST'; *äxe-l-ijo* 'tear-CAUS1-PST' and *-äxe-l-lo* 'tear-CAUS1-PST'; *niso-l-ijo* 'say-CAUS1-PST' and *niso-l-lo* 'say-CAUS1-PST'.

ABBREVIATIONS

I, II, III, IV, V — genders (noun classes) I–V

ABL — ablative

ABS — absolutive

ANTIP — antipassive

ANTR.CVB — anterior converb

APUD — location 'near'

CAUS — causative

CAUSE — cause marker

COMIT — comitative

CONT — cont-essive

CVB — converb

DIR — directive

EMPH — emphasis

ENCL — enclitic

ERG — ergative

FOC — focus marker

GEN — genitive

HPL — human plural

IMM — immediate converb

IMP — imperative

IN — in-essive, location 'in, inside'

INCH — inchoative

INF — infinitive

INS — instrumental

LAT — lative
 MSD — masdar
 NEG — negation
 NHPL — non-human plural
 PL — plural
 POSS — poss-essive, location ‘at’
 PRS — present tense
 PST — past tense
 PTCP — participle

Q — question marker
 QUOT — quotative
 REM.PST — remote past
 SG — singular
 SIM.CVB — simultaneous converb
 SUB — sub-essive, location ‘under’
 SUP — super-essive, location ‘on, above’
 TRANSL — translative

REFERENCES

- Aikhenvald 2011 — Aikhenvald A. Y. Causatives which do not cause: Non-valency-increasing effects of a valency-increasing derivation. *Language at large: Essays on syntax and semantics*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Leiden: Brill, 2011, 86–142.
- Comrie 1989 — Comrie B. *Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology*. 2nd edn. Oxford: Blackwell, 1989.
- Comrie 2001 — Comrie B. ‘Love your enemies’: Affective constructions in two Daghestanian languages. *Perspectives on semantics, pragmatics, and discourse: A Festschrift for Ferenc Kiefer*. Kenesei I., Harnish R. M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2001, 59–72.
- Comrie 2002 — Comrie B. Verb stems and verb inflection in Bezhta. *Philologie, Typologie und Sprachstruktur / Philology, typology and language structure: Festschrift für Winfried Boeder zum 65. Geburtstag / Festschrift for Winfried Boeder on the occasion of his 65th birthday*. Wolfram Bublitz W., von Roncador M., Vater H. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002, 251–264.
- Comrie et al. 2015 — Comrie B., Khalilov M., Khalilova Z. Valency and valency classes in Bezhta. *Valency classes*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2015, 541–570.
- Comrie et al. 2018 — Comrie B., Forker D., Khalilova Z. Affective constructions in Tsezic languages. *Non-canonically case-marked subjects. The Reykjavik-Eyjafjallajökull papers*. Barðdal J., Pat-El N., Carey S. M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2018, 55–82.
- Comrie et al. 2021 — Comrie B., Forker D., Khalilova Z., van den Berg H. Antipassives in Nakh-Daghestanian languages: Exploring the margins of a construction. *Antipassive: Typology, diachrony, and related constructions*. Janic K., Witzlack-Makarevich A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2021, 515–548.
- Dixon 2000 — Dixon R. M. W. A typology of causatives: Form, syntax and meaning. *Changing valency: Case studies in transitivity*. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, 30–83.
- Forker 2013 — Forker D. *A grammar of Hinuq*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. More on typology of inchoative/causative verb alternations. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993, 87–120.
- Haspelmath 2017 — Haspelmath M. Universals of causative and anticausative verb formation and the spontaneity scale. *Lingua Posnaniensis*, 2017, 58(2): 33–63.
- Khalilov 2020 — Khalilov M. Sh. *Na ustakh u bezhtintsev: legendy, predaniya, skazki i rasskazy* [Legends and tales of the Bezhta people]. Moscow: Institute of Linguistics, 2020.
- Khalilova 2017 — Khalilova Z. Kauzativy v bezhtinskom yazyke [Causatives in Bezhta]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2017, 4: 111–115.
- Khalilova 2022 — Khalilova Z. Serial'nye konstruksii v bezhtinskom yazyke [Serial constructions in Bezhta]. *Rhema*, 2022, 3: 88–113.
- Kholodovich (ed.) 1969 — Kholodovich A. A. (ed.). *Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfologicheskii kauzativ* [Typology of causative constructions: Morphological causative]. Leningrad: Nauka, 1969.
- Kibrik (ed.) 1996 — Kibrik A. E. (ed.). *Godoberi*. Munich: Lincom, 1996.
- Kibrik, Testeleets 2004 — Kibrik A. E., Testeleets Ya. G. Bezhta. *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 3: *The North East Caucasian languages, part 1*. Job M. (ed.). Ann Arbor: Caravan Books, 2004, 217–295.
- Kittilä 2009 — Kittilä S. Causative morphemes as non-valency increasing devices. *Folia Linguistica*, 2009, 43(1): 67–94.
- Kittilä 2013 — Kittilä S. Causative morphemes as de-transitivizing mechanisms. What do non-canonical instances reveal about causation and causativization? *Folia Linguistica*, 2013, 47(1): 113–137.

- Kulikov 1993 — Kulikov L. The “second causative”: A typological sketch. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993, 121–154.
- Kulilov 2013 — Kulikov L. Constraints on the causative derivation in early Vedic: Evidence for a diachronic typology of transitivity. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*, 2013, 49(1): 79–101. <https://doi.org/10.1515/psicl-2013-0003>
- Kulikov 1999 — Kulikov L. Remarks on double causatives in Tuvan and other Turkic languages. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1999, 88: 49–58.
- Nedjalkov et al. 1973 — Nedjalkov V., Silnitsky G. The typology of morphological and lexical causatives. *Trends in Soviet theoretical linguistics*. Kiefer F. (ed.). Dordrecht: Reidel, 1973, 1–32.
- Nichols et al. 2004 — Nichols J., Peterson D. A., Barnes J. Transitivity and detransitivizing languages. *Linguistic Typology*, 2004, 8: 149–211.
- Shibatani (ed.) 1976 — Shibatani M. (ed.). *The grammar of causative constructions*. New York: Academic Press, 1976.
- Shibatani 2001 — Shibatani M. Introduction: Some basic issues in the grammar of causation. *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Shibatani M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2001, 1–22.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum. *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Shibatani M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2002, 85–126.

Получено / received 24.10.2022

Принято / accepted 22.11.2022

Areality of clause-linkage: The consecutive construction in languages of Veracruz

© 2023

Jesús Olguín Martínez

Illinois State University, Normal, USA; jolguinmartinez@gmail.com

Abstract: The consecutive construction was once thought to be unique to African languages. Subsequent work has demonstrated its existence in languages spoken in different parts of the world (e.g., Australia and Oceania). Intriguingly, it often occurs in areal clusters. Its areality is a puzzle, because such constructions are deeply embedded in grammars (i.e., marked with affixes, clitics, or conjunctions), and the forms of the markers themselves are not shared across language boundaries. Here it is shown that Veracruz is another zone where this clause-linkage pattern is attested. Examination of a set of unrelated languages indigenous to Veracruz: Huasteca Nahuatl, Papantla Totonac, San Gabriel Huastec, and Uxpanapa Chinantec, sheds some light on how such areal patterns might come about. Based on a number of intra-genetic variance analyses, systematically informed by what is known from social/cultural history, it is proposed that Huasteca Nahuatl served as the source. The consecutive pattern in Huasteca Nahuatl has different functions. It is used for indicating temporal subsequence, motion-cum-purpose, tail-head linkage, afterthoughts, and commands. Some neighboring languages have copied some of these functions, and developed others.

Keywords: areal linguistics, consecutive, Mayan, Mesoamerican area, Otomanguean, polypredication, syntax, Totonacan, Uto-Aztecán

Acknowledgements: I would like to thank Marianne Mithun for comments on earlier drafts of this paper. I also thank two anonymous reviewers whose comments have contributed to greatly improve this paper in both content and form. Needless to say, all remaining shortcomings are my own.

For citation: Olguín Martínez J. Areality of clause-linkage: The consecutive construction in languages of Veracruz. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 122–142.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.122-142

Ареальность полипредикации: консекутивные конструкции в языках Веракруса

Хесус Ольгин Мартинес

Университет штата Иллинойс, Нормал, США; jolguinmartinez@gmail.com

Аннотация: Консекутивные конструкции когда-то считались специфической чертой африканских языков, но в дальнейшем были обнаружены и в языках других частей света (например, Австралии и Океании). Примечательно, что это явление нередко носит ареальный характер. Необычность этого в том, что такие конструкции глубоко укоренены в грамматике (оформляются специальными аффиксами, клитиками или союзами), а используемые показатели при этом формально различны в языках ареала. В этой статье мы показываем, что одним из таких ареалов является мексиканский штат Веракрус. Данные ряда неродственных языков этой зоны — уастеканского науатля, папантланского тотонакского, сан-габриэльского уастекского и успананского чинантекского — проливают некоторый свет на то, как могли возникнуть такие ареальные явления. На основании анализа внутригенетической вариативности с систематическим привлечением социокультурных исторических данных мы выдвигаем гипотезу о том, что первоисточником послужил уастеканский науатль. Консекутивная конструкция в этом языке многофункциональна:

она оформляет следование во времени, «движение с целью», конструкции с анадиплосисом, комментарии и приказы. Некоторые соседствующие языки переняли часть этих функций и при этом развили новые.

Ключевые слова: ареал Центральной Америки, ареальная лингвистика, консекутив, майя языки, отомангские языки, полипредикация, синтаксис, тотонакские языки, юто-ацтекские языки

Для цитирования: Olguín Martínez J. Areality of clause-linkage: The consecutive construction in languages of Veracruz. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 122–142.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.122-142

1. Introduction

It is clear that clause-linkage strategies can be transferred across family lines with or without substance. The theoretical importance of exploring this domain has been highlighted by various typological studies [e.g., Schmidtke-Bode 2009: 202–203; Martowicz 2011: 327; Hetterle 2015: 269]. However, we are just beginning to learn about the myriad ways this can happen. The present paper analyzes the areality of the consecutive construction, a clause-linkage pattern that has received little attention cross-linguistically.

The term CONSECUTIVE refers to constructions in which only the first clause shows the formal characteristics of an independent clause, and the following clause or clauses are characterized by a reduction or lack of verbal inflection, and/or by the use of a verbal form called the consecutive [Creissels et al. 2008: 140; Vydrin 2020: 85]. In (1), the temporal frame of the discourse is initially anchored with the past tense marker *-a-*, and the second clause appears with the consecutive marker *ka-*.

(1) MANDA (Atlantic-Congo/Bantu)

va-a-l-ili, va-ka-wok-a...

3PL.SBJ-PST-eat-PST 3PL.SBJ-CONS-depart-FV

‘They ate, and then they went from there...’ [Bernander 2017: 196]

Another example is attested in Bambara. In this language, the initial clause shows the formal characteristics of an independent clause, and the following clauses show a reduction of verbal inflection (i.e., they do not appear with any tense-aspect-mood markers). Unlike the Manda example in (1), the Bambara consecutive is not marked with a dependent verbal form. Instead, it occurs with the conjunction *ni* and appears in the infinitive.

(2) BAMBARA (Mande/Western Mande)

nê yêrê dôn-na, ni kà nà yèlen à kàn,
1SG.EMPH self enter-PFV.INTRANS CONJ INF come rise 3SG on

‘I came in myself, and then climbed on it,

ni k’ a jîni.

CONJ INF 3SG search

and then search for it.’ [Vydrin 2020: 84]

While the consecutive is common in many African languages, this construction is also attested in other areas of the world, such as Australia (example (3)) and Oceania (example (4)). This suggests that the consecutive is not a uniquely African phenomenon.

(3) WANGKAJUNGA (Pama-Nyungan)

yu-ngun-pa-jananya kartiya-lu, mintim-ma-nun-pa-lta-ya.

give-PST-?-3PL.OBJ European-ERG sew-CAUS-PST-?-SEQ-3PL.SBJ

‘The European gave it to them, and then they sewed it.’ [Jones 2011: 270]

(4) LENAHEL (Austronesian/Oceanic)

k-im-a-ini petimw netg-nil-ar miin ka, m-ep-a-lis io.
 3-PST-PL-say all name-3-PL PL that and-SEQ-PL-take 1SG

‘They told me all their names, and then they took me away.’ [Lynch 1978: 50]

Intriguingly, the consecutive pattern appears in various parts of the world in areal clusters, suggesting that diffusion through language contact is likely to have taken place. The question is: How could such deeply-integrated grammatical systems be transferred, usually without substance? Here this question is explored in four genealogically unrelated Mesoamerican languages spoken in Veracruz: Huasteca Nahuatl, Papantla Totonac, San Gabriel Huastec, and Uxpanapa Chinantec. Some hypotheses are offered regarding the directionality of spread of this pattern, identifying the source and the details of chains of contacts where possible. For this task, exploring the internal diversity of the families or genera composing the areal cluster will be important.

The paper is organized as follows. Section 2 provides an introduction to the consecutive pattern and its areality. Section 3 discusses the areality of the consecutive pattern in languages spoken in Veracruz. Finally, the paper concludes with a brief summary of the main findings (Section 4).

2. Consecutive constructions: Cross-linguistic distribution

As mentioned earlier, the term consecutive refers to constructions in which only the first clause shows the formal characteristics of an independent clause, and the following clause or clauses are characterized by a reduction in or lack of verbal inflection (5). Consecutive markers may be overt or not. In this regard, Nurse & Philippson [2006: 165] note that in many Bantu languages, consecutives are unmarked: “We went (marked for past) to the market, we buy bananas, we go home, we eat, etc.”, in which the first verb is marked for tense while the rest are unmarked.¹

(5) ETON (Atlantic-Congo/Bantu)

à-Lté L-nɔŋ ndɔgà, à-dí-H.
 I-PRS INF-take mango I-eat-CONS

‘He takes a mango, and then eats it.’ [Van de Velde 2008: 269]

One important terminological issue should be mentioned here. Consecutive markers have been called different things, e.g., “narrative”, “sequential” [Persohn 2017: 210]. These terms are not used consistently by different authors. Accordingly, I follow Nurse [2008: 121] and adopt the term CONSECUTIVE. The consecutive pattern may be used for expressing temporal subsequence. This interpretation is consistent with the frequent occurrence of other clause-linking devices in this type of construction (e.g., consecutive devices may appear with a sequential ‘and then’ coordinator).² This reinforces the sequential reading [Emanatian 1990: 201]. However, the consecutive can also be used for indicating other adverbial relations, and in a number of languages,

¹ The consecutive function is marked in several ways in Bantu languages. One is by the use of prefix *a-* [Nurse 2008: 121]. The use of *na-* is also found in the expression of the consecutive function in Bantu languages. A third way of expressing the consecutive function is with the marker *ku-* [Ibid.: 122]. A fourth way is via null marking. The fifth, and the most common way of encoding consecutive constructions is with the verbal form *ka-* (Derek Nurse, pers. comm.). It is possible that the consecutive *ka-* in Bantu languages has developed from itive markers. The itive meaning ‘go and’ extends via distal ‘there/then’ to a function involving temporal subsequence [Nurse, Philippson 2006]. Another consecutive marker found in Bantu is *la-* [Koni Muluwa, Bostoen 2019: 440].

² This verbal form tends to be used in past narratives [Persohn 2017: 222], less frequently in timeless situations, followed by futures [Nurse 2008: 120]. While consecutive markers are most typically found

the consecutive clause is semantically underspecified for its relation to the preceding situation [Larry Hyman, pers. comm.; Welmers 1973: 364].

As was mentioned above, the time of the situation is first established, either explicitly in the first verb of the string, or implicitly, because the participants know the context, which therefore does not need mentioning. The following verb is then marked with a verbal form, which replaces the tense marker appropriate to the time established by the first verb [Emanatian 1990: 193]. This marker seems to be in many languages a dependent conjugation, dependent on an established frame of temporal reference. This has led Nurse [2008: 120] to call it a relative tense (in contrast to absolute tenses anchored in the here and now of the moment of speaking). Welmers [1973: 365] says that this marker is found not only in Bantu languages, but also in many Atlantic-Congo languages. Although this is a very general claim and needs quantifying, it suggests that this marker is probably not a Bantu innovation, but inherited from Atlantic-Congo.

Consecutive markers are attested for the most part in Bantu and other Atlantic-Congo languages (e.g., Noon, Mbodomo, Duka, Mbembe). However, they are also found in various Afro-Asiatic languages, such as Berber languages and Southern Cushitic languages [see Mous 1992: 146; Kießling 2000: 85; Galand 2002: 261; Taine-Cheikh 2010: 370; Harvey 2018: 156]. A number of Nilotic languages [Dimmendaal 1983: 174] and Kuliak languages [Schrock 2014: 395] also contain a construction marked with a similar pattern, as in (6) and (7), respectively.

(6) LOPIT (Eastern Nilotic)

e-iyàni xíwaró ñàmà, x-o-isière dè=xùróxó.
3SG-bring leopard.NOM sorghum.ABS SEQ-3SG-give to=goat.kids.ABS

‘The leopard brought the sorghum, and then gave it to the young goats.’ [Moodie, Rosey Billington 2020: 269]

(7) Ik (Kuliak)

itsón-kɔ-ese rɨj-ik-a ɔkób-ima-kʰ.
burn-COMPL-SPS forest-PL-NOM cultivate-1PL.EXCL-SEQ

‘The forest areas are burned and then we cultivate.’ [Schrock 2014: 395]

The consecutive has been described mainly in African languages. However, a closer look reveals that this pattern is also attested in other areas of the world. Various Australian languages seem to have consecutive constructions that convey temporal subsequence [see Kofod 1978: 68; Green 1989: 185; Evans 2003: 26; Mushin 2012: 193]. The Wangkajunga example in (8) shows a consecutive construction. The first clause shows the formal characteristics of an independent clause while the second clause is characterized by the use of the consecutive marker *-lta*.

(8) WANGKAJUNGA (Pama-Nyungan)

yu-ngun-pa-jananya kartiya-lu, mintim-ma-nun-pa-lta-ya.
give-PST-?-3PL.OBJ European-ERG sew-CAUS-PST-?-SEQ-3PL.SBJ

‘The European gave it to them, and then they sewed it.’ [Jones 2011: 270]

Algonquian languages also seem to have a similar pattern. In Ottawa, spoken in North America in southern Ontario and northern Michigan, one strategy used for indicating temporal subsequence is a construction in which the first clause shows independent order and the second clause shows conjunct order (9).³ This seems to match the definition of consecutive constructions adopted in the present study in that the first clause shows the formal characteristics

in past temporal contexts and often described as past tenses in the literature for specific Bantu languages, Nurse [Ibid.: 120] claims that this distribution is discourse-related.

³ The conjunct order is a verbal order that appears in subordinate clauses [Wolfart 1973; Campana 1996; Brittain 1997]. This verbal order has its own specialized person marking system and its own negation morphosyntax [Valentine 2009: 197]. It contrasts with the independent and imperative orders. Roughly, the independent order is used with verbs in main clauses and the imperative order is used with

⁵ The markers illustrated above are known in Southern Vanuatu languages as sequential aspect-markers [Lynch 1978: 50; 2000: 99] or echo-subject markers [Crowley 1998: 247]. With respect to echo-subject markers, a comment is in order here. Echo subject markers are only employed in various languages for indicating a same-subject relation between clauses [Lynch 1983]. However, echo-subject markers, in various languages of Southern Vanuatu, have developed an additional function [Bril 2004: 28]. Crowley [1999: 216] mentions that echo verb construction encoded with *m*- in Ura express a same-subject relation between clauses. Interestingly, echo subject markers can also be used for expressing a sequential relationship between clauses. In a similar fashion, Crowley [1998: 247] notes that the Sye echo subject markers *m*- is not only used for indicating same-subject, but also temporal subsequence.

languages (e.g., Abma, Ske [Schneider 2010: 218; Johnson 2014: 84]), Malakula languages (e.g., Ahamb, Big Nambas [Fox 1979: 83; Rangelov 2020: 243]), and Epi-Efate languages (e.g., Lelepa [Lacrampe 2014: 425]).

The discussion so far has shown that the consecutive pattern is attested not only in Africa, but also in other areas. The distributions certainly suggest that such constructions can be spread via contact given that they seem to appear in areal clusters. Speakers seem to have replicated the consecutive pattern with native material. Here it is shown that Veracruz is another zone where the consecutive pattern is attested.

3. Consecutive constructions in Mesoamerica

Mesoamerica is home to about 140 languages. There is general agreement that Mesoamerica has seven established and mostly uncontroversial language families — Mayan, Mixe-Zoquean, Tequistlatecan, Totonacan, Oto-Manguean, Uto-Aztecan, and Xinkan — and three language isolates — Cuitlatec, Huave, and Tarascan [Campbell 2016: 114]. A number of works have demonstrated that clause-linkage constructions in Mesoamerican languages allow to formulate several theoretical generalizations that can inform our theories of clause combining [e.g., Olguín Martínez 2022a].

After a careful analysis of the ranges of ways in which Mesoamerican languages express temporal subsequence, it was found that most of them use the Spanish loanwords *después* ‘after’ or *entonces* ‘and then’. Interestingly, there are four Mesoamerican languages not genetically related that contain a construction in which the first clause shows the formal characteristics of an independent clause, and the following clause is characterized by a reduction or lack of verbal inflection. These languages are spoken in Veracruz, a Mexican state stretching along the coast of the Gulf of Mexico. In Huasteca Nahuatl, temporally subsequent constructions are formed with the coordinator *huankino* ‘and then’ (12). The initial clause in a narrative sets the tense-aspect-mood stage with the perfective marker *-k*. After that the narration is carried forward by a clause that is nominalized with *-tok*.⁶

(12) HUASTECA NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

toahui neh-nen-k semilhui-tl,
woman RDP-walk-PFV all.day.long-ABS

‘The woman walked all day long,

huankino siah-tok
then get.tired-NMLZ

and then she got tired.’

A similar pattern is found in Papantla Totonac. In this language temporal subsequence is signaled with the conjunction *ntonse* ‘and then’ (13). The initial clause in a narrative sets the tense-aspect-mood stage by means of present tense marker *-ma*. After that the narration is carried forward by a clause lacking any tense-aspect-mood markers and person markers.

(13) PAPANTLA TONAC (Totonac-Tepehua)

k-an-ma ma:-cuk-í: cha’lhka:tnán,
1SG.SBJ-go-PRS TRANS-start-TRANS work

‘I started working (with my new boss),

⁶ Cross-linguistically, clauses linked with ‘and then’ devices always follow an iconic order. In addition, ‘and then’ devices tend to introduce clauses that appear with the same properties as independent declarative clauses; each clause is marked for its own independent time reference and shows overt person marking [Olguín Martínez 2022b: 252].

ntoneses mu-ju: tu:min nak bolsa.
 then TRANS-put.inside money in pocket
 and then I started earning more money.'

In San Gabriel Huastec, the conjunction *ta:m* 'and then' is used for expressing a temporal sub-sequence relation (14). In this example, the sequential relation is expressed with a construction that appears with a finite verb followed by a clause that carries the conjunction *ta:m* 'and then' and lacks any tense-aspect-mood markers. The finite verb, always occurring in sentence-initial position, carries the tense-aspect-mood marking.

(14) SAN GABRIEL HUASTEC (Mayan)

foʔ ʔu=tuh-e:l ʔan ʔahib ʔal ʔan bitsow,
 today ABS.3=start-INCOMPL DEF party PREP DEF town

Today, the party of the town (officially) started,

ta:m ma:l-in ʔu=ʔakan.
 then get.swollen-MIDDL 1SG.POSS=foot
 and then my foot got swollen.'

As is shown in (15), a typical consecutive construction in Uxpanapa Chinantec starts with a finite clause that is inflected for tense-aspect-mood and person and the following clause carries the conjunction *joba* 'and then'. This clause is devoid of tense-aspect-mood values and person marking.

(15) UXPANAPA CHINANTEC (Oto-Manguean/Chinantec)

ca-jme'-na' e jmiñi do,
 COMPL-prepare-2PL DEF.INAN steam DEM

'You prepared the food (for us),

joba' júng=b.
 then die.ANIM=EMPH
 and then you died.'

The parallelisms in these Mesoamerican languages cannot be explained as a common inheritance, because the languages are not genetically related. The most likely explanation is language contact, because the languages are spoken in the same geographical region (Veracruz), but it is difficult to see how such patterns could be transferred from one language to another. The questions are: How can we determine the directionality of spread of these clause-linking patterns (i.e., who passed it to whom)? Do speakers of replicating languages copy all properties and functions of a syntactic pattern from a model language?

To explore these questions, the present paper adopts a contact-induced change model and conducts a number of intra-genetic variance analyses, systematically informed by what is known from social/cultural history. The clusters composed of these features seem to be the result of event-based triggers (inducers), that is, historical events that led patterns to spread due to intensive language contact. In this particular scenario, patterns have been copied not because they have a universally high probability of developing, but out of mere fashion [see Bickel 2017]. Bickel [2015: 911] mentions that "event-based theories account for those processes of copying and replication that are not grounded in how well structures fit with the way our brain or communication works, but that instead result from whatever happens to be popular and en vogue in a given situation during a given time." Put another way, event-based theories explain that the relevant structures were replicated by speakers just for their prestige at the time, and not for any functional reason.

In the following subsections, a number of intra-genetic analyses are conducted for each of the genera and families forming the areal cluster: Aztecan, Totonac-Tepihua, Mayan, and Chinantec. By intra-genetic variance analyses is meant the analysis of the internal diversity of the genera

or families composing the areal clusters [Comrie 1993: 10; Kibrik 1998: 61]. Bickel [2008] mentions that for many typological research questions, it has become crucial to study intra-genetic variance.⁷ This is essential, for example, if one wants to estimate historical stability, transition probabilities, and direction of spread of a pattern.

3.1. Consecutive constructions in Huasteca Nahuatl

Nahuatl is a Southern Uto-Aztecan language that belongs to the Aztecan genus of the Uto-Aztecan language family. Nahuatl is perhaps one of the best documented Native American languages [Canger 1988]. There are around 1.5 million Nahuatl speakers in Mexico. However, because of the geographical distances among Nahuatl speakers, many spoken Nahuatl varieties have arisen. Flores Farfán [2010: 38] mentions that modern Nahuatl is a set of almost 12 varieties with different degrees of intelligibility. The data used in this work are drawn from one field work period in Teposteco, Chicontepec, Veracruz. This community has 363 inhabitants, and Spanish is used as the main means of instruction in all the different educational levels (Eladio Cruz, pers. comm.).

Nahuatl is a polysynthetic language with agglutinating tendencies. A simple clause in this language may consist only of a verbal word encoding not only the participants, but also voice information (e.g., causatives, applicatives), tense-aspect-mood markers, and illocutionary markers, among others. Peregrina Llanes [2015: 38] notes that simple clauses in Huasteca Nahuatl show different word orders. However, the SVO order is the most frequent. Huasteca Nahuatl shows nominative-accusative patterning in that the S of an intransitive construction and A of a transitive construction are marked in the same way, while the P of the transitive construction is marked differently.

Speakers of Huasteca Nahuatl indicate temporal subsequence with a consecutive construction. In this type of construction, the first clause contains tense-aspect-mood information. The second clause, however, has no tense-aspect-mood information besides the *huankino* marker (16). The context of the example suggests that the same tense-aspect-mood information present in the first clause has scope over the second clause.

(16) HUASTECA NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

Juan mo-kokoa-ki, huankino ia-tok kokoh-kali.
 Juan REFL-get.sick-PFV CONJ go-NMLZ pain-house

‘Juan got sick, and then he went to the hospital.’

The Huasteca Nahuatl consecutive pattern can also be used for indicating motion-cum-purpose, as in (17).

(17) HUASTECA NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

n-ia-s, huankino ki-nalikich-tis-tok.
 1SG.SBJ-go-FUT CONJ 3SG.OBJ-cross-CAUS-NMLZ

‘I will go to cross (the river).’

Cross-linguistically, this function is also attested in a number of Bantu languages. Many Bantu languages have a consecutive construction which, in addition to its regular consecutive use, can also be used after the verb ‘to go’ for encoding a motion-cum-purpose construction. An example is attested in Mbugwe, where the consecutive prefix *ká-* signals temporal subsequence, but also

⁷ Kibrik [1998: 61] notes that the extragenetic approach must be enriched by the intragenetic approach since this will enable us to make more fine-grained typological generalizations. Typologists should not blind themselves to the fact that important insights into cross-linguistic variation can also be gleaned from the examination of variation among languages genetically related [Comrie 1993: 10].

purposive relations after ‘to go’ (18) [Wilhelmsen 2019: 555]. In Mbugwe, the verb meaning ‘to go’ must appear in this construction and cannot be elided. However, in Swahili and some other Bantu languages, this type of consecutive construction expressing purpose does not have to appear with a verb meaning ‘to go’ [Almasi et al. 2014], as in the Kagulu example in (19). This is known as the consecutive subjunctive [Wilhelmsen 2019: 555], the itive subjunctive [Maganga, Schadeberg 1992: 107; Guérois 2015: 389] or the subsecutive [Devos 2008; Van der Wal 2009].

(18) MBUGWE (Atlantic-Congo/Bantu)

fét-á ó-ká-rem-a i-onda r-áákó.
go-IMP 2SG-CONS-cultivate-FV 5-field PP-2SG.POSS

‘Go to cultivate your farm.’ [Wilhelmsen 2019: 555]

(19) KAGULU (Atlantic-Congo/Bantu)

aseye chi-ka-tambul-a ma-sina.
1PL.SBJ 1PL.SBJ-CONS-mention-FV 6-name

‘We will (go to) mention names.’ [Petzell 2008: 114]

The Huasteca Nahuatl consecutive pattern can also be used for expressing an afterthought. In (20), the *huankino* clause does not indicate a temporal subsequence relation holding between clauses. Instead, it gives further information about the situation expressed in the first clause.

(20) HUAISTECA NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

ome machetes teki-tia-ya iselti.
two machetes work-CAUS-IPFV themselves

‘The machetes work by themselves.’

Huankino mo-palehuik-ti-ohui-tok.
CONJ REC-help-CAUS-AUX-NMLZ

‘They help each other (when they work).’

A similar function is also attested in other languages around the world. In Nyang’i, there are constructions appearing with the verbal form *-(e)se*, as in (21). In this type of construction, the first clause contains tense-aspect-mood information. The second clause, however, has no tense-aspect-mood information besides the *-(e)se* marker. The context of all examples suggests that the same tense-aspect-mood information present in the first clause is in effect in the *-(e)se*-marked clauses [Beer 2017: 118]. In this language, the consecutive pattern can be used not only for expressing temporal subsequence, but also afterthoughts, as in (21) and (22).

NYANG’I (Kuliak)

(21) *diece=seke di nene mutu=seke nanyi n-ake ate,*
say=PST matter these be=PST Nyang’i REL-EXIS EXCL.M

‘These things I said were Nyang’i,

die-se amane ka amane.
bring-SEQ like.this and like.this

I talked like this and like this.’ [Beer 2017: 118]

(22) *camika perukude.*

want main.road

‘They need/want a main road.’

aog-ese perukude, mut naa au na Lobalangit tan dare Kaiceri.
go-SEQ main.road be SUB go SUB Lobalangit to there Kaiceri

‘A main road that goes from Lobalangit to Kaiceri.’ [Beer 2017: 118]

The Huasteca Nahuatl consecutive pattern shows a fourth function. There are contexts in which the consecutive construction is used for expressing an imperative function (23).

In a sequence of clauses, the non-final clause is morphologically full-fledged (its verb is inflected as finite), and the other is nominalized: its verb appears in a form which cannot be used in independent clauses.

(23) HUASTECA NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

diablo ki-ihtoa-k, huankino neka xi-a-tok.
 devil 3SG.OBJ-say-PFV CONJ there IMP-leave-NMLZ

‘The devil told (the boy): “Leave!”’

A similar function is also attested in a number of African languages. The language So of the Kuliak family contains a consecutive construction that conveys temporal subsequence [Carlin 1993: 147; Heine, Carlin 2010]. In this language, consecutive constructions are marked with *na-*, *no-* (24). Heine & Carlin [2010], in their dictionary of So, show examples where this clause-linking device is used for signaling temporal subsequence. Furthermore, they show examples in which this verbal form appears in imperative constructions — e.g., *Stay nearby!* [Ibid.: 13]. In a similar fashion, the Turkana consecutive pattern can not only be used for indicating temporal subsequence, but also imperatives [Dimmendaal 1983: 174].

(24) So (Kuliak)

...it-ac akayon na-ac nao tuyenen.
 reach-VEN morning SEQ-come raiders there

‘...the morning came, and then the raiders came there.’ [Carlin 1993: 167]

The Huasteca Nahuatl consecutive pattern is also found in tail-head linkage contexts. Tail-head linkage is a discourse pattern that is pervasive cross-linguistically. It refers to a construction which contributes to discourse cohesion and structuring in that it “links sentences or paragraphs together, usually by repetition of at least part of the previous clause” [Thurman 1975: 342]. This repetition is a predominant resource in the organization of narratives in many languages of the world. Stenzel [2016: 437] shows that this strategy functions “like a spotlight in an unfolding theatrical production, directing the audience’s attention to specific scenes on the stage, illuminating first one, then moving on to another while leaving the first in the shadows.” In the example in (25), the tail clause is *ohuintitok* ‘he got drunk’ and the head clause is *ohuintiki* ‘he got drunk’. This function is also attested in other languages around the world. In Logoori (a Bantu language), the consecutive pattern, in addition to its regular consecutive use, can also be used in tail-head linkage constructions [Sarvasy 2019: 85].

(25) HUASTECA NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

ki-kua-k ki-kua-k, huankino ohuin-ti-tok.
 3SG.OBJ-eat-PFV 3SG.OBJ-eat-PFV CONJ danger-CAUS-NMLZ

‘He ate a lot, and then he got drunk.’

ohuin-ti-ki, huankino hues-tok huankino ki-tlalanteh-tok.
 danger-CAUS-PFV CONJ fall-NMLZ CONJ 3SG.OBJ-get.up-NMLZ

‘He got drunk, and then he fell down, and then he got up (with a lot of pain).’

Other Nahuatl varieties do not seem to show the same situation as Huasteca Nahuatl. In Tetelcingo Nahuatl, the conjunction *wan* conveys temporal subsequence. The example in (26) is a finite construction in that each verb is fully inflected and could in principle stand alone. Put another way, the clause introduced with the conjunction *wan* has a fully inflected verb that is identical to verbs of ordinary main clauses.

(26) TETELCINGO NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

o-mo-tloli-to i-cin-tla sen-te k^waw-tl,
 PST-REFL-place-went 3SG.POSS-bottom-LOC one-NUM tree-ABS

‘He went and set down under a tree,

wan om-pa o-mik sa nima.

CONJ middle-on PST-die.PFV just immediately

and then there he died forthwith.' [Tuggy 1979: 140]

The conjunction *wan* is also used for indicating temporal subsequence in North Puebla Nahuatl. The series of clauses in the example in (27) show morphological evidence of finiteness; each verb is fully inflected and could in principle stand alone.

(27) NORTH PUEBLA NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

o-ki-kiš-ti in sigaro, wan o-ki-maka-k,
PFV-it-go.out-CAUS ART cigarette CONJ PFV-it-give-PST

'He took out a cigarette and then gave it to him,

wan no=yohke o-ki-kiš-ti in seriyo,
CONJ also=same PFV-it-go.out-CAUS ART match

and then he also took out a match,

wan o-ki-cocon para ma=šotla.
CONJ PFV-it-strike to OPT=ignite

and then struck it.' [Brockway 1979: 190]

In Michoacan Nahuatl, temporally subsequent constructions are built around the conjunction *kʷakín* (28). Clauses linked with this device are morphologically full-fledged and show evidence of finiteness.

(28) MICHOACAN NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

ya newal nič-maka-he se libro,
now me me-give-PFV.PL a book

'They gave me a book,

kʷakín nič-ili-he...
CONJ me-say-PFV.PL

and then they said to me... [Sischo 1979: 370]

This subsection has shown that Huasteca Nahuatl contains a consecutive pattern with different functions. It is used for indicating temporal subsequence, motion-cum-purpose, tail-head linkage, afterthoughts, and commands. Given that other Nahuatl language varieties do not seem to have a consecutive pattern, one hypothesis is that Huasteca Nahuatl developed this pattern due to language contact. The following subsections explore the ranges of ways in which temporal subsequence is indicated in Totonac-Tepehua, Mayan, and Chinantec languages.

3.2. Consecutive constructions in Papantla Totonac

Papantla Totonac is a member of the Totonac-Tepehua language family. This is a genetic grouping of languages with (to date) no demonstrable ties to any other Mesoamerican languages [Beck 2004: 1]. Relations between individual languages are still unclear beyond the initial branching of the family into Tepehua and Totonacan.

The data used in this work are drawn from one field work period in El Remolino. This town is located in the municipality of Papantla, Veracruz. The community has roughly 1,200 inhabitants and is divided into neighborhoods. However, this is only for the purposes of organizing the community itself, since this division is not yet officially registered. El Remolino is a Totonac community, but there are also mestizo inhabitants. The majority of elders in the community are fluent in Totonac, Spanish, and Nahuatl. They are almost the only ones who speak Totonac and wear traditional clothing. As in other Totonacan languages, Papantla Totonac has a rich verbal

morphology. Verbs are marked not only for person and number of syntactic arguments, but also for a variety of tense-aspect-mood categories (e.g., optatives, irrealis, counterfactual), as well as for a wide range of valency-changing morphemes (e.g., causatives, applicatives).

Speakers of Papantla Totonac express temporal subsequence with a consecutive construction. The first clause is full-fledged; it contains tense-aspect-mood values and person marking. The verb of the second clause appears in a form which cannot be used in independent clauses; it lacks tense-aspect-mood and person marking. Clauses are linked with the conjunction *ntonses*.

(29) PAPANTLA TONAC (Totonac-Tepehua)

ta-xtu-lh *chi'xkú* *nak* *áqxtaqa*,
INGR-outside-COMPL man PREP house

'The man left the house,

ntonses *laq-lhku* *chaw*.
CONJ INTENS-burn tortilla

and then the tortillas were burnt.'

Other Totonac-Tepehua languages do not seem to express temporal subsequence with a consecutive pattern. In Necaxa Totonac, clauses linked with the conjunction *ali:stá:n* show morphological evidence of finiteness; each verb is fully inflected and could in principle stand alone:

(30) NECAXA TONAC (Totonac-Tepehua)

pus *mat* *gn-t* *tamá:*,
INTERJ QUOT go-PFV lie.down

'So he went to lie down,

ali:stá:n *mat* *ta-ftú-tfi* *tfu:wá* *tsamá:* *misín*.
CONJ QUOT INCH-out-PROX now that nagual

and then they say, now the nagual came out here.' [Beck 2004: 107]

In a similar fashion, Pisaflores Tepehuan [MacKay, Trechsel 2010: 315] and Xicotepec Totonac [Reid 1991: 84] indicate temporal subsequence with a construction in which clauses are morphologically full-fledged and show evidence of finiteness.

It is likely that Papantla Totonac developed the consecutive pattern due to language contact. Note that unlike the Huasteca Nahuatl consecutive pattern, the Papantla Totonac pattern is only used for expressing temporal subsequence.

3.3. Consecutive constructions in San Gabriel Huastec

Huastec is a Mayan language. This family, consisting of some thirty languages, is divided into Huastecan, Yucatecan, Ch'olan-Tzeltalan, Greater Q'anjob'alan, and Eastern Mayan (Mamean-K'ichean). Huastec is spoken today in a small area of southeastern San Luis Potosí and northern Veracruz, Mexico. This Mayan language is of particular concern to linguistics because it has been isolated in space from other members of the Mayan family [Edmonson 1988: 7]. The Veracruzano dialect of Huastec is spoken in the area around Tantoyuca, Tantima, Tancoco, and Chinampa. The data used in this work are drawn from one fieldwork period in El Mamey San Gabriel in the municipality of Tantoyuca. This community has roughly 162 inhabitants, and Spanish is used as the main means of instruction in all educational levels. San Gabriel Huastec, like other Mayan languages, is head-marking. Grammatical relations are all indicated in the head by means of Set A (ergative) and Set B (absolutive) pronominal inflections.

San Gabriel Huastec encodes temporally subsequent constructions with a consecutive pattern. The initial clause sets the tense-aspect stage with the completive aspect marker *-uw*. After that, the narration is carried forward with a non-finite clause that appears with the conjunction *ta:m*:

(31) SAN GABRIEL HUASTEC (Mayan)

ʔin=k'ap-uw t'ahat ja:n hafɪ nahe:ʔ ʔan k'apne:l ta:m jaʔul.
 3.ERG=eat-TRANS.COMPL much much REL DEM DEF food CONJ get.sick
 'He ate that meal, and then got sick.'

There are discourse contexts in which the conjunction *ta:m* seems to play an important role in the area of processing ease. The initial clause in (32) was preceded by a very long narrative sequence of actions. In this particular communicative scenario, speakers may require a break to formulate their next utterance. This may lead speakers to repeat the clause-linking device *ta:m* a number of times:

(32) SAN GABRIEL HUASTEC (Mayan)

na maria ʔin=k'ak'-θ-aʔ ʔan haʔ,
 HUM Maria 3.ERG=boil-CAUS-TRANS.COMPL DEF water
 'Maria boiled the water,
ta:m ta:m ta:m waj.
 CONJ CONJ CONJ sleep
 and then she took a nap.'

Other Mayan languages do not seem to express temporal subsequence with a consecutive construction. In Chol, the conjunction *che' jiñ* links two finite clauses; each verb is fully inflected and could in principle stand alone.

(33) CHOL (Mayan)

tsa'=bi och-i-Ø,
 PFV=REP enter-INTRANS-3.ABS
 'He (the man) entered,
che' jiñ tsa'=bi k'oty-i i-pejk-añ-Ø li x-ixik-ob.
 and then PFV=REP arrive-INTRANS 3.ERG-talk-TRANS-3.ABS DET CL-woman-PL
 and then he came to talk to the women.' [Vázquez Álvarez 2011: 437]

In Itzaj, the clause introduced with the conjunction *ka'* has a fully inflected verb that is identical to verbs of ordinary main clauses:

(34) ITZAJ (Mayan)

a' 'ayim-ej tal-ij y-alam a' ja'-ej,
 DET crocodile-TOP come-3SG 3SG.A-below DET water-TOP
 'The crocodile came beneath the water,
ka' t-u-mach-aj.
 then COMPL-3SG.A-grab-COMPL.TRANS
 and then it grabbed him.' [Hofling, Tesucún 2000: 565]

Popti shows an interesting scenario in that temporal subsequence is indicated with a construction similar to the San Gabriel Huastec consecutive pattern. The first clause contains aspectual information, and the following clause lacks aspectual marking, that is, the aspect marker *ch-* cannot occur in clauses introduced with the conjunction *cat*:

(35) POPTI (Mayan)

ch-oñ wa'i cat cu-way-oj.
 ASP-1PL.A eat then 1PL-sleep-suff
 'We eat and then we will sleep.' [Craig 1977: 66]

San Gabriel Huastec contains a construction not attested in other Mayan language (but see Popti). Given that this pattern is also attested in other unrelated languages spoken in the same region, diffusion through language contact may have taken place here.

3.4. Consecutive constructions in Uxpanapa Chinantec

The Chinantec languages comprise one of the major branches of the Oto-Manguean stock of Mesoamerican languages. Chinantec languages are spoken in northern Oaxaca and a few towns in Veracruz. They are largely monosyllabic, with highly elaborate tonal inflection for person marking and aspect [Campbell 2017]. There are roughly 14 major Chinantec languages (where ‘language’ is defined as a speech community with mutual intelligibility not in excess of 80 % with other communities) [Silverman 2005: 211]. Data for this study have been drawn from one field-work period in Uxpanapa, Veracruz. This community has roughly 1,589 inhabitants, and Spanish is used as the main means of instruction at all educational levels (Roman Salazar, pers. comm.).

In Uxpanapa Chinantec, temporal subsequence is signaled with a consecutive pattern. In (36), the first clause is finite, and the following clause lacks any tense-aspect-mood values. The second clause is encoded with the conjunction *joba*’.

(36) UXPANAPA CHINANTEC (Oto-Manguean/Chinantec)

ca-guie=in’ do quia,
COMPL-3SG.arrive=3.people DEM near

‘He (the drunk man) arrived there (very close to his hometown),

joba’ ngá=r e do.
then see.INAN=3.people DEF.INAN DEM

and then he saw it (something weird happening).’

Other Chinantec languages also encode temporally subsequent constructions with a conjunction. However, unlike the Uxpanapa Chinantec example in (36), they do not seem to use a consecutive pattern for expressing temporal subsequence. In Lealao Chinantec, a sequential relation is expressed with a construction that appears with a finite verb followed by another finite clause that carries the conjunction *mithha^M* ‘and then’ (37). Each verb is fully inflected and could in principle stand alone.

(37) LEALAO CHINANTEC (Oto-Manguean/Chinantec)

ha^Lmithpe.^M ?i^L-li^M baile, mithha^M ?ith-ziathhath.
tomorrow INT-be.3.SG dance then INT-dance.1PL

‘Tomorrow the dance will take place, and then we will dance.’ [Rupp 1989: 53]

The Comaltepec Chinantec example in (38) is a finite construction. Not only does the initial clause have a fully inflected verb, but the following clauses introduced with the conjunction *ho^L* ‘and then’ do as well.

(38) COMALTEPEC CHINANTEC (Oto-Manguean/Chinantec)

gethM ko.^L bēthLI, ho^L ka^L-hninthLIhathnath.
arrive.COMPL.3SG one truck then PST-impede.COMPL.1PL

‘A truck arrived and then we stopped it,

ho^L ka^L-hethLM.
then PST-stop.COMPL.3SG

and then it stopped.’ [Anderson 1989: 49]

The conjunction *hāu^M* ‘and then’ is used for indicating temporal subsequence in Sochiapan Chinantec. The series of clauses in the example in (39) show morphological evidence of finiteness; each verb is fully inflected and could in principle stand alone.

(39) SOCHIAPAN CHINANTEC (Oto-Manguean/Chinantec)

ka^L-hiethLM cáthM mithtieithMI, hāu^M ka^L-kuóu^L.
PST-see.TRANS.ANIM.DIR.3SG dog cat then PST-run.INTRANS.ANIM.3SG

‘The dog saw the cat, and then ran away.’ [Foris 2000: 258]

3.5. Discussion

The examples shown in the previous sections should have made it clear that the consecutive pattern plays an important role in discourse structuring and narrative sequencing in Huasteca Nahuatl, San Gabriel Huastec, Papantla Totonac, and Uxpanapa Chinantec. These languages are spoken in the same region (Veracruz) and they are not genetically related. In addition, it was shown that other languages genetically related to these four languages do not seem to have the same pattern for narrative sequencing. Instead, they contain constructions in which each verb is fully inflected and could in principle stand alone. It is clear that language contact may have played a role in the diffusion of the consecutive pattern in this region.

The diffusion of the consecutive pattern is the result of pattern replication. In this scenario, only the patterns of the other language are replicated, i.e., the organization, distribution, and mapping of grammatical or semantic meaning, while the form itself is not borrowed [Heine, Kuteva 2006; Matras, Sakel 2007]. Put another way, no phonetic substance is involved but rather the transfer of patterns or structural templates [Kuteva 2017: 166]. Here it is proposed that Huasteca Nahuatl served as the source of the diffusion of the consecutive pattern.

The first evidence to support this hypothesis comes from asymmetric bilingualism. There are a number of San Gabriel Huastec speakers who also speak Huasteca Nahuatl (Roberto Cora, pers. comm.). Many San Gabriel Huastec people make *sacahuil*, a giant 3-1/2-foot-long tamale which is the local festival specialty. San Gabriel Huastec people usually go to the markets around the area where they spend the day selling bowls of *sacahuil* and cups of coffee. For the most part, they use Nahuatl to talk to everyone who passes by. As for Papantla Totonac, many elders learned Nahuatl when they harvested vanilla because they had a lot of coworkers who spoke Nahuatl (Adrian Murrieta, pers. comm.). With respect to Uxpanapa Chinantec, a number of elders also speak Nahuatl. Most of them learned this Uto-Aztecan language when they built canoes. Their coworkers were mostly Nahuatl speakers. Several Uxpanapa Chinantec women also learned Nahuatl when they used to sell their crafts (e.g., Chinantec huipil) in the markets around the area. Note that Huasteca Nahuatl speakers do not consider it important to learn San Gabriel Huastec, Papantla Totonac, or Uxpanapa Chinantec. This socio-cultural context seems to be a case of asymmetric bilingualism, defined as a “situation whereby a community speaking language A tends to become bilingual in another language B, while the reverse is not true. Because speakers of B tend not to learn language A, this increases the social pressure upon A speakers to eventually shift to language B” [François 2012: 99].

Second, the Huasteca Nahuatl consecutive pattern has developed more functions than the consecutive pattern of the other Mesoamerican languages. It has been proposed that if a linguistic pattern has more functions in ‘X’ than in ‘Y’, this may provide information about the direction of areal diffusion. This idea was proposed by Jacobsen [1980], who mentions that if a particular trait is BETTER INSTALLED in ‘X’ than in ‘Y’, this indicates that the trait spread from ‘X’ to ‘Y’. By better installed is meant a pattern found in ‘X’ that has developed a larger range of functions than in ‘Y’ [Campbell 1985: 31]. The main thrust of this theoretical notion is that more time is required to produce a good or deep installation.

Third, it has been proposed that Papantla Totonac, San Gabriel Huastec, and Uxpanapa Chinantec copied other clause-linkage patterns from Huasteca Nahuatl [Olguín Martínez 2022b]. An example comes from ‘let alone’ clauses. In Huasteca Nahuatl, the ‘let alone’ clause is introduced with the conjunction *menos*.⁸ This clause-linking device is a loanword from Spanish.⁹

⁸ In ‘let alone’ constructions, the ‘let alone’ clause indicates a situation whose actualization is regarded as less probable in relation to another situation [Fillmore et al. 1988: 523; Croft 2022: 545].

⁹ In Spanish, *mucho menos* ‘let alone’ clauses cannot occur with the negative marker *no* ‘not’. Accordingly, the occurrence of the negative marker *amo* seems to be an internally motivated development in Huasteca Nahuatl.

Note that the *menos* ‘let alone’ clause occurs with the negative marker *amo*. Negation appears in the ‘let alone’ clause when the situation is characterized as surprising. This indicates that negative markers seem to have a mirative function in ‘let alone’ clauses. DeLancey [1997: 36] notes that mirativity is a cross-linguistic category that is primarily about surprise and senses related to surprise, such as suddenness and unexpectedness.

The example in (40) was uttered in a context in which the fact that the hard-working woman did not burn the firewood is unexpected. The mother of the hard-working woman was worried because her daughter always burns her firewood every day.

(40) HUASTECA NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

ki-ih-lia amo yoyon-paka-s,
3SG.OBJ-say-APPL NEG clothes-wash-FUT

‘She said (yesterday) that she would not wash her clothes,

menos amo ya ki-tlati nochicahui-tl.
CONJ NEG 3SG.SBJ 3SG.OBJ-burn firewood-ABS

let alone burn the firewood.’

tenana tle nopa okichpil-me kin-ku pampa teki-ti-k hueyi.
mother that DET kid-PL 3PL.OBJ-grieve because work-CAUS-PFV big

‘The mother of the kids was worried because she (always) works a lot.’

There are contexts in which the *menos* ‘let alone’ clause does not appear with the standard negative marker *amo*. This is only attested in contexts in which it is not surprising that the ‘let alone’ situation did not occur. In (41), it is not surprising that the boy did not do his homework because he is very lazy.

(41) HUASTECA NAHUATL (Uto-Aztecan/Aztecan)

nopa telpokero tlen nopa tlatsi-hui tlatsi-hui tlatsi-hui.
DET young that DET lazy-RESUL lazy-RESUL lazy-RESUL

‘The boy is very very very lazy.’

amo tlaxpana, amo teki-tia-ya i-mila.
NEG sweep NEG work-CAUS-IPFV 3SG.POSS-milpa

‘He doesn’t sweep, he does not work in his milpa.’

okichpil axkanah mo-mach-ti-ya,
boy never REFL-study-CAUS-IPFV

‘The boy never studies,

menos ki-chihua-ki teki-tl.
CONJ 3SG.OBJ-do-PFV work-ABS

let alone do his homework.’

Interestingly, Papantla Totonac, San Gabriel Huastec, and Uxpanapa Chinantec also contain ‘let alone’ clauses in which negative markers have a mirative function [Olguín Martínez 2022b].

4. Final remarks

This paper has set out to explain how the consecutive pattern has developed in four Mesoamerican languages: Huasteca Nahuatl, San Gabriel Huastec, Papantla Totonac, and Uxpanapa Chinantec. It was proposed that language contact played a role in the development of this pattern. This is because: (i) the languages are spoken in the same region (Veracruz), (ii) they are not genetically related, and (iii) the probability of chance resemblance is low given the rarity of the strategies.

It was proposed that Huasteca Nahuatl served as the source of the diffusion of the clause-linkage pattern. This hypothesis is based on socio-cultural factors (i.e., asymmetric bilingualism) and deep installation (i.e., the fact that the consecutive pattern contains more functions in Huasteca Nahuatl than in the other Mesoamerican languages).

One of the main findings of this paper is that speakers may copy several functions of a clause-linkage pattern from a model language. This can set the stage for further processes of development, which may be internally motivated. Although some details must remain an object of speculation, close comparison of the systems for marking the consecutive pattern in Huasteca Nahuatl, San Gabriel Huastec, Papantla Totonac, and Uxpanapa Chinantec provides a glimpse of some ways in which areal concentrations might develop.

ABBREVIATIONS

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person

5, 6 — noun classes 5, 6

? — uncertain gloss

A — agent

ABS — absolutive

ANIM — animate

APPL — applicative

ART — article

ASP — aspect

AUX — auxiliary

CAUS — causative

CL — classifier

CNJ — conjunct

COMPL — completive

CONJ — conjunction

CONS — consecutive

DEF — definite

DEM — demonstrative

DET — determiner

DIR — direct

EMPH — emphatic

ERG — ergative

EXCL — exclusive

EXIS — existential

F — feminine

FOC — focus

FUT — future

FV — final vowel

GEN — genitive

HUM — human

I — agreement prefix

IMP — imperative

INAN — inanimate

INCH — inchoative

INCOMPL — incomplete

IND — indicative

INF — infinitive

INGR — ingressive

INTRANS — intransitive

INT — intensive

INTENS — intensifier

INTERJ — interjection

IPFV — imperfective

LOC — locative

M — masculine

MIDDL — middle

NMLZ — nominalizer

NOM — nominative

NUM — numeral

OBJ — object

OBL — oblique

OBV — obviative

OPT — optative

PFV — perfective

PL — plural

POSS — possessive

PP — prepositional phrase

PREP — preposition

PROX — proximative

PRS — present

PST — past

QUOT — quotative

REC — reciprocal

RDP — reduplication

REL — relativizer

REP — reportative

RESUL — resultative

REFL — reflexive

SBJ — subject

SEQ — sequential

SG — singular

SPS — sequential impersonal passive

SUB — subordinator

TOP — topic

TRANS — transitive

VEN — venitive

REFERENCES

- Almasi et al. 2014 — Almasi O., Fallon M. D., Wared N. P. *Swahili grammar for introductory and intermediate levels: Sarufi ya kiswahili cha ngazi ya kwa nza na kati*. Lanham: Univ. Press of America, 2014.
- Anderson 1989 — Anderson J. L. *Comaltepec Chinantec syntax*. Dallas: Summer Institute of Linguistics; Univ. of Texas at Arlington, 1989.
- Beck 2004 — Beck D. *A grammatical sketch of Upper Necaxa Totonac*. Munich: Lincom, 2004.
- Beer 2017 — Beer S. J. *Grammatical contraction in Nyang'i: A descriptive and comparative study*. Ph.D. diss. Univ. of Colorado at Boulder, 2017.
- Bernander 2017 — Bernander R. *Grammar and grammaticalization in Manda. An analysis of the wider TAM domain in a Tanzanian Bantu language*. Ph.D. diss. Univ. of Helsinki, 2017.
- Bickel 2008 — Bickel B. A refined sampling procedure for genealogical control. *Language Typology and Universals*, 2008, 61(1): 221–233.
- Bickel 2015 — Bickel B. Distributional typology: Statistical inquiries into the dynamics of linguistic diversity. *The Oxford handbook of linguistic analysis*. Heine B., Narrog H. (eds.). 2nd edn. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015, 901–923.
- Bickel 2017 — Bickel B. Areas and universals. *The Cambridge handbook of areal linguistics*. Hickey R. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017, 40–55.
- Bril 2004 — Bril I. Complex nuclei in Oceanic languages: Contribution to an areal typology. *Complex predicates in Oceanic languages: Studies in the dynamics of binding and boundness*. Bril I., Ozanne-Rivierre F. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004, 1–48.
- Brittain — Brittain J. 1997. The conjunct verb in Sheshatshit Montagnais. *Canadian Journal of Linguistics*, 1997, 42: 253–284.
- Brockway 1979 — Brockway E. North Puebla Nahuatl. *Studies in Uto-Aztecan grammar*. Vol 2: *Uto-Aztecan grammar sketches*. Langacker R. W. (ed.). Dallas: Summer Institute of Linguistics; Univ. of Texas at Arlington, 1979, 143–198.
- Campana 1996 — Campana M. The conjunct order in Algonquian. *Canadian Journal of Linguistics*, 1996, 41: 201–234.
- Campbell 1985 — Campbell L. Areal linguistics and its implications for historical linguistic theory. *Proc. of the 6th International Conf. of Historical Linguistics*. Fisiak J. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1985, 25–56.
- Campbell 2016 — Campbell L. Comparative linguistics of Mesoamerican languages today. *Veleia*, 2016, 33(1): 113–134.
- Campbell 2017 — Campbell E. W. Otomanguean historical linguistics: Past, present and prospects for the future. *Language & Linguistics Compass*, 2017, 11: e12240.
- Canger 1988 — Canger U. Nahuatl dialectology: A survey and some suggestions. *International Journal of American Linguistics*, 1988, 54(1): 28–72.
- Carlin 1993 — Carlin E. *The So language*. Cologne: Rüdiger Köppe, 1993.
- Chang 2006 — Chang A. H. *A reference grammar of Paiwan*. Ph.D. diss. Canberra: Australian National Univ., 2006.
- Comrie 1993 — Comrie B. Language universals and linguistic typology: Data-bases and explanations. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 1993, 46(1): 3–14.
- Craig 1977 — Craig C. G. *The structure of Jacaltepec*. Austin: Univ. of Texas Press, 1977.
- Creissels et al. 2008 — Creissels D., Dimmendaal G., Frajzynger Z., König C. Africa as a morpho-syntactic area. *Africa as a morpho-syntactic area. A linguistic geography of Africa*. Heine B., Derek N. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008, 86–150.
- Croft 2022 — Croft W. *Morphosyntax: Constructions of the world's languages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022.
- Crowley 1998 — Crowley T. *An Erromangan (Sye) grammar*. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1998.
- Crowley 1999 — Crowley T. 1999. *Ura: A disappearing language of Southern Vanuatu*. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National Univ., 1999.
- DeLancey 1997 — DeLancey S. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information. *Linguistic Typology*, 1997, 1(1): 33–52.
- Devos 2008 — Devos M. *A grammar of Makwe*. Munich: Lincom, 2008.
- Dimmendaal 1983 — Dimmendaal G. J. *The Turkana language*. Dordrecht: Foris Publications, 1983.

- Edmonson 1988 — Edmonson B. W. *A descriptive grammar of Huastec (Potosino dialect)*. Ph.D. diss. New Orleans: Tulane Univ., 1988.
- Emanatian 1990 — Emanatian M. The Chaga consecutive construction. *Current approaches to African linguistics VII*. Hutchison J. P., Manfredi V. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1990, 193–207.
- Evans 2003 — Evans N. *Bininj Gun-wok: A pan-dialectal grammar of Mayali, Kunwinjku and Kune*. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National Univ., 2003.
- Fillmore et al. 1988 — Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone*. *Language*, 1988, 64(3): 501–538.
- Flores Farfán 2010 — Flores Farfán J. A. Sociolinguistics in Mexico. *The routledge handbook of sociolinguistics around the world*. Ball M. (ed.). London: Routledge, 2010, 34–41.
- Foris 2000 — Foris D. P. *A grammar of Sochiapan Chinantec*. Dallas: Summer Institute of Linguistics; Univ. of Texas at Arlington, 2000.
- Fox 1979 — Fox G. J. *Big Nambas grammar*. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National Univ., 1979.
- François 2012 — François A. The dynamics of linguistic diversity: Egalitarian multilingualism and power imbalance among northern Vanuatu languages. *International Journal of the Sociology of Language*, 2012, 214: 85–110.
- Galand 2002 — Galand L. *Études de linguistique Berbère*. Leuven: Peeters, 2002.
- Green 1989 — Green I. *Marrithiyel: A language of the Daly River region of Australia's Northern Territory*. Ph.D. diss. Canberra: Australian National Univ., 1989.
- Guérois 2015 — Guérois R. *A grammar of Cuwabo. Mozambique, Bantu P34*. Ph.D. diss. Université Lumière Lyon, 2015.
- Hammond 2015 — Hammond J. *Switch reference in Whitesands: Theoretical issues and experimental evidence*. Ph.D. diss. Radboud Universiteit Nijmegen, 2015.
- Harvey 2018 — Harvey A. *The Gorwaa noun: Toward a description of the Gorwaa language*. Ph.D. diss. Univ. of London, 2018.
- Heine, Kuteva 2006 — Heine B., Kuteva T. *The changing languages of Europe*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Heine, Carlin 2010 — Heine B., Carlin E. *A dictionary of So, a Nilo-Saharan language of NE Uganda*. Ms., 2010.
- Hetterle 2015 — Hetterle K. *Adverbial clauses in cross-linguistic perspective*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
- Hofling, Tesucún 2000 — Hofling C. A., Tesucún F. F. *Itzaj Maya grammar*. Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 2000.
- Jacobsen 1980 — Jacobsen W. H. Jr. Inclusive/exclusive: A diffused pronominal category in native western North America. *Chicago Linguistic Society*, 1980: 204–227.
- Johnson 2014 — Johnson K. *Static spatial expression in Ske: An Oceanic language of Vanuatu*. Ph.D. diss. Univ. of London, 2014.
- Jones 2011 — Jones B. *A grammar of Wangkajunga: A language of the Great Sandy Desert of north Western Australia*. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National Univ., 2011.
- Kibrik 1998 — Kibrik A. Does intragenetic typology make sense? *Sprache im Raum und Zeit: In Memoriam Johannes Bechert*. Vol. 2: *Beiträge zur Empirischen Sprachwissenschaft*. Boeder W., Schroeder C., Wagner K.-H. (eds.). Tübingen: Narr, 1998, 61–68.
- Kießling 2000 — Kießling R. Some salient features of Southern Cushitic. *Lingua Posnaniensis*, 2000, 42(1): 69–89.
- Kofod 1978 — Kofod F. M. *The Miriwung language*. MA thesis. Univ. of New England, 1978.
- Koni Muluwa, Bostoen 2019 — Koni Muluwa J., Koen B. Nsong B85d. *The Bantu languages*. Van de Velde M., Bostoen K., Nurse D., Philippson G. (eds.). 2nd edn. London: Routledge, 2019, 414–448.
- Kuteva 2017 — Kuteva T. Contact and borrowing. *Cambridge handbook of historical syntax*. Ledgeway A., Roberts I. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017, 163–185.
- Lacrampe 2014 — Lacrampe S. *Lelepa: Topics in the grammar of a Vanuatu language*. Canberra: Australian National University doctoral dissertation, 2014.
- Lindstrom, Lynch 1994 — Lindstrom L., Lynch J. *Kwamera*. Munich: Lincom, 1994.
- Longacre 2007 — Longacre R. E. Sentences as combinations of clauses. *Language typology and syntactic description*. Vol. 2: *Complex constructions*. Shopen T. (ed.). 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007, 372–420.

- Lynch 1978 — Lynch J. *A grammar of Lenakel*. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National Univ., 1978.
- Lynch 1982 — Lynch J. South-West Tanna grammar outline and vocabulary. *Papers in linguistics of Melanesia*. No. 4. Lynch J. (ed.). Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National Univ., 1982, 1–92.
- Lynch 1983 — Lynch J. Switch reference in Lenakel. *Switch reference and Universal Grammar. Proc. of a symposium*. Haiman J., Munro P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1983, 209–222.
- Lynch 2000 — Lynch J. *A grammar of Anejoñ*. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National Univ., 2000.
- MacKay, Trechsel 2010 — MacKay C. J., Trechsel F. R. *Tepehua de Pisaflores, Veracruz*. México: Centro de Investigación para la Integración Social, 2010.
- Maganga, Schadeberg 1992 — Maganga C., Schadeberg T. C. *Kinyamwezi: Grammar, texts, vocabulary*. Cologne: Rüdiger Köppe, 1992.
- Martowicz 2011 — Martowicz A. *The origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study*. Ph. D. Univ. of Edinburgh, 2011.
- Matras, Sakel 2007 — Matras Y., Sakel J. 2007. Introduction. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Matras Y., Sakel J. (eds.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2007, 1–14.
- Moodie, Billington 2020 — Moodie J., Billington R. *A grammar of Lopit: An Eastern Nilotic language of South Sudan*. Leiden: Brill, 2020.
- Mous 1992 — Mous M. *A grammar of Iraqw*. Leiden: Univ. of Leiden, 1992.
- Mushin 2012 — Mushin I. *A grammar of (Western) Garrwa*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2012.
- Nurse 2008 — Nurse D. *Tense and aspect in Bantu*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Nurse, Philippson 2006 — Nurse D., Philippson G. Common tense-aspect markers in Bantu. *Journal of African Languages and Linguistics*, 2006, 27(2): 155–196.
- Olguín Martínez 2022a — Olguín Martínez J. Contact-induced language contact: The case of Mixtec adverbial clauses. *Journal of Language Contact. Evolution of Languages, Contact and Discourse*, 2022, 15(1): 1–70.
- Olguín Martínez 2022b — Olguín Martínez J. *Temporal adverbial clauses in the languages of the world: Clause-linking strategies*. Ph.D. diss. Univ. of California, Santa Barbara, 2022.
- Oxford 2007 — Oxford W. *Towards a grammar of Innu-aimun particles*. MA thesis. Memorial Univ. of Newfoundland, 2007.
- Peregrina Llanes 2015 — Peregrina Llanes M. *Cuentos en Náhuatl Huasteca Veracruzana*. México: Universidad de Sonora, 2015.
- Persohn 2017 — Persohn B. *The verb in Nyakyusa: A focus on tense, aspect and modality*. Leipzig: Language Science Press, 2017.
- Petzell 2008 — Petzell M. *The Kagulu language of Tanzania: Grammar, texts and vocabulary*. Cologne: Rüdiger Köppe, 2008.
- Rangelov 2020 — Rangelov T. *A grammar of the Ahamb language (Vanuatu)*. Ph.D. diss. Hamilton: Univ. of Waikato, 2020.
- Rau, Dong 2006 — Rau D. V., Dong M. *A grammar of Yami*. Ms, 2006.
- Reid 1991 — Reid A. A. *Gramática Totonaca de Xicotepec de Juárez, Puebla*. México: Instituto Lingüístico de Verano, 1991.
- Rodrigues 1999 — Rodrigues A. D. Macro-Je. *The Amazonian languages*. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999, 164–206.
- Rupp 1989 — Rupp J. E. *Lealao Chinantec syntax*. Dallas: Summer Institute of Linguistics, Univ. of Texas at Arlington, 1989.
- Sarvasy 2019 — Sarvasy H. Short, finite and one-sided bridges in Logoori. *Bridging constructions*. Guérin V. (ed.). Berlin: Language Science Press, 2019, 79–98.
- Schmidtke-Bode 2009 — Schmidtke-Bode K. *A typology of purpose clauses*. Amsterdam: John Benjamins, 2009.
- Schneider 2010 — Schneider C. *A grammar of Abma, a language of Pentecost Island, Vanuatu*. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National Univ., 2010.
- Schrock 2014 — Schrock T. B. *A grammar of Ik (Icê-Tód): Northeast Uganda's last thriving Kuliak language*. LOT Dissertation Series, 2014.
- Silverman 2005 — Silverman D. The phonology of Chinantecan. *Encyclopedia of language and linguistics*. Brown K. (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2005, 211–213.
- Sischo 1979 — Sischo W. R. Michoacán Nahuatl. *Studies in Uto-Aztecan grammar*. Vol. 2. *Uto-Aztecan grammar sketches*. Langacker R. W. (ed.). Dallas: Summer Institute of Linguistics; Univ. of Texas at Arlington, 1979, 307–380.

- Stenzel 2016 — Stenzel K. More on switch-reference in Kotiria (Wanano, East Tukano). *Switch reference 2.0*. Van Gijn R., Hammond J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2016, 425–452.
- Sverredal 2018 — Sverredal K. *A grammar sketch of North Tanna*. MA thesis. Uppsala Univ., 2018.
- Taine-Cheikh 2010 — Taine-Cheikh C. The role of the Berber deictic and TAM markers in dependent clauses in Zenaga. *Clause linking and clause hierarchy: Syntax and pragmatics*. Bril I. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2010, 355–398.
- Thurman 1975 — Thurman R. C. Chuave medial verbs. *Anthropological Linguistics*, 1975, 17(7): 342–352.
- Tuggy 1979 — Tuggy D. Tetelcingo Nahuatl. *Studies in Uto-Aztecan grammar*. Vol. 2. *Uto-Aztecan grammar sketches*. Langacker R. W. (ed.). Dallas: The Summer Institute of Linguistics; Univ. of Texas at Arlington, 1979, 1–140.
- Van der Wal 2009 — Van der Wal J. *Word order and information structure in Makhuwa-Enahara*. LOT Dissertation Series, 2009.
- Van de Velde 2008 — Van de Velde M. L. O. *A grammar of Eton*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Valentine 2009 — Valentine J. R. The semantics of clause linking in Ojibwe. *The semantics of clause-linking: A cross-linguistic typology*. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009, 193–217.
- Vázquez Álvarez 2011 — Vázquez Álvarez J. J. *A grammar of Chol, a Mayan language*. Ph.D. diss. Univ. of Texas at Austin, 2011.
- Vydrin 2020 — Vydrin V. Clause chaining in Bambara. *West African languages: Linguistic theory and communication*. Pawlak N., Will I. (eds.). Warsaw: Univ. of Warsaw Press, 2020, 79–89.
- Welmers 1973 — Welmers W. E. *African language structures*. Berkeley: Univ. of California Press, 1973.
- Wilhelmsen 2019 — Wilhelmsen V. Mbugwe F34. *The Bantu languages*. Van de Velde M., Bostoen K., Nurse D., Philippson G. (eds.). 2nd edn. London: Routledge, 2019, 533–562.
- Wolfart 1973 — Wolfart H. C. *Plains Cree: A grammatical study*. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1973.
- Zeitoun 2007 — Zeitoun E. *A grammar of Mantauran (Rukai)*. Taipei: Academia Sinica, 2007.

Получено / received 26.11.2022

Принято / accepted 21.03.2023

К лингвистическим воззрениям Франца Боаса

© 2023

Игорь Валерьевич Кузнецов

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
i.kuznetsov@iling-ran.ru

Аннотация: Франца Боаса (1858–1942) признают отцом-основателем не только современной антропологии (культурной, биологической), но и антропологической лингвистики. Начав с естественнонаучных штудий в ряде немецких университетов, он затем заинтересовался культурой и языками коренных народов Северной Америки. В особенности Боаса интересовала роль апперцепции в усвоении языка. В дальнейшем результаты наблюдений над восприятием языка будут перенесены им на широкое поле культуры, а действию апперцепции уподоблен процесс аккумуляции — прививания каждому отдельному члену общества культурных норм и ценностей. Уже ранние публикации Боаса содержат истоки идеи языковой относительности, оформившейся впоследствии в т. н. «гипотезу лингвистической относительности Сепира — Уорфа». Чрезвычайно интересно и оригинально боасовское отношение к концепции фонемы, формирование которой падает именно на годы творческой активности и наиболее ярких достижений школы Боаса. Наконец, особенности стиля полевых исследований этого американского ученого, как и «анализм» в его работе над грамматиками индейских языков, безусловно повлияли на развитие дескриптивной лингвистики в целом.

Ключевые слова: Боас Ф., история лингвистики, лингвистика в США, лингвистическая относительность, фонология, этнолингвистика

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20–18–00159); организация, осуществлявшая финансирование, — Институт языкознания Российской академии наук (ИЯз РАН).

Для цитирования: Кузнецов И. В. К лингвистическим воззрениям Франца Боаса. *Вопросы языкознания*, 2023, 3: 143–157.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.143-157

Towards Franz Boas's linguistic views

Igor V. Kuznetsov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
i.kuznetsov@iling-ran.ru

Abstract: Franz Boas (1858–1942) is recognized as the founding father not only in modern anthropology (cultural, biological), but also in anthropological linguistics. Starting with geographical and physical studies at several German universities, he later got interested in the culture and languages of the indigenous peoples of North America. Boas was particularly interested in the role of apperception in language acquisition. Eventually, he transferred the results of his observations on language perception to the wide field of culture, developing the notion of acculturation analogical to apperception. Already the early Boas's publications contain the origins of the idea of linguistic relativity, which later will be formulated in the shape of the so-called “Sapir–Whorf Hypothesis”. Extremely interesting and original was Boas's attitude to the concept of phoneme, which was formed precisely during the years of creative activity and the most striking achievements of Boas's school. Finally, the peculiarities of the fieldwork

style of this American scholar, as well as his “analytism” in work on the grammars of Native American languages, certainly influenced the development of descriptive linguistics in general.

Keywords: Boas F., ethnolinguistics, history of linguistics, linguistic relativity, linguistics in the USA, phonology

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 20-18-00159).

For citation: Kuznetsov I. V. Towards Franz Boas’s linguistic views. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 3: 143–157.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.143-157

1. Место Боаса и его идей в истории лингвистики

Несмотря на признаваемое значительное место Франца Боаса в истории лингвистики, прежде всего дескриптивной [Stocking 1992: 60–91; Darnell 1998: 243–298 *passim*; Zumwalt 2019: 105–106, 190, 330 *etc.*], влияние отдельных его публикаций не столь однозначно и прямолинейно, как могло бы показаться. А в ряде случаев смелые, и не только для своего времени, идеи германо-американского антрополога вовсе недооценены. Возродить интерес к некоторым из них, взглянуть на все происходившее в более широком историческом контексте и входит в скромные задачи данной статьи.

Известно, что Роман Якобсон [Jakobson 1944: 190–191] сравнивал боасовский вклад в повестку современного языкознания «с исторической ролью Лобачевского, Эйнштейна и других борцов с эгоцентричной традицией», имея в виду кардинальный разворот, который дескриптивизм помог осуществить лингвистике — от «индоевропейского империализма» к многообразию неевропейских и не только письменных языков. Здесь про империализм было написано задолго до оформления постколониального дискурса, так что Якобсону пришлось прибавить — «как шутят русские (читай советские — *И. К.*) лингвисты». К слову, описанный им путь американской лингвистики от индоевропейского языкознания был пройден буквально Э. Сепиром, А. Крёбером, Т. Майклсоном, Л. Блумфилдом и др., начинавшими свою персональную траекторию как германисты или исследователи других языков и культур Старого Света, а затем не без влияния Боаса обратившимися к изучению и описанию языков американских индейцев.

Особенное восхищение Боасом-лингвистом характерно для его учеников, многие из которых сами стали на том же поприще классиками. О пресловутой научной требовательности учителя расскажет Крёбер, бывший в числе первых слушателей знаменитого боасовского курса «*American Indian languages*» в Колумбийском университете и первым, кто получит там докторскую степень по антропологии. В самом начале (1896) занятия проходили еще у Боаса дома на 82-й улице, вблизи от Американского музея естественной истории — еще одного рабочего места мэтра. По вторничным вечерам, прямо «за расчищенным семейным обеденным столом» он «представлял студентам подстрочный текст и приступал к его анализу, раскрывая структуру языка по ходу дела», даже не считая нужным разжевывать аудитории, что *q* являет собой «велярный» (увулярный — *И. К.*), а *k'* — глоттализированный *k*. Присутствующие едва выдерживали, чтобы не сойти с дистанции. Вторым был археолог из музея, третьим — студент, вообще разочаровавшийся в антропологии, «которому потребовалось несколько кварт баночного пива из ближайшего салуна, чтобы преодолеть напряжение от двухчасового занятия по чинукскому или эскимосскому языку» [Kroeber 1943: 14–15].

Впрочем, для современников, не занятых изучением коренного населения Америки, успехи такой лингвистики не казались настолько очевидными. После смерти Боаса самые именитые из его учеников (А. Крёбер, Р. Бенедикт, М. Херсковиц, Г. Рейчард и др.) в специальном мемориальном выпуске «*American Anthropologist*» отливали в бронзу его вклад в каждой из научных областей — культурной и физической антропологии, археологии и т. д.

Сепир умер еще раньше, и лингвистическая тема досталась Мюррэю Эмено. Эта часть воспоминаний, естественно предусматривающая здоровую критику, получилась самой краткой и наименее глубокой. Об успехах Боаса в записи «незнакомых и трудных языков» дравидолог Эмено не решился писать вовсе, отшутившись лишь, что редакторы журналов больше не отклоняют статей *гурупарампарā* (представляющих цепочку преемственности ведического знания), как когда-то отказывали в публикации самому *гуру* (Боасу), лишь из-за наивной убежденности, что «не бывает слова, которое не содержало бы гласного» [Emeneau 1943: 36–37]. В веере отношений к боасовскому наследию крайняя позиция — вероятно, у Блумфилда, что объяснимо рядом причин, а больше всего личностными. Боас ни разу не упоминается на страницах трактата «Язык» этого великого языковеда, строящего собственную концепцию истории лингвистики преимущественно на европейских именах [Блумфилд 1968: 17–34].

Возможно, самым вопиющим примером недооцененности Боаса является история научных поисков в области т. н. лингвистической относительности. Долгое время гипотеза о существенном «обратном» влиянии языковых категорий на когнитивные была широко известна как «гипотеза Э. Сепира — Б. Уорфа», хотя уже в 1950-е гг. ряду авторов было ясно, что задолго до этих двух ученых, соответственно, ученика и ученика ученика Боаса, сходные мысли сформулированы были им самим, пусть и в менее четкой форме [Hoijer 1954: 92–93; Kluckhohn, Prufer 1959: 13]. Действительно, еще в работах 1880-х гг. находим у Боаса пассажи, повторяющиеся даже в деталях, о проблеме распознавания цветов в окружающей реальности, для которых отсутствуют названия в соответствующем языке, ср.:

[Boas 1886: 206]: «Цвета [в языке белла кула — *И. К.*], обозначающиеся отдельными словами, суть красный, желтый и синий. Граница между двумя последними неопределенна, так что зеленый считается то желтым, то синим (<...>)».

[Boas 1889: 50]: «(<...> [В]о многих языках отсутствует термин для зеленого. Если мы покажем индивиду, говорящему на таком языке, серию зеленых гарусов, часть их он назовет желтыми, другую часть синими, [а] границы обеих частей будут вызывать сомнения».

Не вдаваясь в подробности, отметим, что такой интерес вполне вытекал из его ранних взглядов на язык, сформированных еще в Германии кругом идей «психологии народов» Х. Штейнтала и М. Лацаруса [Silverstein 2015: 102–104]. В дальнейшем, во введении к первому тому «Handbook of American Indian languages» («Руководства по языкам американских индейцев»), который рассматривают в качестве венца боасовского дескриптивизма, он распространит свое наблюдение, снабдив новыми примерами: каждый конкретный язык представляет собой продукт этнически окрашенного видения мира, но и сам классифицирует «бесконечно разнообразный» личный опыт, посредством «ограниченного числа фонетических групп». Чтобы подтвердить свой тезис, Боас сошлется на разнообразие терминов, связанных с идеями — в английском «воды» (*river, brook, dew, wave, foam* и др.), а в эскимосском — «тюленя» и «снега», ср. *aput* «снег на земле», *qana* «падающий снег», *pigsirpoq* «метель» и *qimutsuq* «сугроб». Различия могут быть весьма велики: если в языке дакота с помощью производных форм «элемента» *-xtaka* «хватать» передается широкий спектр значений от *paxta* 'lca' «связывать в пучки» до *uaxta* 'ka' «кусать» и *ic* 'a' *xtaka* «находиться вблизи», то в английском для них существуют отдельные слова [Boas 1911: 24–26]. Отсутствие же абстрактных концептов во многих американских индейских языках объясняется тем, что «основные интересы [соответствующих] народов» долгое время сводились к занятиям, составляющим повседневную жизнь. Что до конкретных проявлений абстрактного мышления, то они разовьются, как только станут необходимы, если изменившийся образ жизни потребует этого [Ibid.: 64–66].

Сам ученый будет экспериментировать с языком кваквала индейцев квакиутль (квак-вак-вак), в котором, по его мнению, самостоятельно не встречаются формы, передающие

отвлеченные понятия. После беседы с носителем он вдруг обнаружит, что «совершенно легко развить идею абстрактного термина в сознании индейца, заявившего, что слово без притяжательного местоимения передает некоторый смысл, хотя и не используется идиоматически [“is not used idiomatically”, т. е., попросту говоря, не используется в речи — И. К.]». С помощью такого нехитрого приема Боасу удастся выделить термины для ‘любви’ и ‘жалости’, обычно встречающиеся только в составе полисинтетических конструкций и в виде притяжательных форм — ‘его любовь к нему’, ‘моя жалость к тебе’ и проч. [Ibid.: 65].

Но связь культуры с языком вовсе не представлялась исследователю такой прямой, как может показаться, и он полагал, что вряд ли возможно, чтобы морфологические особенности языка непосредственно обуславливали определенное состояние культуры. Для объяснения этой связи Боас считал исключительно важным то, что языковые явления несут, в отличие от большинства «этнологических» явлений, бессознательный характер — и классификации понятий, которыми оперирует язык, суть «группировка чувственных впечатлений (sense-impressions) и концептов, которая не является в каком бы то ни было смысле намеренной (voluntary), а имеет совершенно другие психологические причины» [Ibid.: 67]. В этом смысле язык аналогичен религии и даже тесно переплетается с ней исторически — заключал Боас, вспоминая теорию Макса Мюллера о влиянии этимологии на образование религиозных идей и сюжетов. В качестве красноречивой иллюстрации такого влияния Боас приводит миф индейцев чинук, коллизия которого полностью основана на тождестве двух слов: плывущий в каноэ человек ловит рыбу с помощью танцев; культурный герой предупреждает, что ему следует не танцевать, а ловить сетью — слова, обозначающие эти два действия, в языке индейцев чинук совпадают [Ibid.: 71].

Другим примером, когда боасовские идеи оказались слишком быстро забыты, может служить дискуссия о т. н. чередующихся звуках (alternating sounds). Ей Боас специально посвятил одну из ранних своих работ. В ней, критикуя предшественников, полагавших, что неевропейские языки, будучи эволюционно недоразвиты, должны состоять из нечленораздельных («синтетических») звуков, он доказывал, что «такого феномена как синтетические или чередующиеся звуки нет и что их явление ни в коем случае не знак примитивности речи» [Boas 1889: 52], а неспособность ранних исследователей однозначно зафиксировать непривычные европейскому уху звуки, будто бы свободно чередующиеся, объясняется не качеством последних, а действием апперцепции в духе И. Ф. Гербарта: восприятие чужого языка зависит от опыта говорения на своем собственном.

Всего лишь шестью годами позже выхода боасовской статьи Бодуэн издаст свой всеобъемлющий труд об альтернантах, причем по-немецки. Но «phonetische Alternationen» в нем — совсем не то, что «alternating sounds» у Боаса, хоть в исчерпывающей классификации всех мыслимых случаев звуковых чередований и будет предусмотрено место для явления, очевидно, им подразумеваемого: «субституции при подражании чужому произношению» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 278–279]. Естественно, интерес к публикациям Боаса в России был неизмеримо ниже. И через двадцать лет здесь все еще продолжали писать о субъективном и объективном методе в фонетике, будучи очевидно незнакомы с соответствующими разработками Боаса, запоздало приводили примеры того, как русские слышат в английском дифтонги там, где их не должно быть по мнению самих носителей и, наоборот, указывали, что таковыми в сущности надо признать русские *у* и *ы*, которые «для нашего сознания не дифтонги» [Щерба 2004: 135 и сл.]. Эксперименты на фонетическое распознавание незнакомых слов повторялись, а на суд читательской аудитории снова и снова выносились похожие выводы. Дошло до того, что академик Н. Я. Марр снова заговорил о «диффузных» звуках (они помогали ему перейти к «палеонтологии» языка, не обращая внимание на старые фонетические законы). И Щерба вынужден был напоминать, что «сложность артикуляции, по-видимому, не дает еще никакого права называть ее диффузной», при этом сузив проблему, в очередной раз воскрешенную, до особенностей употребления междометий типа русского *мпру* [Там же: 147–148].

2. Боас как фонетист

Боасовец Р. Лоуи писал о присущем своему учителю «владении филологическими приемами (philologist's tricks), включая фонетику» [Lowie 1943: 183]. Но насколько хорошим фонетистом был Франц Боас? Очевидно, что оценку его способностей поможет дать временная дистанция, хотя бы потому, что звуковой состав языков, с которыми он имел дело, изучен на сегодня гораздо обстоятельнее.

В статье «О чередующихся звуках», которую мы уже цитировали, Боас признавался, как долго не мог обнаружить в эскимосском (инуктитут) «*gdI* датских авторов» [Boas 1889: 53]. Это пример того, насколько непросто давалось ученому овладение фонетикой аборигенных языков. Но эскимосский быстро выпал из его научных интересов. Уже в первый свой визит на северо-западное побережье Северной Америки он писал: «[Р]ад, что наконец-то работаю над чем-то стоящим и новым, потому что устал от эскимосов» [FB L 09/19/1886; Rohner 1969: 22]. И, очевидно, больше не претендуя на лавры настоящего эскимосоведа, он поручил написать соответствующий раздел для «Handbook» датскому филологу У. Талбицеру. Другое дело — чинук и катламет, кваквала, цимшиан и проч. Боас долгое время слыл непревзойденным лидером в изучении языков тихоокеанского Северо-запада, представляющих, как теперь считается, Sprachbund, несмотря на всю пестроту и мозаичность. И если продолжать сюжет о латеральных или аппроксимантах, то в этих местах наблюдаются совсем уж экзотические их образцы.

В языке катламет он различал целых пять отдельных звуков указанного ряда [Boas 1901: 6–7]: *T* (перевернутое *L*), *L*, *L'*, *l* и *ll*. Для того чтобы определить, корректно ли они были расслышаны, необходимо произвести атрибуцию фонетического материала в соответствии с современным уровнем знания. Но с одной стороны, катламет — вымерший язык и известен исключительно по боасовским записям, а с другой — до конца неясно, что скрывают под собой все эти значки, из-за специфического метода, которым пользовался их автор. Боас писал в письме к тому же Талбицеру, разъясняя требования к ожидаемому от него манускрипту [FB/WT 02/15/1905; Stocking 1974: 178]: «Мое стремление заключается в том, чтобы все эти грамматические очерки были чисто аналитическими, т. е. чтобы как можно тщательнее избегать взгляда с позиции индоевропейских языков». «Аналитическое» изучение языка предполагало в части грамматики выведение из текстов всех существенных деталей, вернее отношений внутри языковой структуры, по возможности без опоры на лингвистику Старого Света, а в фонологии — вычленение отдельных звуков, «очищение» их от наслоений, вызванных эффектом апперцепции. Поэтому не случайно, что на занятии, о котором вспоминал Крёбер, учитель, занятый разбором очередного текста, «забыл» разъяснить значения *q* и *k'* и остальных символов. Предполагалось, что учащиеся самостоятельно определяют их «аналитически», как раньше делал он сам. Время от времени, видимо в наиболее сложных случаях, соответствующую графему он пояснял краткой справкой об особенностях артикуляции. Иногда же ремарка содержала и простую подсказку, ср.: «*x* — *ch* в немецком *Bach*».

Стремление избежать искажений, коренящихся в психологии восприятия звуков, привело к тому, что Боас, описывая фонетические системы языков, принимал за значимое не только то, что современная наука считает фонемами, но и аллофоны, а аффрикаты мог дробить и записывать каждую часть по отдельности. Делл Хаймс, пытавшийся реконструировать фонологию и грамматику катламет на основе публикации Боаса, быстро пришел к выводу, что *T*, скорее всего, не существовало вовсе: знак появляется после *k* и *q*, а также в глагольных основах, содержащих *-kul-*. Все говорит, что это даже не аллофон, а просто неверно распознанный *L*. Точно так же и *ll* используется при транскрибировании в тех ситуациях, когда в *l* (согласно Боасу, произносится «как в английском») слышится более долгий, чем обычно, звук [Hymes 1955: 26, 39]. Глоттализированным вариантом *L* представляется *L'* — как гласит разъяснение, «тот же самый [звук] с очень сильным

напряжением, взрывной» [Boas 1901: 6–7]. Поэтому настоящей проблемой является определение сущности *L*.

Если доверять Боасу, то этот последний звук, «краткий и взрывной (exploded), глухой», соответствовал «*t* Лепсиуса» [Ibid.: 7]. Известно, что работа над «Kathlamet Texts» проводилась в Берлине в музее народоведения, во время одного из коротких возвращений Франца и Мари Боасов на родину [Cole 1999: 180]. Неудивительно, что под рукой у ученого мог оказаться Стандартный алфавит египтолога К. Лепсиуса, где *t* назван среди *explosivae* (или *dividae*) и уж точно не в группе *fricativae* (или *continuae*). Выходит, что под *L* подразумевалась глухая аффриката [Hymes 1955: 28–29].

В самых общих чертах чинукская география и лингвистическая генеалогия выглядели так: прибрежные районы охватывал нижний чинук (или собственно чинук), включая клатсоп, а течение р. Колумбия — катламет, а также верхний чинук, распадавшийся на клакамас и васко-вишрам. Клатсоп начали фиксировать еще в первой половине XIX в., и в словах этого диалекта, вымершего первым, *L* катламет соответствовал сочетаниям *kl* и *tl*, отражавшим, по всей видимости, опять-таки аффрикату. То же и в словаре Гиббса сер. XIX в. Но в ряде случаев *tl* давало фрикативный *l* в васко-вишрам [Ibid.: 31]. Теперь мы знаем, что в васко-вишрам, окончательно вышедшем из употребления столетием позже, помимо аппроксиманта *l*, присутствовала триада из глухого фрикативного *l* (*s* Лепсиуса) и двух аффрикат: глухой альвеолярной *ʃ* и такой же абруптивной *ʃ'*.

Получается, что в боасовском «алфавите» катламет вообще не осталось знака для фрикативного. В ходе образованнейшего обмена мнениями М. Сводеш, еще один эксперт по языкам региона, обратил внимание на то, что в регионе известны языки с парой *ʃ* (аффриката) и *l* (фрикативный); без *ʃ*; но нет таких, в которых имелся бы *ʃ* и в то же время отсутствовал *l*. Он предположил, что в катламет для боковых не было характерно противопоставление фрикативного и аффрикаты и Боас ошибочно слышал аффрикату там, где на самом деле выступал фрикативный звук. Ведь и во многих эскимосских языках (диалектах) глухой *l* звучит в определенной позиции довольно сильно, поэтому-то ранние исследователи и использовали часто сочетание *dl* для его передачи. И тогда Боас пал жертвой своего первого полевого опыта — все той же апперцепции! Можно также предположить, что различать *ʃ* и *l* мешал ему родной немецкий. В последнем случае, рассуждал Хаймс, возникли бы проблемы с противопоставлением еще одной пары — велярного *x* и увулярного *x*. Тут, однако, не выстраивается отчетливой закономерности. К тому же, мы видели, что Боас путал *L* с *T*, который по всем признакам никак не мог быть фрикативным [Hymes 1955: 27–28].

Вероятно, главной сложностью, мешавшей правильно определить весь репертуар латеральных, являлось плачевное состояние языка катламет. Боас застал трех последних его носителей, но работал исключительно с одним — Чарльзом Калти, потому что от остальных уже невозможно было получить «сколько-нибудь связных текстов» [Boas 1901: 5]. На самом деле даже у Калти, выглядевшего еще вполне традиционно, с деформированной искусственно головой, лишь бабка по линии матери принадлежала к катламет; отцом его отца был выходец из атапаскоязычных квалиоква, а матерью отца — женщина клатсоп. Чарльз женился на одной из сэлишеязычных шехэйлис (Chehalis) и почти полностью перешел на ее язык; на шехэйлис же разговаривали их дети. Антрополог использовал знания своего информанта равно для записи нижнего чинук и катламет — обоих языков родителей Калти, а также языка его супруги. При этом коммуникация, как и в прочих случаях, проходила на чинукском жаргоне. В общем счете Калти, на одну четвертую катламет, владел четырьмя языками и «не очень хорошим английским» [FB D 07/09/1890, 07/20/1890; Rohner 1969: 121; Hymes 1984: 360].

Боас трижды побывал у Калти в Бэй-Сентер (штат Вашингтон) и заключительный раз в 1894 г., всего лишь за три года до смерти «последнего из могикан» [FB/TB 07/12/1890; Cole 1999: 148]. Они корпели над рукописью в гостинице, в окружении мух и кровососущих, по девять и более часов в день, даже на Рождество, в итоге выдав полтысячи страниц текста [Cole 1999: 171]! Больше всего антропологу импонировала «intelligence» его

чинукского знакомого. Чтобы прояснить ту или иную грамматическую форму, Чарльз сразу же подбирал поясняющие примеры, раскрывающие ее наиболее наглядно. Тем не менее Боасу приходилось принимать во внимание риски интерференции, столь ожидаемые от полиглота [Boas 1894: 6]:

«Возможно, этот чинук до определенной степени перемешан с выражениями катламет, но после пристального изучения материала я делаю вывод, что в целом он чист и заслуживает доверия.

Также я получил от Калти серию текстов катламет, которые мне не кажутся такими же хорошими, как тексты чинук, но тем не менее дают хорошее понимание различий этих двух диалектов».

Языковой компетенции «разумного / интеллигентного» сказителя доверился не только его, так сказать, протектор, но и Хаймс, чей окончательный вердикт заключался в необходимости признать *l* катламет по Боасу аффрикатой [Hymes 1955: 33]. Однако к трактовке злополучного звука как фрикативного по прошествии времени вернется М. Митун, игнорируя вышеперечисленные доводы и просто, без каких-либо объяснений, заменяя в цитируемом ею фрагменте из «Kathlamet Texts» *l* на *l̥* [Mithun 1999: 383, 386]. Также и М. Силверстин, очевидно считавший эталонной фонологию верхнего чинук, будет придерживаться мнения о присутствии в катламет, как и во всех чинукских языках, группы латералов в полном составе — из глухой и глоттализованной аффрикат и глухого и звонкого континуантов [Silverstein 1990: 533].

На чем же основана такая уверенность? Возможно, на ранней догадке Сепира, обнаружившего во время своего визита к вишрам летом 1906 г., что в их языке «глухому палатализованному» *l* (представленному и в нижнем чинук, и на тихоокеанском побережье в целом) соответствует звук без характерного взрывного компонента, ср. вишрам *lun* ‘три’ при ниж. чинук *lōn*, с тем же значением. Учитывая особую фонетическую близость нижнего чинук к соседним элишским языкам, таким как шехэйлис и тилламук, он предположил, что предки всех чинукоязычных народов жили первоначально восточнее и только позднее спустились на своих добротных каноэ по реке до самого океана, где смогли усвоить звуковую систему новых соседей [Sapir 1907: 535].

Трудно, однако, сказать, был ли этот фонетический сдвиг в нижнечинукских языках полномасштабным и системным, или же он затронул лишь отдельных носителей. У самого же Боаса, по-видимому, и дальше сохраняются сомнения относительно репрезентативности материала, полученного от Калти. Публикуя в «Handbook» очерк о (нижнем) чинук с отсылками и параллелями к другим родственным языкам, включая катламет, он признается: «Есть (...) определенное число звуков *l*. Я не преуспел, однако, в их удовлетворительном различении» [Boas 1911: 565].

С другой стороны, как показывает история транскрибирования ученым сходных фонетических явлений в других языках региона, он должен был ко времени своего знакомства с катламет научиться слышать разницу между боковыми аффрикатами и фрикативными. В том же томе справочника Боас обращает внимание на то, что интересующий нас ряд звуков непривычно беден в цимшиан, где присутствуют лишь *l* и *l̥* [Ibid.: 283–422]. Первая боасовская публикация об этом языке вышла еще в 1889 г., а его «Tsimshian Texts» [Boas 1902] — сразу за текстами катламет. Он уверенно различает *l* и *l̥* также в очерке, посвященном кваквала [Boas 1911: 423–558]. К финальному сезону работы с Калти материалы по цимшиан и кваквала в основном уже были собраны. Как раз в 1894 г. Боас узнал, хоть и по одному тексту, что *l̥* имелся еще в одном чинукском языке — клакамас. Так что он не мог перепутать этот звук ни с каким другим [Hymes 1955: 32–33].

Дж. Стокинг воспроизводит в своем «Reader» [Stocking 1974: 120–21] начальные строки мифа «Лебедь» из «Kathlamet Texts» вместе со страничкой оригинальных полевых записей, хранящихся в Американском философском обществе. Их сравнение показывает, что деление строк на слова и морфемы сильно поменялось в процессе подготовки публикации.

В рукописи звуку *x* часто соответствует простое *x*, дважды подчеркнутое, видимо, при сверке текста. Но что касается *l*, то Боас не внес в предпечатную корректуру никаких изменений, очевидно довольствуясь тем, как зафиксировал его еще в 1894 г. Исключение составляет лишь *Qatktūlxō'mx*, 'они закончили', в котором он переправил *l* на *l* так, как если бы колебался в определении качества звука. Все указывает на то, что он уже разобравшись в их различиях.

Случай с аппроксимантами не единственный. Уже писалось, что у Боаса в начале его опыта также возникали проблемы с фиксированием глоттализации [Ibid.: 494]. Да и сам он в статье «О чередующихся звуках» рассказывал, как не менее двадцати раз прослушал два похожих слова в языке хайда — *d'aléngua* 'мы' и *daléngua* 'вы', — пока не почувствовал разницу [Boas 1889: 53]. Боас не заметил наличие «твердого приступа» (гортанной смычки) как фонемы в катламет и чемакам [Boas 1892: 37; 1901: 6–7; Hymes 1955: 33–34], хотя запись глоттализованных согласных в чемакам можно признать почти идеальной, если бы только не путаница в средствах их выражения при помощи то апострофа, то клиновидного диакритического знака. Как позже отметит М. Сводеш, «к тому времени он решил некоторые, но не все проблемы фонетики Северо-западного побережья» [Swadesh 1955: 61].

Все станет на свои места в итоговом обобщающем очерке чинук, в котором этот на самом деле трудно различаемый звук наконец будет учтен как в постпозиции ряда согласных (в катламет), так и в самостоятельном качестве (в низовом чинук) [Boas 1911: 559–678]. Но даже и на этом этапе Боас, работая за пределами тихоокеанской прибрежной зоны, нет-нет да и откажет гортанной смычке в праве быть отдельной фонемой — например, когда в резервации мохок Сент-Риджис предпримет перепроверку материалов ирокезоледа Дж. Н. Б. Хьюитта [Boas 1909; Rudes 1994: 469–470].

Возвращаясь к вопросу, выведенному в название этого раздела: в действительности потребуются десятилетия, чтобы зачинатель дескриптивной лингвистики овладел в полной мере фонетическими «приемами». И все равно лучшим фонетическим слухом, по оценке А. Гранта и Д. Косты, будет обладать не он, а Дж. П. Харрингтон из Бюро американской этнологии, имевший привычку перепрослушивать в поле каждое слово из списков, уже составленных коллегами, и твердо убежденный, что все кроме него ошибаются [Grant, Costa 1991: 409]. Или же это первенство должно принадлежать Сепиру, с легкостью прибегавшему к нотации для передачи музыкального ударения в языке такелма (штат Орегон).

3. Два уровня фонологии

Джордж Хант, полуангличанин-полутлинкит из Форт-Руперта (о-в Ванкувер, Британская Колумбия), судя по всему, не был таким же легким сотрудником, как Калти, несмотря на длительный стаж работы на Боаса. Нью-Йоркскому профессору часто приходилось поправлять своего основного информанта по кваквала, который тоже не видел разницы между простым *l* и глоттализованным *l'*, не свойственной ни английскому, ни тлинкитскому. Но, кроме случаев интерференции, было еще нечто. Например, название одной из родственных групп кваккьявакв Джордж записывал как *Kwēkwak!wem*, Боасу же слышалось *Kūkwak!ūm*. Все дело в том, что хантовский вариант, если не считать дважды употребленного шва (e), не являющегося фонемой, практически совпадает с чисто фонематической транскрипцией слова: *K^wk^wak^w'm*. Современные ученые видят здесь лабиализованные *k^w* и *k^w'*, а не сочетание из согласной *k* (либо *k!*) и гласной *ū* [Berman 1994: 493, 499].

Конечно же, учение Боаса — еще очень раннее. О фонемах лишь через десятилетия заговорит Сепир, осознавший, что его собственные информанты, как и боасовский Джордж Хант, «слышат не фонетические элементы, а фонемы», и что «ошибки», как правило игнорируемые лингвистом в практике полевой работы, могут давать ценные свидетельства в пользу динамической реальности фонемной структуры языка» [Sapir 1933; Сепир 1993: 300].

С другой стороны, имеются указания, что как минимум на исходе 1930-х Боас будет оценивать «фонематический принцип» скорее положительно, прислушиваясь к молодым исследователям. Иллюстрацией этому служит, в частности, рассказ Р. Якобсона. Как-то мэтр упомянул на своей лекции, что в языке квакиутль (кваквала) ударение падает либо на первый долгий слог, либо на второй, если первый слог краткий. Но, как быстро сообразил Роман Осипович, иррегулярность здесь лишь кажущаяся, поскольку краткий слог состоит из одной моры, а долгий — из двух, и значит, ударным всегда является слог, содержащий вторую мору слова [Jakobson 1944: 190–191]:

«Затем мы, слушатели, пошли домой под впечатлением, что этот вопрос остался для Боаса чужд; но несколько месяцев спустя, объясняя мне и Леви-Строссу образчик просодии другого индейского языка, он вдруг добавил: “Как бы Вы сказали...” — и тут же преобразовал рассматриваемое правило акцентуации, скомбинировав, как и я, подсчет мор и слогов».

Антропологи боасовского круга после ухода «гуру» займются адаптацией его наследия. И предмет для спора пополнит вопрос: была ли лингвистика Боаса «одноуровневой» (monolevel), или же его взгляды куда объемнее и современнее [Voegelin, Voegelin 1963: 14–16; Postal 1964: 269; Voegelin 1965: 1338–1339; Postal 1966; Voegelin, Voegelin 1966]. Поначалу вроде бы возобладает первое мнение. Мол, если во всем остальном он придерживался феноменологии и был противником паттернов и обобщений, но на практике все-таки вел себя как структуралист, то в фонологии не признавал фонем «как в терминологии, так и на (...) практике» [Voegelin, Voegelin 1963: 16].

Внимание Карла (Чарльза) Вогелина привлечет одна типичная черта «дофонематического» периода — разноречивость в передаче и способах упорядочения звуков, наблюдающийся в «Handbook», от очерка к очерку. И дабы восполнить упущенную якобы возможность, он попытается провести их «фонемизацию», сведя в парочку нехитрых таблиц. Начнем с консонантизма. Будто бы редактору и составителю справочника, Боасу, достаточно было лишь слегка переставить в описаниях некоторые из столбцов, чтобы расположить согласные звуки по местам их образования, начиная (слева направо) от лабиальных, дентально-альвеолярных, передне- и средненебных и до велярных, глоттальных или ларингальных. Пересечение получившихся рядов и колонок, образуемых подтипами взрывных, спирантов, латеральных, аффрикат, носовых и полугласных, будет заключать в себя все прогнозируемое разнообразие. Если же в каком-либо конкретном языке, например чинук, наблюдается асимметрия из-за отсутствия, скажем, взрывного лабиального *b* в качестве фонемы, то в соответствующем месте таблицы ставится прочерк и т. д.

Поскольку сходства всех 20 языков, оказавшихся в фокусе рассмотрения «Руководства» (цимшиан, кваквала, чинук, эскимосского, чукотского, зуны, кёр д'алейн и др.), столь же впечатляющи, как и различия, вал полевых данных в итоге должен был, по мнению Вогелина, убедить Боаса подкорректировать свой генеральный план в сторону большей ясности. «Если бы он это сделал, — рассудит Вогелин, — то вряд ли смог бы уклониться от написания чего-то в духе нижеследующего» — то есть той самой «фонемизации» [Voegelin 1952: 443]. Чтобы соблюсти историческую точность, поясним: нечто подобное Боас проделывал в своем Введении, но предупреждая, что это лишь наиболее важные серии звуков и, хоть другие авторы и пытались выработать «общую систему представления звуков», все равно она слишком громоздка «для любого конкретного языка», а посему ее использование нецелесообразно [Boas 1911: 23].

Особенно виртуозно Вогелин проведет за него работу по установлению гласных фонем. Формула вокализма хупа из северной Калифорнии будет выглядеть так: $4(\cdot) + 1 = 9$, что означает, что четыре гласные (*i, e, o, u*) образуют в этом языке симметрию в виде пар кратких и долгих, и имеется еще одна асимметричная гласная *a* — всегда только краткая. Для кваквала взамен многочисленных боасовских аллофонов будет определен такой состав: $6(\cdot) + 1 = 13$, для цимшиан — $6(\cdot) + 3 = 15$ и т. д. и т. п. [Voegelin 1952: 445]. Вообще же

с выделением гласных, своей сутью противящихся сегментации на фонемы, возникали проблемы также и у боасовских учеников. А. Крёберу, работавшему с Биллом Шекспиром, арапахо из Вайоминга, слышалось в его речи аж до 23 звуков данного типа, включая *ā* («как в *that*»), *ã* («как в *mad*»), *â* («как в *law*»), назализованные *a'* и *ã'* и т. д. [Kroeber 1902: 2]. Спустя полвека Вогелин, интервьюируя в Беркли того же информанта [Voegelin, Voegelin 1963: 16], проведет ревизию вокализма арапахо и редуцирует кажущееся многообразие всего лишь до трех «фонематически различающихся гласных» (phonemic vowel distinctions).

Однако ряд фактов подтверждает и отличное мнение — что Боас достаточно быстро пришел к различению фонетического и фонематического. «Радикально иная точка зрения», как стремился показать Пол Постэл [Postal 1964: 269], напрашивается, например, после внимательного прочтения «Заметок о языке ирокезов», в которых Боас уже противопоставлял «чисто эмпирический» метод своего предшественника (Дж. Н. Б. Хьюитта) «критическому изучению фонетики языка», подразумевавшему «систематизацию слышимых звуков» или сведение «вариаций одних и тех же звуков» к чему-то большему, что позволит распознать их «характеристики» [Boas 1909: 427]. Что это, если не признание двухуровневого характера фонологии?

То, что боасовский консерватизм может оказаться не таким уж случайным, вроде бы подтверждает также другой пример. Параллельно с работой над «Handbook» Боас участвовал еще в одном проекте. В 1903 г. поступило предложение от У. Мак-Ги, в то время главы («ответственного этнолога») вашингтонского БАЭ, составить «окончательный» и «общий» алфавит для записи индейских языков. Лидера нью-йоркских антропологов и в этом случае смущало, что такая попытка приведет к увеличению в использовании количества диакритических знаков, и он колебался, «желательно ли вообще принимать общую схему для всех языков»? Его собственная система транскрибирования, как мы видели, представлялась уже «вполне адекватной» для Северо-западного побережья, но ясно, что она же не могла быть применена к индейским языкам из других регионов [MG/FB 05/27/1903, FB/MG 05/28/1903; Darnell 1998: 195].

Несмотря на скорее прохладное отношение к идее, Боас все-таки согласился возглавить в Американской антропологической ассоциации комитет по фонетической транскрипции индейских языков, куда помимо него вошли такие крупные знатоки вопроса, как П. Э. Годдарт, Э. Сепир, А. Крёбер и на некоторое время также Дж. П. Харрингтон. Комитет столкнулся в своей работе с рядом внутренних противоречий. Крёбер, «чьи таланты лежали скорее в области этнологии, чем лингвистики» [Darnell 1998: 196], не понимал, зачем заниматься отображением тончайших звуковых оттенков. Он всерьез опасался, что такая высокая планка не позволит использовать результаты деятельности полупрофессиональных исследователей, все равно ценные. Харрингтон и Сепир настаивали на обратном. В отчет, появившийся в 1916 г., вошла таблица согласных, распределенных по точкам артикуляции, с указанием пробелов для не засвидетельствованных ни в одном языке, но теоретически возможных звуков. Новый «алфавит» настраивал на описание отношений между звуками, а не на простое их перечисление. Сепир был в восторге, хотя концепция фонемы в окончательной формулировке оставалась за ним на будущее. Если суммировать различия в позициях его и Боаса, то сепировский структурализм, несколько скороспелый, столкнулся с функциональной и контекстной этнографией со стороны председателя комитета [Ibid.: 289].

Но, вероятно, решающий аргумент, показывающий, что неприятие Боасом фонемы — не просто следствие косности и неосведомленности, а вполне продуманная реакция, содержит его переписка с А. Сасман, датированная 1939 г. Эта аспирантка, фактически самая поздняя, работала над текстом диссертации, посвященной акцентуации в языке уиннебэйго (хо-чанк), которую и защитила успешно в 1943 г., уже после смерти своего научного руководителя. В двух письмах он предостерегает 24-летнюю Амелию от заикливания на фонематической записи, объясняя, как надо относиться к ставшему популярным

методу. Ведь разница между фонематическим и фонетическим ракурсами анализа сугубо практическая. Он остановил свой выбор на фонетическом, но это вовсе не отменяет фонематической интерпретации [FB/AS 08/03/1939, 08/14/1939; Susman Schultz 1977]:

«Разрешите повторить мои возражения против записывания текста или материала фонематически. Это всегда фальсификация записи в соответствии с теорией, точно так же, как если бы биолог, описывая феномен, переделал бы его в соответствии с концепциями, к которым он пришел. (...) Фонематический анализ — это вопрос, который нужно обсуждать последовательно, основываясь на фонетическом материале, представленном настолько объективно, насколько это возможно. Если, например, вы слышите призвук между *g* и *u* и т. д. и опускаете его, потому что согласно вашей общей теории этого не должно быть, поскольку он неслоговой, то вы фальсифицируете запись в соответствии с теорией, определяющей значение на основе вашей же теории слога».

Отсюда видно, что точность фиксации материала была и оставалась главной целью для Боаса. Примерно к 1910 г. он вплотную подошел к необходимости различать оба уровня фонологии, но затем заколебался и не продвинулся дальше, в отличие от Сепира.

Очевидно, для Боаса фонема была чем-то вроде частного случая многообразных фонетических явлений. Как не упомянуть в этой связи о напутствиях «лингвистике третьего тысячелетия» Вяч. Вс. Иванова! Подобно Сепиру, ему тоже выдалось понаблюдать, как его информанты записывали кетскую речь, членив ее интуитивно. Так ли универсально значение фонематического принципа, размышлял Вячеслав Всеволодович, если в ряде языков, например в китайском, «основной фонологической единицей может быть не фонема, а силлабема» [Иванов 2004: 20], как полагал еще Поливанов, преимущество подхода которого заключалось в учете роли тона, соответствующего слогу целиком? Чтобы достичь в интерпретациях языка некоего баланса дискретного и непрерывного, Иванов призывал вернуться к идеям дофонематической и доструктуралистской «психофонетики» Бодуэна: «Для эпохи квантовых компьютеров и соответствующих им моделей мозга идея непрерывности может оказаться снова (...) не менее важной, чем дискретность была для рубежа 19 и 20 веков» [Там же: 28].

Не меньшую головоломку задает нам язык пираха (*pirahã*), единственный выживший из семьи мура-матанауи в бразильском штате Амазонас. В нем, во-первых, отмечается свободное варьирование согласных в более широком диапазоне, чем обычно допустимо для аллофонов одной фонемы, ср.: *tí píai* ‘я тоже’, но также *kí píai*, либо *kí kiai*, *pí píai*, *ʔí píai*, *ʔí ʔai*, с тем же значением. И, во-вторых, эту крайнюю невнятность произношения, как и беднейший набор фонем (8 согласных и 3 гласных), у пираха компенсируется просодией (различие тонов, длительности гласных, выраженностью ударения) и неожиданной многоуровневостью языка, позволяющей не только проговаривать, но и просвистеть, пропеть, либо промгнать высказывание. Д. Эверетт говорит о наличии у пираха целых пяти т. н. «каналов дискурса»: свиста, «мычания» (*humming*), музыкальной речи, выкриков и стандартной речи. Слово, или лучше сказать, фраза, распознается в каждом из них, прежде всего, благодаря характерному музыкальному рисунку [Everett 1982; Эверетт 2016: 193–202].

4. Презентизм и историзм в оценке боасовского наследия

Крупнейший историк антропологии Дж. Стокинг считал, что анализ трудов Боаса, подобный предпринятому К. Вогелином, является классическим примером презентизма (от *present* ‘настоящее [время]’), для которого характерно исследование «прошлого ради настоящего» [Stocking 1968: 3]. Руководствуясь таким подходом, исследователь постоянно грешит скоропалительными выводами на злобу дня. Боас как составитель «Handbook of American Indian

Languages» в самом начале первого тома благодарит авторов за то, что они откликнулись на его предложение, следуя «генеральному плану по представлению грамматики» [Boas 1911: vi]. Этого хватило Вогелину, чтобы представить дело так, будто речь шла о вполне конкретном плане, некоей законченной системе идей. Якобы во всех очерках первых двух томов чувствуется рука гения, и по большому счету они написаны им самим [Voegelin 1952: 440].

Но не существует никаких, даже косвенных указаний на то, что, например, описание такелма готовил для «Handbook» не Э. Сепир, майду — не Р. Диксон, хупа — не П. Э. Годдard и т. д. А осуществление всего проекта, несомненно, представляло для Боаса самую настоящую борьбу, как за его финансирование, так и за формирование круга из истинных соратников. Благодаря семинару в Колумбийском университете у Боаса сложилась плеяда учеников, вовлеченных в полевое изучение индейских языков. Имея у себя таких единомышленников, он выступит против привлечения к работе специалистов извне, главным образом вашингтонцев старшего поколения, многие из которых представляли собой миссионеров, даже без профессионального образования. Но точно также отпадет ряд кандидатур из числа собственных боасовских учеников. Его первый докторант по Университету Кларка А. Чемберлен окажется неспособен написать раздел о кутенэй. Г. Сент-Клэр, ответственный за язык шошони, будет тоже исключен из списка — из-за своей необязательности. Кстати, выброшенный тем самым из науки молодой, подававший большие надежды ученый, полевые заметки которого вошли-таки в описания такелма и кууских языков, был первым, кто надоумил Боаса использовать фонограф. Не сложится сотрудничество и с Крёбером, уже обретшим место в Беркли и потому с самого начала ссылавшимся на отсутствие времени. Он напишет текст о юки, но затем обнаружит, что наделал ошибок в фонетической части, и предложит другой, о йокатс, правда опубликованный, в надежде, что Боас просто отредактирует его как надо. Но тот не станет этого делать [Stocking 1992: 71–72].

Стокинг продемонстрировал, как, несмотря на пиетет к учителю, выражавшийся в формулах признательности, жирно выведенных даже в письмах такого самостоятельного мыслителя как Сепир, все равно боасовцы — истинные авторы своих текстов. Редакторские правки самого Боаса, исключая, возможно, очерк Суантона о тлинкит, коснутся в основном необходимости выдерживать единообразие рубрикации, как и некоторых лингвистических частностей. Скажем, редактор, видя, что между хупа (одним из атапаскских языков) и тлинкитским существует морфологическое сходство, направит запрос, чтобы автор первого описания заново проанализировал глагол, а второй провел у себя классификацию префиксов [Ibid.: 72–74]. Так что стилистическая и концептуальная согласованность столь разных частей коллективного труда сигнализирует скорее о формировании реальной единой школы, нежели о диктате одного ментора, а это куда важнее и интереснее для наших целей.

Точно так же Вогелин склонен был оценивать лингвистические воззрения Боаса с позиции науки своего времени. Можно, конечно, считать открытие фонемы и в целом достижения 1930-х–50-х гг. огромным прорывом, благодаря которому чисто «этнические» (etic) описания оказались сбалансированы «эмными» (emic) структурными объяснениями. Фактически же этот период повлек за собой утрату ряда идей, в будущем важных для хомскианства, рассматривающего фонологию под углом зрения грамматики так же, как и Боас. Взгляд на язык, присутствовавший уже на боасовской стадии, затем отторгнутый, вернется в лингвистическую науку только на следующем витке ее истории [Postal 1966: 756]. Как прозорливо заметит по этому поводу Дж. Стокинг [Stocking 1992: 75]:

«[Н]а самом деле затронут достаточно важный исторический вопрос: являлся ли Боас современным структуралистом, но замаскированным историей, или же, скорее, его интересовали совсем другие вопросы, для которых упорядочение <...> звуков может быть вовсе не критичным, или с точки зрения которых менее систематическое упорядочение может оказаться более подходящим?»

Все-таки Боас мало походил на стихийного структуралиста в решении проблем грамматики, как и не был им в фонологических штудиях. В реальности, посвятивший много

усилий критике тогдашних спекулятивных теорий, он и в том, и в другом вопросе тщательно избегал окончательной категоризации.

Интерпретации, подобные вогелиновским, кажутся статичными, а выводы при таком ракурсе рассмотрения неисторичны. В противовес этому, историзм, единственно научный подход, на чем настаивает Стокинг, фактически сводится к осмыслению по поводу другого, предшествующего осмысления, «дабы постичь прошлое ради самого прошлого» [Stocking 1968: 3]. Вогелин вынес свои впечатления исключительно из прочтения самих фолиантов справочника, в отрыве от внешних условий и обстоятельств, в которых они задумывались и воплощались в жизнь. Стокинг же показал, используя соответствующие источники, особенно переписку, что боасовский замысел формировался постепенно, в течение длительного времени.

Можно заключить своего рода пауптством, что необходимо восстанавливать максимально детально единый исторический контекст, в то время как авторы презентистских штудий довольствуются подыскиванием для своих целей отдельных аналогий. Там же, где в историографических очерках былых времен приводят перечни имен и школ лишь затем, чтобы все отвергнуть на последующих страницах, утверждая правильность «единственно верной», настоящему историку науки должен видеться нескончаемый процесс познания. Подлинно исторический взгляд на место в науке такого многогранного мыслителя, как Франц Боас, предполагает вдумчивое осмысление его наследия, а не просто оценку застывшей, закорстевшей мысли «классика».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

APS — American Philosophical Society
BAE — Bureau of American Ethnology
IJAL — International Journal of American Linguistics

Архивные материалы

FB D — Franz Boas's Diary [Rohner 1969]
FB L — Franz Boas's Letter-Diary [Rohner 1969]
FB/AS — Franz Boas to Amelia Susman [Susman Schultz 1977]
FB/MG — Franz Boas to W. J. McGee [Darnell 1998]
FB/TB — Franz Boas to Tony Boas [Cole 1999; Rohner 1969]
FB/WT — Franz Boas to William Thalbitzer [Stocking 1974]
MG/FB — W. J. McGee to Franz Boas [Darnell 1998]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Блумфилд 1968 — Блумфилд Л. *Язык*. М.: Прогресс, 1968. Пер. с англ. [Bloomfield L. *Language*. London: Allen and Unwin, 1935. Transl. into Russian.]
Бодуэн де Куртенэ 1963 — Бодуэн де Куртенэ И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. [Baudouin de Courtenay J. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected works in general linguistics]. Vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963.]
Иванов 2004 — Иванов Вяч. Вс. *Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Ivanov Vyach. Vs. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budushchemu* [Linguistics of the third millenium: Questions to the future]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
Сепир 1993 — Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс; Универс, 1993. [Sapir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works in linguistics and culturology]. Moscow: Progress; Unvers, 1993.]

- Щерба 2004 — Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. 2nd edn. Moscow: Editorial URSS, 2004.]
- Эверетт 2016 — Эверетт Д. Л. *Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. Пер. с англ. [Everett D. *Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian jungle*. London: Profile Books Ltd., 2008. Transl. into Russian.]
- Berman 1994 — Berman J. George Hunt and the Kwak'waka texts. *Anthropological Linguistics*, 1994, 36(4): 482–514.
- Boas 1886 — Boas F. Sprache der Bella-Coola-Indianer. *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, 1886, 18: 202–206.
- Boas 1889 — Boas F. On alternating sounds. *American Anthropologist*, 1889, 2: 47–53.
- Boas 1892 — Boas F. Notes on the Chemakum language. *American Anthropologist*, 1892, 5: 37–44.
- Boas 1894 — Boas F. *Chinook texts*. Washington: Government Printing Office, 1894. (BAE, Bulletin 20.)
- Boas 1901 — Boas F. *Kathlamet Texts*. Washington: Government Printing Office, 1901. (BAE, Bulletin 26.)
- Boas 1902 — Boas F. *Tsimshian Texts*. Washington: Government Printing Office, 1902. (BAE, Bulletin 27.)
- Boas 1909 — Boas F. Notes on the Iroquois Language. *Putnam Anniversary Volume: Anthropological essays presented to Frederic Ward Putnam in honor of his seventieth birthday, April 16, 1909*. New York: Stechert, 1909, 427–460.
- Boas 1911 — Boas F. (ed.). *Handbook of American Indian languages*. Vol. 1. Washington: Government Printing Office, 1911. (BAE, Bulletin 40.) (As contributor: Introduction, pp. 1–83; Tsimshian, pp. 283–422; Kwakiutl, pp. 423–558; Chinook, pp. 559–678; with John Swanton: Dakota, pp. 875–965.)
- Cole 1999 — Cole D. *Franz Boas. The early years, 1858–1906*. Seattle: Univ. of Washington Press, 1999.
- Darnell 1998 — Darnell R. *And along came Boas: Continuity and revolution in Americanist anthropology*. Amsterdam: John Benjamins, 1998.
- Emeneau 1943 — Emeneau M. Franz Boas as a linguist. *American Anthropologist*, 1943, 45(3), part 2: 35–38.
- Everett 1982 — Everett D. Phonetic rarities in Pirahã. *Journal of the International Phonetic Association*, 1982, 12(2): 94–96.
- Grant, Costa 1991 — Grant A., Costa D. Some observations on John P. Harrington's Peoria Vocabulary. *Anthropological Linguistics*, 1991, 33(4): 406–436.
- Hoiyer 1954 — Hoiyer H. The Sapir-Whorf Hypothesis. *Language and culture*. Hoiyer H. (ed.). Chicago: Univ. of Chicago Press, 1954, 92–105.
- Hymes 1955 — Hymes D. *The language of the Kathlamet Chinook*. Ph.D. diss. Indiana Univ., 1955.
- Hymes 1984 — Hymes D. The earliest Clackamas text. *IJAL*, 50(4): 358–383.
- Jakobson 1944 — Jakobson R. Franz Boas' approach to language. *IJAL*, 10(4): 188–195.
- Kluckhohn, Prufer 1959 — Kluckhohn C., Prufer O. Influences during the formative years. *The anthropology of Franz Boas. Essays on the centennial of his birth*. Goldschmidt W. (ed.). Special issue of *American Anthropologist*, 1959: 4–28.
- Kroeber 1902 — Kroeber A. The Arapaho. *Bulletin of the American Museum of Natural History*, 1902, XVIII, part I: 1–150.
- Kroeber 1943 — Kroeber A. Franz Boas: The Man. *American Anthropologist*, 1943, 45(3), part 2: 5–26.
- Lowie 1943 — Lowie R. Franz Boas, anthropologist. *Scientific Monthly*, 1943, 56(2): 182–184.
- Mithun 1999 — Mithun M. *The languages of Native North America*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.
- Postal 1964 — Postal P. Boas and the development of phonology: Comments based on Iroquoian. *IJAL*, 1964, 30(3): 269–280.
- Postal 1966 — Postal P. Boas: One phonological level or two? *American Anthropologist, New Series*, 1966, 68(3): 755–756.
- Rohner 1969 — Rohner R. (ed.). *The ethnography of Franz Boas: Letters and diaries of Franz Boas written on the Northwest Coast from 1886 to 1931*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1969.
- Rudes 1994 — Rudes B. John Napoleon Brinton Hewitt: Tuscarora linguist. *Anthropological Linguistics*, 1994, 36(4): 466–481.
- Sapir 1907 — Sapir E. Preliminary report on the language and mythology of the Upper Chinook. *American Anthropologist, New Series*, 1907, 9(3): 533–544.
- Sapir 1933 — Sapir E. La réalité psychologique des phonèmes. *Journal de psychologie normale et pathologique*, 1933, 30: 247–265.
- Silverstein 1990 — Silverstein M. Chinookans of the Lower Columbia. *Handbook of North American Indians*. Vol. 7: *Northwest Coast*. Washington: Smithsonian Institution, 1990, 533–546.

- Silverstein 2015 — Silverstein M. From Baffin Island to Boasian induction: How anthropology and linguistics got into their interlinear groove. *The Franz Boas papers*. Vol. 1: *Franz Boas as public intellectual: Theory, ethnography, activism*. Darnell R. (gen. ed.). Lincoln; London: Univ. of Nebraska Press, 2015, 83–127.
- Stocking 1968 — Stocking G. *Race, culture, and evolution: Essays in the history of anthropology*. New York: Free Press, 1968.
- Stocking 1974 — Stocking G. (ed.). *The shaping of American anthropology, 1883–1911*. New York: Basic Books, 1974.
- Stocking 1992 — Stocking G. *The Ethnographer's Magic and other essays in the history of anthropology*. Madison; London: The Univ. of Wisconsin Press, 1992.
- Susman Schultz 1977 — Susman Schultz A. Boas on phonemics and dissertations. *IJAL*, 1977, 43(1): 56–57.
- Swadesh 1955 — Swadesh M. Chemakum lexicon compared with Quileute. *IJAL*, 1955, 21(1): 60–72.
- Voegelin 1952 — Voegelin Ch. The Boas plan for the presentation of American Indian languages. *Proc. of the American Philosophical Society*, 1952, 96(4): 439–451.
- Voegelin 1965 — Voegelin Ch. Review of: Shipley W. F. *Maidu Grammar*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1964. *American Anthropologist*, 1965, 67(5): 1338–1340.
- Voegelin, Voegelin 1963 — Voegelin Ch., Voegelin F. On the history of structuralizing in 20th-century America. *Anthropological Linguistics*, 1963, 5(1): 12–37.
- Voegelin, Voegelin 1966 — Voegelin Ch., Voegelin F. A reply to Postal. *American Anthropologist, New Series*, 1966, 68(3): 756–757.
- Zumwalt 2019 — Zumwalt R. *Franz Boas: The emergence of the anthropologist*. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 2019.

Получено / received 08.05.2021

Принято / accepted 21.03.2023

[Рец. на: / Review of:] **А. П. Володин (гл. сост.), Ч. Оно (ред.). Полный ительменско-русский словарь.** Санкт-Петербург; Fürstenberg / Havel: Институт лингвистических исследований РАН; Verlag der Kulturstiftung Sibirien, SEC Publications, 2021. 489 с. [A. P. Volodin (main comp.), Ch. Ono (ed.). *Polnyi itel'mensko-russkii slovar'* [A comprehensive Itelmen–Russian dictionary]. St. Petersburg; Fürstenberg / Havel: Institute of Linguistic Studies; Verlag der Kulturstiftung Sibirien, SEC Publications, 2021.] ISBN: 978-3-942883-70-2.

Евгений Васильевич Головко

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия; evggolovko@yandex.ru

Анна Юрьевна Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия; urmanna@yandex.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.158-164

Evgeny V. Golovko

Institute of Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russia;
evggolovko@yandex.ru

Anna Yu. Urmanchieva

Institute of Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russia;
urmanna@yandex.ru

Чтобы оценить важность появления «Полного ительменско-русского словаря», необходимо знать некоторые факты об ительменском языке, которые мы будем упоминать по ходу изложения. Немаловажно и то, что ответы на многие важные вопросы об истории ительменского языка в современной лингвистике формулируются скорее в виде конкурирующих гипотез, чем в виде доказанных истин.

Начать следует с печальной истории стремительного исчезновения ительменского языка — точнее, группы ительменских языков. В сравнении с другими малыми языками ительменский стал терять носителей довольно рано. Еще в XVIII в. ительменский язык был распространен и на восточном, тихоокеанском побережье Камчатки (восточное наречие¹ ительменского), и на западном, охотском побережье полуострова (западное наречие ительменского), на юге его распространение доходило до мыса Лопатка (здесь говорили на южном наречии ительменского). Но уже в конце XIX — начале XX в. активный переход ительменов на русский язык привел к полному исчезновению восточного и южного наречий². И материал, собиравшийся исследователями ительменского в течение XX в., отражает только данные западного наречия. Сейчас и оно стоит на пороге исчезновения: по данным проекта «Малые языки России» Института языкознания РАН, «в полной мере ительменским языком владеет одна женщина в селе Тигиль. Несколько ительменов в селе Ковран 1960-х годов рождения имеют фрагментарные знания. Кроме того, определенным уровнем знания языка обладают ительмены, посещающие курсы по изучению ительменского языка под руководством языкового активиста неоносителя В. В. Рыжкова» [Малые языки России]³.

¹ В данном случае мы не стремимся к терминологической точности и не пытаемся развести понятия «язык» и «диалект». Использование понятия «наречие» представляется удобным для целей настоящей рецензии. Кроме того, это слово традиционно использовалось многими авторами применительно к ительменским идиомам.

² Переход значительной части ительменов на русский язык (наряду с некоторыми другими культурными изменениями) привел к тому, что в официальных документах власти стали использовать два этнонима — «камчадалы» (русскоязычное коренное население, с большим числом смешанных браков, смыкающееся с так называемым старожильческим населением) и собственно «ительмены» (говорящие на ительменском языке).

³ Верить данным переписей населения не стоит: для малых языков переписи вопреки всему хорошо регистрируют рост числа говорящих. Согласно переписи 2010 г., ительменским владели 82

В словаре представлены материалы по всем трем наречиям: хотя основной объем лексики, отражает, конечно, западное наречие, которое еще можно было документировать в течение XX в., отдельные разделы словаря посвящены восточному и южному наречиям. Эти разделы составлены по материалам С. П. Крашенинникова (XVIII в.) и врача и естествоиспытателя Бенедикта Дыбовского, работавшего на Камчатке в 1878–1883 гг. Таким образом, перед нами первый диалектный словарь ительменского языка, точнее, ительменских языков. Важность публикации в одной книге словарных материалов по трем «наречиям» сложно переоценить: историки языка получают в свое распоряжение ценнейший материал для реконструкции истории диалектной дивергенции ительменского. Надо отметить, что в предисловии составители словаря скромно умалчивают о том, что данное издание обладает полным функционалом сопоставительного словаря: в разделах, посвященных восточному и южному ительменским, при каждом слове дается отсылка на слово с тем же значением из западного ительменского. Диалектные материалы дают богатую почву для размышлений: хотя сами авторы словаря отмечают, что наречия ительменского они определяют как близкородственные, в глаза бросаются существенные отличия даже в лексике, передающей базовые понятия (в том числе относящейся к базисной лексике в лексикостатистических списках). Мы выбрали только несколько примеров из словаря южного наречия, см. (1):

(1)	южное наречие	западное наречие
‘звезда’	<i>азанид, ашангыт</i>	<i>эүзэчү</i>
‘отец’	<i>апач, апачь</i>	<i>исх</i>
‘лоб’	<i>гильга</i>	<i>кчэч</i>
‘луна’	<i>ких</i>	<i>йа?элвэчү</i>
‘высокий’	<i>куук</i>	<i>асла?х</i>
‘зверь’	<i>тува</i>	<i>вир?нык</i>
‘мозг’	<i>тхиза</i>	<i>а?йув?ай</i>
‘брат’	<i>тыя</i>	<i>?иткинэ?у, силлатумх</i>

Не меньше отличий и в лексике, обозначающей природные реалии (особенности ландшафта, представителей фауны), приведем только некоторые примеры, см. (2):

(2)	южное наречие	западное наречие
‘пригорок’	<i>таакоричь</i>	
‘высокие взгорья’	<i>ких</i>	<i>эскип</i>
‘холм’	<i>каакиит</i>	
‘гора’	<i>намуд</i>	<i>нэй?нэ</i>
‘ласточка’	<i>каенкчич</i>	<i>атк’альачү</i>
‘глухарь’	<i>тгагач, ткагач</i>	<i>кэнфс</i>
‘кит’	<i>дай, най</i>	<i>йу?уйчү</i>
‘горностай’	<i>дидистас</i>	<i>и?на?с</i>

человека [Перепись 2010], хотя исследователи уже тогда отмечали, что говорящих на этом языке чуть более 10 человек. А по данным переписи 2020 г. говорящих на ительменском оказалось уже 532 человека, причем 395 из них «используют его в повседневной жизни» [Перепись 2020]. Очевидно, как и в случае с любыми переписями населения, речь идет не о подтасовке фактов, а о несовершенстве применяемых методик подсчета. Фиксация культурных идентичностей (а именно к этому сводятся в конечном счете попытки подсчета владеющих языком) невозможна при помощи элементарных статистических методов.

Еще один важный факт: лингвисты до сих пор не пришли к единому мнению о генетической принадлежности ительменского языка. Этот вопрос, в частности, освещается и в предисловии к словарю. Ряд исследователей считает ительменский родственным чукотско-корякским языкам (чукотскому, корякскому, алюторскому, керекскому), ср., например, [Bogoras 1922; Скорик 1958а; 1958б; Мудрак 2000; Fortescue 2005]. Одним из основных аргументов является несомненная общность лично-числовых глагольных грамматических показателей (индикатива и императива) и личных местоимений ительменского и чукотско-корякских. Перечисленные лингвисты трактуют эту общность с позиций классического сравнительно-исторического языкознания — как признак языкового родства. Однако другие исследователи, в их числе и А. П. Володин, рассматривают эти же явления иначе — как следствие интенсивных языковых контактов, как свидетельство того, что ительменский язык является смешанным языком, в формировании которого принимали участие чукотско-корякские языки, из которых в ительменский, в частности, были перенесены глагольные лично-числовые показатели. Эта гипотеза (обсуждающаяся и в предисловии к словарю⁴) хорошо согласуется с тем фактом, что заимствование парадигм является, можно сказать, хрестоматийным признаком смешения языков.

Очевидно, что появление значительного по охвату лексики ительменского словаря может помочь исследователям приблизиться к пониманию ранних этапов истории ительменского и, возможно, найти дополнительные аргументы в пользу одной из конкурирующих гипотез о его происхождении: все же именно тщательное историческое исследование словарного фонда языка обычно позволяет установить его генетическую принадлежность (в том числе и в отрицательном смысле — определив его как изолят).

При этом словарь отличается исключительной полнотой: в нем собраны все доступные словарные материалы по ительменскому (в предисловии отмечается, что словарь представляет собой промежуточный итог работы по проекту полного лексикографического описания ительменского языка: предполагается дополнить его словарными записями В. Г. Богораза 1901 г. и материалами из аудиозаписей Дж. Бобалика). В словарь включены материалы XVIII–XIX вв.: записи С. П. Крашенинникова, Б. Дыбовского, В. Н. Тюшова, Г. В. Стеллера, записи начала XX в., сделанные В. Г. Богоразом и В. И. Иохельсоном, а также записи советских исследователей Е. П. Орловой, Т. А. Молл и Н. К. Старковой. В предисловии к словарю дается краткая история изучения ительменского и основные сведения об авторах включенных в словарь материалов. Основу словаря составили две картотеки: картотека А. П. Володиной (1935–2017), состоящая из 12 281 карточки, и почти равная ей по объему картотека этнографа Н. К. Старковой (1932–2007), состоящая из 11 618 карточек. Оба исследователя работали примерно в одно время и, несмотря на значительное расстояние, отделявшее их друг от друга (Ленинград — Владивосток), в процессе работы над словарем находились в довольно тесном контакте, встречаясь время от времени в Ленинграде. Основным составителем словаря был Александр Павлович Володин, несомненно, крупнейший специалист по ительменскому языку, посвятивший его изучению более полувека: в первую экспедицию на Камчатку он отправился в 1962 г., а над словарем работал до самой своей смерти в 2017 г.

Есть некоторый грустный символизм в том, что Александр Павлович ушел из жизни, может быть, всего за несколько лет до того, как будет признан исчезнувшим ительменский язык (заметим, что до этого исчез еще один язык, с которым работал Володин, — керекский). Во всяком случае, этот словарь оказался памятником — возможно, самым лучшим — и ительменскому языку, и его исследователю.

⁴ В лингвистической литературе трактовка ительменского языка как относящегося к классу смешанных языков (с конкретными языковыми примерами) была впервые представлена в статье [Bakker 1999]. Заметим, что А. П. Володин неоднократно обсуждал эту возможность в беседах с одним из авторов рецензии еще в середине 1990-х гг., см. также подступы к такой интерпретации в работе [Володин 1997].

Вместе с тем практически полное исчезновение ительменского языка из естественного бытования не означает автоматически исчезновения представлений об ительменском как о родном языке среди ительменов. Сложно давать оценку того, насколько обратимым является исчезновение языка и насколько эффективно этому могут противодействовать различные программы ревитализации, в том числе зарождающийся в рамках «бывшего» языкового сообщества языковой активизм. Можно лишь отметить в качестве бесспорной тенденции повсеместное повышение интереса к «традиционным» языкам, что, в свою очередь, связано со стремлением к этнической самоидентификации. Очень важным фактором, пробуждающим интерес к языку и повышающим престиж «традиционного» языка, является появление книг на этом языке. Особенно это важно в ситуации таких языков, как ительменский: письменность на нем развивалась с опозданием в сравнении со многими другими языками коренных малочисленных народов. Первый ительменский букварь в кириллической письменности (разработанной А. П. Володиным и К. Н. Халоймовой) появился только в 1988 г. [Букварь], год спустя вышел школьный ительменско-русский и русско-ительменский словарь [Словарь 1989/2001].

Когда традиционный язык так надолго оказывается вытеснен из сферы преподавания, когда не развивается письменность на этом языке, он постепенно начинает оцениваться в обыденном дискурсе как «никому не нужный», «второсортный», «такой, на котором и писать нельзя». В своей полевой практике авторы этой рецензии — как, думаем, и многие ее читатели — нередко наблюдали, насколько болезненно представители этнического сообщества относятся к такому положению традиционного языка — вне зависимости от того, владеют ли они сами этим языком или же только являются потомками говоривших на нем. При этом мы были и свидетелями того, как меняет это отношение сама возможность поставить на видном месте на полку книгу на своем языке или на языке своих родителей.

Важно, что «Полный ительменско-русский словарь» представляет собой книгу, которую можно не только на полку поставить, но и с этой полки снять: при всех несомненных научных достоинствах издания в не меньшей степени это книга, ориентированная на возможность использования в языковом сообществе. Тут надо сказать, что именно в случае языков коренных малочисленных народов их лингвистическое изучение часто уходит в область чистой науки, и языковое сообщество не получает никакой отдачи от многолетней работы его представителей с лингвистами. «Полный ительменско-русский словарь» лишен этого недостатка.

Словарю предпосланы два предисловия — Александра Павловича Володина как основного составителя и редакторов: Чикако Оно, оказавшей Александру Павловичу неоценимую помощь в работе над словарем и завершившей подготовку книги после его смерти, Джонатана Бобалика и Дэйвида Кэстера. Оба текста обладают всеми достоинствами предисловий к академическим изданиям, но при этом читаются как увлекательные научно-популярные статьи. Материал западного диалекта (единственного дожившего до наших дней) дается в словаре в практической орфографии. Удачно подобран иллюстративный материал, в частности, в словарные статьи включены отдельные грамматические формы — ведь именно в виде словоформ, а не в виде основы или «начальной словарной формы» слово бытует в языке, см. (3). В словаре богато проиллюстрировано употребление слов в контексте, в том числе примерами из фольклора, см. (4).

- (3) **имл-1** *nl эмлэс инф* нагружать что-либо на себя (на плечи, спину);
ʒ'имлмиш нагрузи на меня (помоги закинуть груз на плечи) *т'имлчэн* я нагрузил его *к'имлжин* он нагрузил его <V-e_074>
 2) **неп эмлкас инф** нагружать на себя, взять и тащить на спине;
т'имлжицэн я нагрузился (взял груз, ношу на спину) *ʒ'имлхч* нагружайся <V-e_071>

(с. 68)

- (4) **ч'эхч'эл** *нареч* напрасно, зря, по-пустому, наугад; *ч'эхч'эл зокэ тэнхлжицэн* зря я ходил туда *ч'эхч'эл манкэ* как попало, куда попало *к'илкнэн ньэньэкэʒ'ньч уьуьахадн* *ч'эхч'эл манкэ* пошли маленькие ребяташки куда глаза глядят (фольк.) *ч'эхч'эл*

майасч напрасно врешь *анна ч'эхч'эл схэзиқзокичэн* он зря ездил *хақ клүзуки ч'эхч'эл* *зақ далакақ* береги себя, не ходи как попало (не глядя)

(с. 302)

При таком подборе иллюстративного материала в словарь, неформально говоря, попадает именно то, что люди реально произносят или произносили и реально слышат или слышали.

Словарь включает в себя семь разделов. Основную часть (с. 25–344) занимает словарь западного ительменского. За ним следуют два небольших по объему раздела, в которых собраны все имеющиеся лексические материалы XVIII–XIX вв. по южному ительменскому (с. 345–350) и восточному ительменскому (с. 351–359). Представляется удачным решением вынести эти данные в отдельные разделы. С одной стороны, как уже упоминалось выше, словарные статьи по южному и восточному ительменскому содержат отсылки к словарным статьям по западному ительменскому, что позволяет использовать этот словарь как сравнительный. С другой стороны, можно быстро просмотреть в отдельности материал по каждому ительменскому идиому. Кроме того, словарные статьи основной части не перегружены сопоставительным материалом, что делает ее более привлекательной для практического использования.

Отдельные разделы в словаре посвящены топонимам (с. 361–373) и антропонимам (с. 375–384). Эти разделы, несомненно, будут интересны не только лингвистам, но и этнографам и историкам. Топонимы, в особенности гидронимы (потамонимы), сохраняются и на современных географических картах — но только в русифицированном виде, что может существенно исказить исконный облик слова (особенно учитывая то, что ительменский знаменит исключительно сложной фонотактикой — обилием консонантных кластеров, могущих включать до шести согласных звуков подряд). Названия более мелких природных объектов, которые обычно выделяются в ближайшем обжитом пространстве, — покосов, сопок, песчаных берегов в том или ином месте реки, рощ — бытуют обычно только в устной форме и потому уходят из языка быстрее. Что касается антропонимов, то они представляют собой практически исчезнувший пласт лексики. В этом разделе словаря собраны имена собственные из фольклорных и мифологических текстов, а также ряд имен, записанных в XVIII в. С. П. Крашенинниковым: после крещения ительмены приняли русские имена. Таким образом, оба ономастических раздела словаря имеют значительную историческую ценность. В том числе, не в последнюю очередь, они ценны и для языкового сообщества: культурно-историческая значимость и эмблематическая функция собственных имен признаны и антропологами, и этнографами, и специалистами по ономастике и этнолингвистике.

Вообще говоря, этот словарь хочется назвать «энциклопедией ительменской жизни»: помимо ономастических разделов, основная часть словаря содержит много сведений по традиционной материальной и духовной культуре, ср., например, несколько словарных статей в (5):

- (5) а. **ин- неп энкас инф** вытапливаться (главным образом о нерпичьем жире) естественным путем: жир нарезают мелкими кусочками и ставят на солнце либо в теплое место (с. 69)
- б. **ч'имү'эһ** (ед. **ч'имү'эчү**) *суц* рыба требуха (кишки и т. п.), которую варят для собак (с. 297)
- в. **ч'исхун- н/ ч'эсхонэс инф** спец. шаманск. высасывать дурную кровь из ранки, болезнь из тела больного (с. 298)
- г. **чхл- н/ чхлэс инф** дуть, обдувать кого-либо вместе со слюной (шаманское действие); сглазить кого-либо (почти исключительно ребенка); *зақ фчиткақ фэвананк, ләһадһч чхлэвадин* не дыши на лицо, глазки покраснеют (сглазишь его) *һэһэж'эчү һачхлэчэн* ребенка обдули, сглазили (с. 293)

Переводы ительменских слов на русский язык достаточно лаконичны (что также является плюсом с точки зрения возможности практического использования словаря), но в то же время лексикографически точны; нередко специально отмечаются особенности

семантики ительменского слова, отличающие его от ближайшего русского эквивалента, ср. примеры в (6):

- (6) а. **чэ̄схэс** (мн. **чэ̄схэсээ̄н**) *суц* мука, страдание от голода, от холода, но не от боли (с. 294)
 б. **ч'ӣнзла̄х** (мн. **ч'ӣнзла̄ха̄н**) *вар. чинзла̄х прил* злой, злобный (животные и человек), к погоде, явлениям природы не относится (с. 297)
 в. **фчӣфча̄х** *суц см. фчӣфч* (дими́нут.) душа, душонка — но без пренебрежения, а скорее просто с уменьшительным оттенком, что вообще свойственно ительменам (с. 272)

Предпоследний раздел словаря (с. 385–393) — алфавитный список аффиксов ительменского языка, словоизменительных и словообразовательных. Этот список позволит наиболее любознательному читателю определить морфологический состав включенных в словарь производных слов, морфологический состав грамматических форм, приводимых в словарных статьях в качестве иллюстративного материала, а также понять, хотя бы в первом приближении, грамматику фразовых примеров. Это своего рода сверхкраткий грамматический очерк (ориентированный, конечно, только на анализ, а не на синтез морфологических форм), позволяющий искать грамматические показатели наиболее простым способом. Если поиск морфемы в грамматическом очерке все же требует определенного знакомства с грамматикой языка (так как необходимо предварительно определить, в какой именно парадигме следует искать показатель), то предельно упрощенное списочное представление грамматики требует от читателя всего лишь знания алфавита.

Последнюю часть словаря составляет русский индекс (с. 395–488), что позволяет пользоваться словарем не только как ительменско-русским, но и как русско-ительменским.

Хотелось бы отметить, что и сами составители словаря позиционируют его как результат совместного труда исследователей и представителей языкового сообщества: в предисловии дается полный список имен всех 53 носителей ительменского языка, которые консультировали составителей словаря на разных этапах работы.

В заключение нельзя не сказать еще об одной особенности рецензируемого словаря. Его можно считать одним из самых успешных международных лингвистических проектов последнего времени. Над ним работали исследователи из четырех стран — России (А. П. Володин, Н. К. Старкова и др.), Японии (Чикако Оно), США (Дж. Бобалик, Д. Кэстер, М. Краусс), Германии (Э. Кастен), представляющие пять академических учреждений (ИЛИ РАН, Университет штата Аляска в Фербенксе, Гарвардский университет, Университет штата Коннектикут, Университет города Чикаго (Тибя) в Японии). Финансовую поддержку обеспечили ИЛИ РАН, два гранта Национального фонда научных исследований США и Фонд культуры народов Сибири в Германии. Оригинал-макет был подготовлен в немецком издательстве «Kulturstiftung Sibirien», словарь был напечатан в Германии и России. Кажется, все эти факты как нельзя лучше подтверждают ту простую истину, что занятия наукой в принципе не имеют границ и самые впечатляющие результаты могут быть получены тогда, когда проектами занимаются большие международные коллективы. Нам остается надеяться, что работа над ительменским словарем не остановится. Сканированная исходная картотека словаря (оригиналы бумажных карточек) уже доступна в интернете. Составители обещают новые издания словаря, дополненные не вошедшими в словарь материалами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Букварь — Халоймова К. Н., Володин А. П. *Букварь. 1 класс: для ительменских школ*. Изд. 1-е. Л.: Просвещение, 1988. Изд. 2-е, дораб. СПб.: Просвещение, 1993.
 Малые языки России — *Ительменский язык*. Статья на интернет-портале «Малые языки России» Института языкознания РАН. <https://minlang.iling-ran.ru/lang/itelmenskiy-yazyk>.

- Перепись 2010 — *Всероссийская перепись населения — 2010*. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Таблица «Владение языками населением Российской Федерации». https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf.
- Перепись 2020 — *Всероссийская перепись населения — 2020*. Т. 5: Национальный состав и владение языками, гражданство. Таблица «Владение языками и использование языков населением». https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx.
- Словарь 1989/2001 — Володин А. П., Халоймова К. Н. *Словарь ительменско-русский и русско-ительменский*. Изд. 1-е. Л.: Просвещение, 1989. Изд. 2-е, дораб. СПб.: Просвещение, 2001.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Володин 1997 — Володин А. П. Ительменский язык. *Палеоазиатские языки*. Володин А. П. (отв. ред.). М.: Индрик, 1997, 60–71. [Volodin A. P. Itelmen. *Paleoaziatskie jazyki*. Volodin A. P. (ed.). Moscow: Indrik, 1997, 60–71.]
- Мудрак 2000 — Мудрак О. А. *Этимологический словарь чукотско-камчатского языка*. М.: Языки русской культуры, 2000. [Mudrak O. A. *Etimologicheskii slovar' chukotsko-kamchatskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chukotko-Kamchatkan language]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Скорик 1958а — Скорик П. Я. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков. *Вопросы языкознания*, 1958, 1: 21–35. [Skorik P. Ya. On the classification of the Chukotko-Kamchatkan languages. *Voprosy Jazykoznanija*, 1958, 1: 21–35.]
- Скорик 1958б — Скорик П. Я. К вопросу о сравнительном изучении чукотско-камчатских языков. *Известия Отделения литературы и языка АН СССР*, 1958, 6: 534–546. [Skorik P. Ya. Towards the comparative study of the Chukotko-Kamchatkan languages. *Izvestiya Otdeleniya literatury i yazyka AN SSSR*, 1958, 6: 534–546.]
- Bakker 1999 — Bakker P. Rapid language change: Creolization, intertwining, convergence. *The depth in historical linguistics*. Vol. 2. Renfrew C., McMahon A., Trask L. (eds.). Cambridge: McDonald Institute for Archeological Studies, 1999, 585–620.
- Bogoras 1922 — Bogoras W. Chukchee. *Handbook of American Indian languages* Boas F. (ed.). Vol. 2. Washington: Government Printing Office, 1922, 631–903.
- Fortescue 2005 — Fortescue M. *Comparative Chukotko-Kamchatkan dictionary*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.

Получено / received 20.03.2023

Принято / accepted 21.03.2023

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 13.06.2023 Дата выхода в свет 27.06.2023
Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5 Тираж 250 экз. Зак. 5/3а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1